

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 2 (68), № 3

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки» является историческим правопреемником журнала «Ученые записки Таврического университета», который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2016

**Печатается по решению Ученого совета Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского, протокол № 17 от 4 декабря 2016 г.**

**Редакционный совет журнала
«Ученые записки Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского. Исторические науки»:**

1. **Непомнящий Андрей Анатольевич** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского – главный редактор.
2. **Манаев Александр Юрьевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Таврической академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского; заместитель декана исторического факультета по научной работе – ответственный секретарь.
3. **Герцен Александр Германович** – кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, заведующий кафедрой древнего мира и средних веков.
4. **Ишин Андрей Вячеславович** – доктор исторических наук, доцент кафедры истории России Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
5. **Латышева Елена Владимировна** – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой документоведения и архивоведения Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
6. **Науменко Валерий Евгеньевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
7. **Петрова Элеонора Борисовна** – доктор исторических наук, профессор кафедры древнего мира и средних веков Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
8. **Платонова Надежда Игоревна** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург).
9. **Романько Олег Валентинович** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
10. **Тихонов Игорь Владимирович** – доктор исторических наук, заведующий музеем истории Санкт-Петербургского университета (г. Санкт-Петербург).
11. **Тункина Ирина Владимировна** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, директор Петербургского филиала Архива Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).
12. **Филимонов Сергей Борисович** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
13. **Храпунов Игорь Николаевич** – доктор исторических наук, профессор кафедры древнего мира и средних веков Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
14. **Щевелев Сергей Стефанович** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.

**Подписано в печать 07.12.2015. Формат 70x100 1/16
7,23 усл. п. л. Заказ № НП/35.**

Отпечатано в издательском отделе КФУ имени В. И. Вернадского
295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4

<http://sn-histor.cfuv.ru>

УДК 929

РОССИЙСКИЙ МОРСКОЙ ВОЕНАЧАЛЬНИК Е. К. КРАФТ В ЗЕРКАЛЕ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА ВРАНГЕЛЯ И БЕЛОЙ ЭМИГРАЦИИ

Володихин Д. М., Богомазова А. А.

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация
E-mail: volodih@mail.ru*

Разрозненность и хаотизм делопроизводственной документации, связанной с белым движением в России в целом и, в частности, на территории Крыма, ставят целый ряд барьеров к реконструкции биографий крупных деятелей белого дела, включая генералов и адмиралов. Биография крупного российского флотского военачальника вице-адмирала Е. К. Крафта хорошо известна до его отставки в 1914 году. Но участие его в белом движении в Крыму и жизнь в эмиграции по сию пору не получили даже самого беглого описания. Состояние документированности белого дела позволяет частично, с пробелами, осветить позднюю часть его судьбы.

Ключевые слова: Е. К. Крафт, архивные источники, Белое движение, Черноморский флот, белая эмиграция.

Евгений Карлович Крафт происходил из морской офицерской семьи. Его отец был капитаном Корпуса флотских штурманов, его брат Виктор получил первый офицерский чин в один год с ним, а сыновья Евгения Карловича также пошли на службу в российский императорский флот. Сам он родился в Одессе 22 июля 1861 года, был крещен в православие, женился на Маргарите Александровне Перотте, бывшей моложе него на один год [ГА РФ. Ф. Р-6792. Оп. 1. № 56. Л. 33].

Воспитанник в Морском кадетском корпусе, Е. К. Крафт был выпущен гардемаринном в 1881 году [22, с. 293]. Годом позднее он получил мичманский чин.

В карьере Евгения Карловича было три пика, связанных либо с историческими событиями, либо со служебными успехами. В итоге к преддверию Первой мировой войны он стал известной на флоте личностью.

В 1882 году его назначили исполнять штурманскую службу на паровой корвет «Скобелев», ранее носивший прославленное имя «Витязь». В 1870–1874 годах «Витязь» совершил кругосветное плавание и, в частности, доставил знаменитого ученого Н. Н. Миклухо-Маклая в Новую Гвинею. А в 1882–1885 годах корвет совершил еще одно кругосветное плавание, вновь связанное с именем Миклухо-Маклая: на борту корабля он перебрался из Батавии в Манилу.

10 ноября 1882 года директор канцелярии Морского министерства контр-адмирал Н. И. Кознаков предписал командиру корвета «Скобелев» В. В. Благодареву немедленно отправиться в Сидней, взять там в конце марта Миклухо-Маклая и вместе с ним следовать сначала на Берег Маклая (в Порт-Константин и Порт-Алексей), а затем к островам Хермит и далее к островам Палау (Каролинские острова). В действительности Н. Н. Миклухо-Маклай взшел на борт и начал путешествие уже в феврале 1883 года. «Во всех этих местах,— писал

Казнаков,– Вы должны будете внимательно осмотреть и описать берега, наметив пункты, где, по Вашему мнению, было бы удобно устроить склады угля, произвести промер этих мест, обратить особенное внимание на местное производство, если есть какое-нибудь, и могут ли суда получить на месте провизию, какую именно и в каком количестве. Вместе с тем,– указывалось далее в инструкции,– обратите внимание на климатические условия местности, соберите, если возможно, сведения о состоянии погоды и господствующих ветрах в разное время года и вообще составьте самое подробное и точное описание этих мест» [3, с. 72].

Экипаж «Скобелева» под командой чрезвычайно опытного мореплавателя В.В. Благодарева действительно занимался исследованием Ново-Гвинейского моря: были открыты и подверглись описанию ранее не известные бухты, острова. Евгений Карлович участвовал, как и некоторые другие офицеры, в сборе ценных предметов, принадлежащих культуре аборигенов. От его имени и от имени командира корвета в Кунсткамеру поступило 5 вещей с островов Океании [11, с. 112].

В. В. Благодарев придерживался благородной традиции: он щедро давал имена младших офицеров островам, которые открывал и подвергал описанию. В Тихом океане появились остров Лебедева (Адмосин), остров Смирнова (Мегас), остров Плансона (Улимал), остров Азбелева и... остров Крафта (Тауш) [14, с. 200]. В. И. Лебедев, И. П. Азбелев и В. С. Смирнов служили в чине мичмана, К.А. Плансон был прапорщиком корпуса флотских штурманов. Что же касается собственной фамилии, ее Благодарев так и не дал ни одному из найденных островов, зато название своего корабля, а вместе с тем и память о русском генерале, герое недавней войны с турками, связал с островом, который сейчас чаще называют Сек.

Остров Крафта входит в архипелаг Довольных людей, который, в свою очередь, является частью большого архипелага Бисмарка у побережья Новой Гвинеи. Ныне он принадлежит государству Папуа – Новая Гвинея.

Так первое значительное плавание Евгения Карловича сделало фамилию и биографию молодого офицера строкой в хронике географических открытий.

В 1883 году из команды корвета «Скобелев» Крафт перешел в экипаж полуброненосного фрегата «Герцог Эдинбургский». Это был новый мощный корабль, введенный в строй всего восемью годами ранее и оснащенный восьмидюймовыми орудиями главного калибра. Служба на нем – очень хорошая школа. Тем более, что «Герцог Эдинбургский» совершал, как и корвет «Скобелев», длительное плавание по Тихому и Индийскому океанам: посетив в 1883-м Филиппины, корабль отправился к Гонконгу, а оттуда – в Нагасаки и Посьет. Оттуда он двинулся на Сингапур, затем к Цейлону, Адену и прошел через Суэц [18, приложение 2].

В долгом плавании по южным морям на долю Е. К. Крафта выпало познакомиться с людьми, которые через много лет взойдут на первые места в иерархии российского императорского флота. Среди них Андрей Августович Эбергард (возглавит Черноморский флот в годы Первой мировой войны), Константин Антонович Плансон (знаменитый гидрограф, начштаба Черноморского флота в той же Первой мировой) и Иван Федорович Бострем (ему предстоит

занимать посты вице-председателя Адмиралтейств-совета и военного губернатора Севастополя, стать крупной фигурой в белом движении).

В 1888 году Крафту пожаловали чин лейтенанта, в 1889–1890 годах он служил флаг-офицером при младшем флагмане Практической эскадры Балтийского моря, затем окончил Минный офицерский класс (1891 г.), что означало поворот в карьере – переход от штурманского дела к минной специализации, которая в ту пору считалась весьма перспективной. Недолгое время Евгений Карлович даже преподавал в Минной школе Учебно-минного отряда. Тогда же, в 1891-м, он получил под команду свой первый боевой корабль – миноноску № 67¹. Это было крошечное судно, ценность которого состояла в возможности атаковать крупную неприятельскую боевую единицу и поразить ее торпедой. После успешного применения минного оружия в русско-турецкой войне 1877–1878 годов императорский флот приобрел множество миноносок, однако за все время службы они не торпедировали ни единого вражеского корабля. Тем не менее миноноски по-своему пригодились: их использовали как разведывательные и посыльные суда, их применяли для разного рода испытаний оружия и технического оснащения.

В 1893 году Крафт переходит минным офицером на крейсер «Память Азова» [17, глава «В морях и океанах». Электронная версия: http://wunderwaffe.narod.ru/Magazine/ВКМ/Pamat_Azova/05.htm (19 апреля 2016)], а четыре года спустя его повышают до старшего минного офицера на том же корабле.

«Память Азова» – новый броненосный крейсер, помимо сильного артиллерийского вооружения оснащенный тремя торпедными аппаратами, двумя минными катерами, способный также ставить мины. Корабль много плавал по Индийскому и Тихому океану, заходил в Японию с наследником престола на борту. Но это всё происходило до включения Евгения Карловича в его экипаж. В те годы, когда Крафт плавал на борту крейсера, «Память Азова» посетил Тулон и острова Архипелага в Эгейском море. Прием французами российских моряков, союзников, превратился в целый каскад празднеств. По словам историка флота Р. М. Мельникова, «тулонские торжества, знаменуя спасительный для Франции союз с Россией, прошли в непревзойденной атмосфере нескончаемых и самых горячих чествований русских моряков. Газеты переполнялись восторженными репортажами о русских моряках и русско-французской дружбе, радость и оживление царили везде, где появлялись моряки с эскадры. Все слои французского общества с присущей нации экспрессией словно бы соревновались в выражении самых теплых восторженных дружеских чувств к экипажам кораблей. Дождь наград, как в Сиаме и Японии, пролился на офицеров. Ф. К. Авелан к командорскому кресту ордена почетного легиона, полученному в 1891 г., прибавил теперь большой офицерский крест. Г. П. Чухнин, как и остальные командиры, получил офицерский крест Ордена. Изящно выполненным значком с изображением незабудки... женщины Франции выражали обуревавшие их чувства сердечности,

¹ Бывший «Зяблик», включенный в списки Балтфлота в 1878 году. Водоизмещение – 23 тонны, вооружение – 1 381-мм торпедный аппарат, экипаж – 7 человек [Приложение: Состав миноносок российского флота. В электронной версии: <http://wunderwaffe.ru/Magazine/Midel/04/chap11.html> (19 апреля 2016)].

любви и привязанности к русским. «Празднества следовали беспрерывно. Начальник эскадры с командирами и многими офицерами посетил Париж, где также были устроены блестящие праздники в честь наших моряков», – говорилось в отчете по Морскому ведомству за 1890–1893 года» [17, глава «В морях и океанах». Электронная версия: http://wunderwaffe.narod.ru/Magazine/ВКМ/Рамат_Azova/05.htm (19 апреля 2016)].

Позднее корабль совершил плавание в Гонконг и далее – в Чифу и Владивосток, в составе эскадры Тихого океана. «Память Азова» крейсерствовал по морям Дальнего Востока до 1899 года, а в 1900-м вернулся в Кронштадт. Евгений Карлович мог вынести бесценный опыт из такого рода флотской работы, тем более, плавая под командованием знаменитого Г. П. Чухнина – блистательного флотского военачальника, будущего командующего Черноморским флотом, великого контрреволюционера, который успешно подавил Севастопольский матросский мятеж, а впоследствии отдал жизнь за государя и отечество¹.

Крафтом как офицером довольны, по службе ему идут ордена. В 1899 году карьера Евгения Карловича выходит к новому пику, и на нее вновь ложится отблеск великих дел. Список занимаемых должностей и дальних плаваний заставляет видеть в нем чрезвычайно опытного офицера, притом хорошо понимающего, что такое океанский поход. Вероятно, этот опыт сыграл ведущую роль, когда флотское начальство решило доверить Крафту важное дело: его назначили старшим офицером на новейший бронепалубный крейсер «Варяг», который следовало перегнать из Филадельфии, с американских верфей.

Стоит сразу же оговориться: Евгению Карловичу не суждено было участвовать в известном бою «Варяга» и «Корейца» с японской эскадрой в Чемульпо, он вообще не попадет на театр военных действий Русско-японской войны. Но судьба «Варяга» – дело историческое, а потому всё связанное с ним обретает оттенок величия.

Русский экипаж был доставлен в США на российском почтовом пароходе. Он провел подготовку корабля к ходовым и артиллерийским испытаниям, затем (весной 1901 года) совершил плавание в Кронштадт. Оттуда крейсер перешел в Порт-Артур, отдав ряд официальных визитов (в Германию, Данию, Францию).

Плавание к Порт-Артуру проходило в атмосфере настороженности. Сам факт появления русского флага в Персидском заливе должен был, как явствовало из инструкции, подтвердить доступность этих вод для плавания кораблей всех наций «в противоположность стремлениям великобританского правительства обратить Персидский залив в закрытое море, входящее в сферу его исключительных интересов». Визит «Варяга» должен был также «...подтвердить отсутствие стремлений к территориальным приобретениям и каких-либо тайных намерений русского правительства. Поэтому командиру предписывалось соблюдать особую осторожность и осмотрительность, чтобы не дать повода к недоразумениям или превратным толкам, во всем придерживаться общепринятых норм международной вежливости и не допускать ничего воинственного или вызывающего в поведении офицеров и всего личного состава. Обострение положения в зоне Персидского

¹ Вице-адмирал Г. П. Чухнин в 1906 году пал от рук террориста-эсера.

залива объяснялось в инструкции активизацией политики Турции, планировавшей строительство железной дороги через Багдад, и беспокойством Англии, всегда считавшей этот район входящим в сферу своего влияния... Во время стоянок в портах рекомендовалось избегать увольнений команды на берег из-за опасности эпидемических заболеваний... Стоянки в попутных портах разрешались только для пополнения запасов провизии и воды. О полученном задании не должно было проникнуть никаких сведений в печать, и до выхода из Адена запрещалось сообщать офицерам о предстоящем маршруте. Каково же было смятение В. И. Бэра, когда еще до постановки на якорь в Саламинской бухте к нему на мостик явился... Е. К. Крафт и в растерянности доложил, что поставщики уже знают, что крейсер идет в Персидский залив. О содержании шифрованной телеграммы на «Варяге», кроме В. И. Бэра и Е. К. Крафта, никто не знал, и в сообщении об этом происшествии в ГМШ В. И. Бэр делал вывод, что либо здесь в Греции разбирают русский шифр, либо в штабе недостаточно внимательны к сохранению тайны» [6, глава «Секретное поручение». Электронная версия: http://cruiserx.net/melnikov/m131_138.htm (20.04.2016)]. Как сам Бэр, так и Евгений Карлович, по некоторым отзывам, проявляли склонность к жесткой воинской дисциплине [13, электронная версия: http://gazeta.zn.ua/SOCIETY/odisseya_kreysera_varyag.html (19.04.2016)].

9 декабря 1901 года состоялось участие Крафта в делах дипломатических. Как потом вспоминал командир корабля капитан I ранга В. И. Бэр, «...на следующий день по приходе в Кувейт на крейсер прибыл с визитом старший сын Кувейтского шейха Джабер, управляющий Кувейтом в отсутствие отца шейха Мубарака... управляющий консульством в Бушире надворный советник Овсеенко вместе со старшим офицером капитаном 2 ранга Крафтом и 5 офицерами, отдав визит сыну Кувейтского шейха, верхом поехали к шейху Мубараку в Джахару, где были встречены самим шейхом, который им оказал крайне радушный, гостеприимный и более чем внимательный прием, показал свои войска в лагере и устроил по случаю приезда гостей военную пляску и джигитовку, кроме того, просил передать, что он очень будет рад, если русские суда будут возможно чаще посещать его владения и что он, если настанут трудные времена для Кувейта, предпочтет обратиться за помощью к русским, чем к кому-либо другому...» [5, с. 45]

Вообще, подобного рода визиты нередко имели ярко выраженную дипломатическую нагрузку. Поэтому русские морские офицеры довольно часто получали от гостеприимных хозяев награды, имевшие, главным образом, этикетное значение. За время плаваний на «Памяти Азова» и на «Варяге» Евгений Карлович удостоился награждения пятью иностранными орденами: Кавалерский крест ордена Почетного Легиона (Франция), орден Османие (Турция), орден Красного Орла (Пруссия), Кавалерский крест ордена Данеброга (Дания), а также Командорский крест ордена Черной Звезды (Франция от имени Дагомеи).

Гораздо больше значения имело для него продвижение в чинах на российской службе. А по итогам службы на «Варяге» 6 декабря 1902 года Е. К. Крафт стал капитаном II ранга.

В этот момент его карьера на подъеме: офицер с блистательной, многосторонней подготовкой, огромным опытом дальних плаваний, притом на

хорошем счету у флотского начальства. Честолюбив: в 1904 году Евгений Карлович оканчивает курс военно-морских наук при Николаевской Морской академии, что открывает для него дорогу к более высоким чинам. А еще в январе 1903-го он становится командиром контрминоносца «Прочный», а в конце 1904-го переходит с него командовать минным крейсером «Украина».

В сущности, продвижение Крафта в должностях выглядит логично: офицер, имеющий ярко выраженную «минную» специализацию, командовавший миноноской, а затем минным хозяйством на крейсере, переходит на всё более крупные корабли, основным вооружением которых считаются торпедные аппараты. До поры до времени это свидетельствует об исправной службе и о том, что Евгения Карловича ценят.

Но что такое контрминоносец (истребитель миноносцев) «Прочный» и минный крейсер «Украина»? Позднее оба корабля будут классифицироваться как эсминцы. В сущности, оба они представляли собой воплощение одной идеи: слабо вооруженные, обладавшие низкой мореходностью миноносцы старой постройки следовало заменить боевыми единицами с большим водоизмещением, лучшими ходовыми качествами, а также усиленным артиллерийским вооружением. И какое-то время в российском императорском флоте происходит постепенное, шаг за шагом, движение в эту сторону, долго не создававшее качественно новых кораблей, а просто улучшавшее корабли традиционной постройки. «Прочный» (бывший «Ястреб») был спущен на воду в 1898 году; водоизмещение – около 220 тонн; скорость – 26,8 узла (на испытаниях); его вооружение составляла одна 75-мм пушка, три 47-мм пушки, а также два 381-мм торпедных аппарата; в экипаж входило около 50 человек, живших в спартанских условиях [2, глава «Описание конструкции» и Приложения. Электронная версия: http://www.wunderwaffe.narod.ru/Magazine/MK/2004_02/04.htm ; http://www.wunderwaffe.narod.ru/Magazine/MK/2004_02/09.htm (19.04.2016)]. «Украина», какое-то время гордо именовавшаяся «минным крейсером» (т. е., в сущности, очень большим миноносцем), была спущена на воду в 1904 году (Крафт получил новейший корабль и занимался доведением его до испытаний и вводом в строй), водоизмещение – около 500 тонн; скорость – 25 узлов (по контракту для всей серии); его вооружение составляли две 75-мм пушки и четыре 57-мм пушки, два пулемета, а также два 381-мм торпедных аппарата; в экипаж входило около 90 человек [16, глава II «Корабли Особого комитета». Электронная версия: <http://www.wunderwaffe.narod.ru/Magazine/BKM/Dobr/03.htm> (20.04.2016)]. «Украина» выглядел как развитие класса «минных крейсеров», но изначально низкая скорость, слишком незначительное усиление артиллерии, крайне медленное введение кораблей его типа в строй и целый ряд слабостей конструкции превратили его из высокоскоростного корабля нового типа в сторожевик, устаревший чуть ли не на стапеле. «1 марта 1905 года, оставаясь еще не полностью отделанным... минный крейсер “Украина” начал кампанию, подняв Андреевский флаг и вымпел. Командовал кораблем 44-летний капитан 2 ранга Е. К. Крафт... Нелегкая задача предстояла наспех подобранным офицерам – освоить почти никому не знакомые скоростные корабли. Лишь через два месяца напряженной работы крейсер “Украина ”, завершив заводские испытания, устранение заводских

недоделок и заменив недостающие предметы вооружения 15 тоннами балласта, вышел на официальные испытания в Рижский залив», – пишет историк флота Р. М. Мельников. 15 августа 1905 года на Петергофском рейде пять вступивших на тот момент в строй минных крейсеров: “Украина”, “Войсковой”, “Трухменец”, “Эмир Бухарский” и “Финн” под предводительством великого князя Александра Михайловича выходили в море для отработки маневров совместного плавания. «На следующий день Петергофский рейд стал свидетелем состоявшегося на кораблях высочайшего смотра. “Украина”, подняв брейд-вымпел императора, повела корабли в Биорке. Здесь на яхту “Полярная звезда” вместе с императором перешли сопровождавшие его обе императрицы, великие княгини Ксения Александровна (жена великого князя Александра), Ольга Александровна и принц Петр Александрович Ольденбургский. Корабли вернулись на Петергофский рейд, где 21 августа смотр был продолжен» [16, глава II «Испытания в дни смуты». Электронная версия: <http://www.wunderwaffe.narod.ru/Magazine/VKM/Dobr/04.htm> (19.04.2016)].

Формально Е. К. Крафт командовал новым кораблем, оказываясь «в приближении» к представителям царствующего дома, однако действительная боевая ценность его «Украины» и перспективы продвижения по службе оставляли желать лучшего. Командование малыми боевыми единицами не могло вывести его к более высокому чину. К тому же период после Русско-японской войны 1904–1905 годов, в которой императорский флот понес страшные потери, оказался исключительно тяжелым для морских офицеров. Пресса травила их за Цусиму. А лучшие боевые корабли в огромной массе своей пошли ко дну или оказались трофеем неприятеля. Поэтому для многих знающих и опытных командиров просто не находилось достойного места: где служить, если боевых единиц тривиально не хватает? И не хватает чудовищно: Балтфлот, с которого выгребли множество крупных кораблей во 2-ю Тихоокеанскую эскадру, отныне представлял собой огромную брешь в обороне империи. Он располагал всего одним мощным и вполне современным кораблем, а именно эскадренным броненосцем «Слава». Всё остальное представляло собой либо малые боевые единицы, либо малопригодных к современным боевым действиям «ветеранов».

Современник послевоенных событий через много лет вспоминал: «Сразу же после Цусимы всё обрушилось на флот: пресса, общественное мнение, особенно либеральное, и даже, к сожалению, многие сухопутные военные... русские морские офицеры, возвратившись к себе на Родину, после мук и испытаний, были встречены градом насмешек... в этот тяжелый для флота период многие молодые офицеры стремились уйти со службы... Кораблей почти не осталось... Флот, детище Петра Великого, казалось, умирал...» [23, с. 80].

Совершенно ясно, почему Евгений Карлович проводит длительный период с 1906 по 1909 год, командуя старенькими и откровенно дряхлыми кораблями: учебным судном «Моряк» (ему присвоен ранг крейсера, но это, в сущности, парусно-паровой корвет, притом постройки 1892 года) [6, с. 75–78], а затем «крейсерами»-систершипами «Генерал-адмирал» и... старый знакомый – «Герцог Эдинбургский» (их отремонтировали, несколько модернизировали и сменили артиллерию на более

современную, но это крейсера лишь по названию, а по сути – два древних старца¹, ранее классифицировавшихся как полуброненосные фрегаты и к началу XX века переквалифицированных в учебные суда) [18, глава «Служба». Электронная версия: <http://coollib.com/b/234027/read> (19.04.2016)]. Во-первых, он переходит к командованию кораблями более высокого ранга – тот же «Герцог Эдинбургский» имел водоизмещение около 5000 тонн, т. е. ровно в десять раз больше, чем «Украина». Во-вторых, он находит отличное применение навыкам минного офицера: понимая, что Балтфлот в его тогдашнем состоянии не может преградить потенциальному противнику путь в Финский залив с помощью артиллерийского боя линкоров (подходящих линкоров нет!), флотское командование делает ставку на устройство оборонительной «минно-артиллерийской позиции», т. е. многослойного минного заграждения, защищаемого огнем береговых батарей и немногочисленных боевых единиц флота; это значит, что жизненно важно поставить в строй как можно больше крупных минных заградителей; строить их – долго, а вот переделать в них большие и относительно исправные учебные суда – вполне разумный выход; именно поэтому «Генерал-адмирал» и «Герцог Эдинбургский» становятся минными заградителями «Нарова» и «Онега». Подобное переустройство предполагает очень большую работу офицеров и команды, а также высокую квалификацию командира. По всей видимости, Крафт справился со своей задачей успешно: в 1906 году он получает долгожданный чин капитана I ранга, а в 1909 году Евгений Карлович, судя по его послужному списку, становится командиром нового минзага «Онега»... не сходя с палубы старика «Герцога Эдинбургского».

В 1907 году Евгения Карловича начинают пробовать на административных постах. Ему поручают заведование учебной командой строевых квартирмейстеров. Эту должность Крафт будет совмещать с другими постами до 1911 года.

Наконец, в 1911 Евгений Карлович достигает третьего и последнего пика в своей служебной деятельности. Его ставят на должность, которая имеет не только военное, но и геополитическое значение и особенно важна в преддверии большой войны. И так, сначала он исполняет обязанности начштаба начальника Действующего флота Балтийского моря. А 6 декабря 1911 года из исполняющих обязанности Е. К. Крафта переводят в статус начштаба командующего Морскими силами Балтийского моря, дают орден Св. Станислава 1-й степени² и чин контр-адмирала. В его обязанности входит подготовка флота к масштабным боевым действиям, составление оперативных планов, забота о создании той самой минно-артиллерийской позиции, о необходимости которой заговорили за несколько лет до его назначения. На этом посту Евгений Карлович пробудет до 7 мая 1913 года. Уже 8 мая он числится начальником Учебно-артиллерийского отряда Балтфлота и отсюда уйдет в отставку с производством в чин вице-адмирала в январе 1914 года, незадолго до начала Первой мировой [22, с. 48, 761; 8, с. 176].

¹ Спущены со стапеля соответственно в 1873 и 1875 годах!

² К тому времени из крупных российских наград Е. К. Крафт был удостоен орденами Св. Анны 3-й и 2-й степеней, Св. Станислава 2-й степени и Св. Владимира 4-й степени с бантом (за 25 лет в офицерских чинах).

Отставка не сопровождалась каким-либо скандалом, напротив, видны все признаки благополучного завершения службы, вплоть до ввода в состав Морского ученого комитета... Все, кроме одного: конечно же, командование Учебно-артиллерийским отрядом – важное и ответственное дело, но его начальник не сравнится по своему влиянию на военно-морские дела с начальником штаба Балтфлота. Что послужило причиной своего рода понижения? Можно лишь предположить: либо слабость здоровья (в 1914 году Е. К. Крафту исполняется 53 года), либо некая интрига в верхах военно-морского руководства России. Во втором случае следует учитывать позицию Н.О. фон Эссена, по представлению которого был назначен преемник Крафта, контр-адмирал Л. Б. Кербер (Корвин). Вероятно, Эссену, возглавлявшему тогда Балтфлот, в большей мере понадобился широкий опыт Кербера как боевого офицера, разведчика, дипломата и высокого чина в Морском Генштабе, нежели более специализированный опыт Крафта – прежде всего отличного мореплавателя и минного офицера¹.

Авторы статьи не располагают данными о судьбе Евгения Карловича в промежутке с 1914 по 1920 год, когда документы белого движения явно указывают на его службу у Врангеля. Возможно, Крафт присоединился к белому делу задолго до того: в 1930 году он засвидетельствует боевую службу в Вооруженных силах на Юге России артиллериста Н. А. Яковлева с лета 1919 года, что косвенно говорит и о его собственном присутствии на стороне белого движения в это время.

Итак, твердо известно, что в Крыму, как минимум в 1920-м году, Е. К. Крафт вновь оказывается на военной службе, перейдя с Балтийского на Черноморский флот.

Вместе с Евгением Карловичем у Врангеля служил его сын Михаил. Последний стал видной фигурой в Черноморском флоте белых. Из Первой мировой в Гражданскую он шагнул старшим лейтенантом, награжденным Георгиевским оружием (1916). Михаил Евгеньевич был в разное время штурманским офицером и командиром подводной лодки «Тюлень», использовавшейся белыми в боевых действиях весьма интенсивно. 28 марта 1920 года его повысили в чине до капитана II ранга².

В белом Крыму вице-адмирал Крафт занял «по вольному найму» пост заведующего плавбазой Дивизиона подлодок Черноморского флота. Этой плавбазой в разное время служили блокшив № 9 (бывший товарно-пассажирский пароход «Меркурий» 1879 года постройки, с апреля 1919 года входит в состав Черноморского флота Врангеля); затем пароход «Добыча» (он же старый турецкий корабль «Иттихад» 1883 года постройки, конфискованный как трофей в ходе Первой мировой) [12, с. 68]³.

¹ Л. Б. Кербер участвовал в боевых действиях Русско-японской войны 1904–1905 годов.

² РГА ВМФ. Ф. Р-72. Оп. 1. № 6. Л. 39 об. – приказ командующего Черноморским флотом адмирала Канина от 20 февраля 1919 года по резолюции от 23 января 1919 года о назначении старшего лейтенанта Крафта на подлодку «Тюлень» штурманским офицером с годовым окладом 5.850 руб.; РГА ВМФ. Ф. Р-338. Оп. 1. № 78. Л. 10 об. – Крафт указан единственным офицером на подлодке «Тюлень» (следовательно, он и был тогда ее командиром) в списке офицеров Черноморского флота 1919 года, не имеющим более четкой датировки [7, с. 249–250; 9, с. 220].

³ «Меркурий», характеристики: водоизмещение 3043 т, скорость 14 узлов, вооружение – одно 120-мм орудие. – http://rosimperfleet.narod.ru/chf/bl_ch.html (22.04.2016); «Добыча», характеристики: вместимость 921 брт, длина 72,9 м, ширина 12 м, осадка 4,5 м, мощность машин 1440 л. с., скорость 12 узлов, дальность хода 2500 миль. Бывший турецкий пароход «Иттихад», построен в Англии в 1883 г. В августе 1914 году интернирован в одном из русских портов, впоследствии конфискован и

Должность, по внешней видимости, скромная – для бывшего начштаба Балтфлота, вице-адмирала и опытного командира. Но, во-первых, белый флот был перенасыщен офицерами высоких чинов и адмиралами (напротив, хороших офицеров среднего звена, опытных матросов и специалистов катастрофически не хватало), притом имевшими за плечами несколько лет боевых действий, чего в служебной биографии Е. К. Крафта нет. Во-вторых, Евгений Карлович приближался к порогу шестидесятилетия, а в условиях Гражданской войны на важнейшие командные должности уместно ставить людей помоложе, обладающих отличным здоровьем и энергией. Так, все белые адмиралы, возглавлявшие Черноморский флот в 1919–1920 годах (М. П. Саблин, А. М. Герасимов, Д. В. Ненюков, М. А. Кедров) имели военный опыт, трое из них были заметно моложе Крафта, и лишь один (Герасимов) являлся его погодком [20, с. 95–96, 140–143, 220, 275–276]. То же самое можно сказать и о других ведущих флотских начальниках белого дела на Юге России: А. И. Тихменеве, П. П. Остелецком, М. А. Беренсе, И. А. Кононове, А. Н. Заеве, А. Д. Бубнове, С. В. Евдокимове, В. Я. Клочковском, Н. Н. Машукове – все моложе Е. К. Крафта, все воевали [20, с. 53–54, 67–68, 121–122, 125, 154, 225–226, 305–307].

Впрочем, у должности Е. К. Крафта были свое немалое значение и свои плюсы. Все-таки плавбаза подводок обслуживала одну из грозных сил белого флота: в состав Дивизиона подводок входили 4 боевых единицы: «Буревесник», «Тюлень», «Утка» и «АГ-22». Наконец, эта должность позволяла Евгению Карловичу быть ближе к сыну Михаилу...

Кроме того, на том же дивизионе подводок Черноморского флота белых служил еще один Крафт, и тоже Евгений, но не вице-адмирал, а кадет. Его назначили на должность старшего электрика на подводке «Утка», и скорее всего, это представитель всё того же морского офицерского семейства Крафтов, не исключено, что внук Евгения Карловича и сын Михаила Евгеньевича¹. Из-за этого создается некая путаница: 15 февраля 1920 года приказом командующего Черноморским флотом за № 724 «охотник Евгений Крафт» был зачислен «в Черноморский флотский экипаж с назначением на дивизион подводных лодок» [РГА ВМФ. Ф. Р-72. Оп. 1. № 20 (старая ссылка: ЦГАОР. Ф. 4434. Оп. 1. № 6). Л. 64 об.], – но кто это был, вице-адмирал в отставке или кадет, понять сложно: положение «охотника» в чинах редко отражалось в делопроизводстве белого флота, хотя порой в «охотники» попадали очень значительные люди, в т. ч. князь Друцкий-Соколинский. Конечно, вероятнее, что это именно Е. К. Крафт, т. к. он уже вышел из призывного возраста и не мог быть принят на службу как военнообязанный, а вот как охотник, т. е. «по вольному найму», – пожалуйста; юного же кадета как раз должны были взять на службу именно как военнообязанного. Однако окончательно ставить точку в этом вопросе пока рано.

переоборудован в транспорт. С апреля 1919 года – в составе Морских сил Юга России, использовался как база подводных лодок. [10, с. 488]. Трудно определить, служил ли Е. К. Крафт только на блокшиве № 9 или перешел с течением времени на «Добычу»; последнее представляется весьма вероятным.

¹ Известно, что из Крыма Е. К. Крафт эвакуировался с внуком. Однако окончательно степень родства двух Евгениев Крафтов установить не удалось.

Известно, что в октябре 1920 года «Добыча» была направлена в состав флотилии белых, обстреливавшей прибрежные позиции красных в районе Очакова, чтобы играть для нее роль корабля снабжения [4, с. 264]¹.

Позднее, на начальных этапах Крымской эвакуации, этот корабль сыграл выдающуюся роль: «Утром 1 ноября [крейсер] “Генерал Корнилов” для прикрытия эвакуации стал на якорь против Покровки и принял с берега свою десантную роту. [Канлодка] “411” уже накануне взял Алексеевскую и стрелковую роты экипажа и несколько гражданских лиц и передал всех их на “Добычу”... Утром 4 ноября капитан 1-го ранга Собецкий получил приказание отправить вооруженные баржи и катера в Каркинитский залив для оказания поддержки войскам на Перекопском перешейке... Капитан 1-го ранга Собецкий, предназначенный в предвидении возможной эвакуации Крыма начальником морской части посадки в Севастополе, должен был идти туда на “Добыче”, которая взяла на борт находившихся на крейсере гардемарин. В то же утро Тендровский залив покинули тральщик “Язон” с “Б-1” на буксире, в полдень – “Работник” с “Б-2” и “Скиф” с “Б-3” и около 17 часов – “Добыча”, буксируя “Тилли”... К вечеру поднялся сильный противный ветер, который развел большую волну. В 22 часа ввиду того, что волны заливали катера, “Смелый” стал на якорь у берега и “Добыча”, которая до входа в Каркинитский залив сопровождала другие суда, последовала его примеру... Когда “Добыча” проходила Софиевку, к берегу подскочил кавалерийский разъезд, открывший по транспорту огонь из пулемета. Вскоре транспорт был обстрелян и артиллерийским огнем, что заставило невооруженную “Добычу” повернуть в море. Ночью оторвалась не имевшая людей на борту минная баржа, а под утро – “Тилли”, которая после безуспешных попыток завести на волне новый буксир была, по снятии людей, поставлена на якорь. Камбуза для пассажиров и запаса питьевой воды на “Добыче” не было, и люди питались галетами, запивая их ржавой котельной водой. После более чем трех суток плавания “Добыча” пришла наконец в Севастополь» [4, с. 265–266].

В ноябре 1920 года Евгений Карлович стал частью Великого Исхода.

По данным, любезно предоставленным авторам этой статьи историком флота Н. В. Манвеловым, Е. К. Крафт эвакуировался с женой, невесткой, внуком и племянницей в Константинополь на огромном транспорте-мастерской «Кронштадт», принявшем на борт колоссальное количество беженцев. Сын морского врача, участник крымской эвакуации Р. Д. Сазонов вспоминал: «Пароход “Кронштадт”, на котором мне суждено было уйти из России, благодаря своим солидным размерам, выходил из Южной Бухты одним из последних. На нем находились Севастопольский Морской Госпиталь, в штат которого был включен мой отец, офицерский состав Черноморского экипажа с семьями, Минно-Артиллерийская школа, несколько гардемарин и кадет Морского Корпуса (включая и автора), некоторое число кадет различных сухопутных Корпусов, Рота Особого Назначения под командой кап. Семенова, группа военных летчиков и много других, военных и штатских с семьями и без. Командовал кораблем кап. 1-го ранга, имени которого я не запомнил, но кроме него на мостике находились еще... 6 адмиралов,

¹ Официально 30 августа / 12 сентября 1920 года пароход «Добыча» был временно назначен «базой 3-го отряда судов», т. е. отряда судов Каркинитского залива [РГА ВМФ. Ф. Р-72. Оп. 1. № 6. Л. 80 об.].

из которых я знал только одного – контр-адмирала Вяткина» [21, с. 555]. Среди этих шести адмиралов был, очевидно, и Е. К. Крафт. Плавание складывалось неудачно: у мыса Фиолент «Кронштадтом» был протаранен и пущен на дно небольшой болгарский транспорт «Борис»; на буксире громадный пароход вел 4 других судна, сильно затруднявших движение; из-за качки буксирные канаты рвались один за другим, три судна оторвались и были потеряны (слава Богу, они шли без команд). До Константинополя удалось довести лишь эсминец «Жаркий», на борту которого оставались лишь командир, механики и рулевые. Но именно благодаря громадному «Кронштадту» тысячи людей спаслись из Крыма, от беспощадной расстрельщины.

Из Константинополя вице-адмирал с супругой были отправлены на пароходе «Владимир» в Королевство сербов, хорватов и словенцев. Это произошло 11 декабря 1920 года.

Специалисты по истории белой эмиграции очень хорошо знают, что главным сосредоточением моряков-эмигрантов, вывезенных из врангелевского Крыма, стал небольшой городок в Тунисе – Бизерта. Там функционировал кадетский корпус, выпускавший из своих стен молодых морских офицеров, там стояла на якоре огромная эскадра, в том числе два линейных корабля, там разместились тысячи офицеров, матросов, морских чиновников, их жен и детей. По данным белого морского офицера, капитана I ранга Н. Р. Гутана, там оказалось 6.388 беженцев из России, в то числе 5.000 офицеров, учащихся Морского кадетского корпуса и нижних чинов, 13 священников, 90 докторов и фельдшеров [24, с. 199].

Однако немногие обращали внимание на тот факт, что вторым по значимости после Бизерты местом жительства русских моряков-эмигрантов стало Королевство СХС. Если бизертинцы не оставляли мыслей о том, что новый раунд борьбы с красным правительством России еще возможен, пытались сохранить корабли в работоспособном состоянии, подумывали о деятельном противостоянии большевикам, то в Королевство СХС отправляли тех, кто собирался спокойно дожить век или, если Бог даст, устроиться на приличную службу, но не помышлял об активном продолжении войны. Поэтому среди моряков-беженцев здесь высокий процент составили люди преклонного возраста, да и просто старики; люди семейные; военные и чиновники высокого ранга, избыточные для бизертинской эскадры, где хватало молодых людей в офицерских чинах, пригодных для энергичного выполнения боевых и административных задач.

В Королевство СХС было направлено 3 волны русской морской эмиграции: «сербская», «английская»¹ и – самая большая – крымская. К 1 июля 1921 года в стране собралось 339 чинов флота и Морского ведомства России, а также сравнимое количество членов их семей. Только на одном пароходе «Владимир», доставившем Крафта к месту жительства, вместе с ним отправилось в эмиграцию еще 138 офицеров и чиновников, в том числе 12 человек в адмиральских чинах (!). Их сопровождали жены, дети и другая родня. Со временем «морская эмиграция» в Югославии постепенно уменьшалась (это видно по спискам чинов флота и Морского ведомства, поселившихся там) из-за смерти старейших и слабейших здоровьем ее членов, а также из-за выезда в другие страны, но все же очень долго оставалась значительной [ГА РФ.

¹ Имеются в виду потоки эмигрантов из Одессы и Новороссийска.

Ф. Р-5903. Оп. 1. № 542. Л. 189, 193, 233; № 603. Л. 32; № 605. Л. 36–40; № 607. Л. 14–16; Ф. Р-5982. Оп. 1. № 95. Л. 1–1об.; Ф. Р-6792. Оп. 1. № 643. Л. 17–19]¹.

Крафт с самого прибытия на сербскую землю был отправлен в Нову-Градишку, где и поселился женой Маргаритой Александровной, урожденной Перотте, дочерью коллежского секретаря, когда-то владевшей имением Вознесенское (Корочанский уезд Курской губернии)². Его супруга была моложе мужа лишь на год, однако смогла устроиться на работу. Как видно, она сохранила доброе здоровье, несмотря на все перипетии нищей опасной жизни в годы Гражданской войны и послевоенного устройства. В карточке с личными данными Евгения Карловича за 1924 год рядом с именем жена проставлено: «трудосп[особна]» [ГА РФ. Ф. Р-6792. Оп. 1. № 56. Л. 33].

Крафты жили на Прерадовичевой улице в доме 284.

У Евгения Карловича в браке появилось пятеро детей. Два из них, Владимир и Михаил, служили офицерами в российском императорском флоте еще до Первой мировой [22, с. 207, 234]. Однако в период югославской эмиграции никто из них не жил с отцом. Об одном из сыновей, Михаиле Евгеньевиче, как уже говорилось, видном офицере врангелевского флота, известно, что он оказался среди бизертинцев, командовал в составе тамошней эскадры новым эсминцем «Поспешный», а затем эмигрировал во Францию [7, с. 249–250]³. В списках русской морской эмиграции на землях Королевства СХС назван некий Гавриил Крафт с пометкой «суд. пр.» (судебный пристав). Он прибыл на том же «Владимире», однако это может быть однофамилец: он жил не в Нове-Градишке, а в Топуске [ГА РФ. Ф. Р-6792. Оп. 1. № 643. Л. 18, 77].

На протяжении долгого времени морякам-беженцам оказывалась финансовая помощь. Субсидии им направляли через военно-морского агента российского правительства в Королевстве СХС капитана 2-го ранга Б. П. Апрелева. В задачи агента входили организация морских перевозок вооружения и обмундирования для белых армий на Юге России, а также оказание материальной помощи эмигрировавшим морским чинам и членам их семей. Первые, самые ранние выдачи денег Е. К. Крафту прослеживаются по документам от 1921 года. В 1921 году решался вопрос, сколько получать «крымцам»: средств на них явно не хватало, слишком большим оказалось число людей, нуждавшихся в помощи. Поэтому изначально была даже установлена норма: беженцам из Крыма полагалось 60 % от ссуд, которые выплачивались персонам, прибывшим с прежними волнами эмиграции [ГА РФ. Ф. Р-5903. Оп. 1. № 603. Л. 1]. Этот трудный вопрос удалось решить, и уже по 1921–1922 годам выдачи видны совершенно ясно. Первые из них обнаруживаются в бумагах за лето–осень 1921 года: Е. К. Крафт как минимум дважды получает вспомоществование в сумме 1000 динаров [ГА РФ. Ф. Р-5903. Оп. 2. № 173. Л. 14–16, 19, 42]. В феврале 1922-го из Югославии идет доклад, исполненный сопереживания: «Мы полагаем, что ввиду очень тяжелой зимы и

¹ Списки 1921–1922 годов, Крафт с супругой везде в них присутствуют. Русские адмиралы, эмигрировавшие тогда в Королевство СХС: а) контр-адмиралы Свешников, Травлинский, Григорьев, Сергеев, Дитерихс, Степанов, Циммерман и Евдокимов; б) вице-адмиралы Крафт, Ненюков, Вяткин и Скаловский.

² С ее родственником, А. А. Перотте (брат?) и Н. И. Перотте, Евгений Карлович учился в Морском кадетском корпусе. [19, с. 293, 296].

³ Волков не вполне корректно именует «Поспешный» миноносцем.

запаздывания правительственных ссуд необходимо выдать пособия некоторым нашим офицерам и их семьям по списку» [ГА РФ. Ф. Р-5903. Оп. 1. № 542. Л. 199]. В список попал и Крафт... Кому-то деньги выдавали в меньшем количестве, кому-то в большем. Их размер зависел от количества членов семьи, от того, есть ли у кого-то из них самостоятельный заработок и, очевидно, от прежнего положения получателя в российском императорском флоте и Черноморском флоте белых. Крафт получал намного выше среднего. Так, 9 марта 1922 года ему выдано 1200 динаров, в то время как выплачивались суммы, главным образом, около 500 динаров; более 1000 – редкие исключения [ГА РФ. Ф. Р-5903. Оп. 1. № 542. Л. 189, 193, 233]. А в сентябре 1922 года вице-адмирал получает 1500 динаров [ГА РФ. Ф. Р-5903. Оп. 1. № 542. Л. 583, 586, 622, 669].

Тем не менее Евгений Карлович, а с ним еще 65 человек в октябре 1922 года попали в список наиболее нуждающихся строевых флотских офицеров, проживающих в Королевстве СХС. Видимо, положение его было незавидным. Еще 1 сентября он подал прошение на имя Апрелева, по которому можно судить, в каких условиях находилась семья Евгения Карловича: «Милостивый государь Борис Петрович. Крайне тяжелое материальное положение, в котором я нахожусь в последнее время, вследствие утраты большей части заработка моей жены, побуждает меня обращаться к Вам с покорнейшею просьбой не отказать мне в выдаче денежной помощи в виде ссуды в высшем размере. Если просьба моя будет уважена, то прошу Вас направить эту помощь по нижеуказанному адресу. Прошу Вас принять уверение в совершенном моем к Вам уважении и таковой же преданности. [Подпись:] Е. Крафт» [ГА РФ. Ф. Р-5903. Оп. 1. № 523. Л. 93]. После этого ему, помимо сентябрьской ссуды, выдали еще одну, в следующем месяце (еще 500 динаров), чтобы помочь «подготовиться к зиме» [ГА РФ. Ф. Р-5903. Оп. 1. № 542. Л. 667–668, 722].

Некоторым давали деньги «безвозвратно», для других устанавливали срок возвращения ссуды. Крафт, как видно, имел надежду устроить свои дела, получить работу или, возможно, имелась такая перспектива у его жены. Во всяком случае, он никогда не брал денег, не обязавшись их вернуть. Обыкновенно ему устанавливали срок возврата в 4–5 лет. Так, в марте 1922 года Крафт обещал оплатить долг не позднее 1 марта 1926 года; 15 сентября и 22 октября 1922 года он обязался вернуть ссуды не позднее 1 октября 1926 года; 23 октября 1924 года Евгений Карлович получил очередные 500 динаров («ввиду наступающей зимы»), подписав обязательство отдать их не позднее 1 ноября 1928 года; а в декабре того же 1924-го берет еще 500 динаров до 1 января 1929 года [ГА РФ. Ф. Р-5903. Оп. 1. № 517. Л. 78; № 542. Л. 583, 586, 654–655, 659; № 568. Л. 75–81; № 570. Л. 2, 33, 71].

Несмотря на эту помощь, положение семьи, очевидно, оставалось нелегким. Адмиралу и его супруге, вошедшим, по нынешним представлениям, в пенсионный возраст, не удавалось добиться обеспеченной жизни. Но для других русских моряков, оказавшихся в Югославии, обстоятельства, несмотря на доброе отношение местных жителей, складывались порой еще хуже. Поэтому ссуды не росли, они оставались мизерными, приходилось распределять их между десятками страждущих, руководствуясь жесткими правилами. Так, в 1924 году Крафт

ходатайствовал о восстановлении ему с женой пособия в прежнем размере (700 динар) ввиду «тяжелого материального положения и болезненного состояния». Резолюция Державной комиссии о назначении пособий русским эмигрантам – отклонить [ГА РФ. Ф. Р-6792. Оп. 1. № 56. Л. 33–33 об.]. Видимо, сказала та самая «трудоспособность» Маргариты Александровны, о которой мы писали выше: раз может зарабатывать сама, значит, большим количеством денег пользоваться не может...

Евгений Карлович являлся авторитетным человеком в русской эмигрантской общине. В сентябре 1930 года к нему, а также к полковнику И. Приходько обращаются с тем, чтобы они удостоверили службу артиллериста Николая Андреевича Яковлева в Русской армии Врангеля. Крафт и Приходько подтвердили: действительно, Яковлев служил в белой армии с 1 июня 1919 года до 14 ноября 1920 года сначала как вольноопределяющийся в 3-й легкой батарее 1-го Армейского корпуса 3-й артиллерийской генерала Дроздовского бригады, а затем как юнкер Сергиевского артиллерийского училища [ГА РФ. Ф. Р-5942. Оп. 1. № 156. Л. 158–159, 161, 162]. Это заставляет предположить, что Крафт и сам мог присутствовать в белых войсках задолго до получения должности на «Добыче». Однако подтвердить эту гипотезу нечем.

По данным историка офицерского корпуса России С. В. Волкова, в 1935–1937 годах Евгений Карлович все еще жил в том же Нове-Градишке [7, с. 249].

В 2015 году в Сербии была обнаружена запись о кончине вице-адмирала Е.К. Крафта. Он был погребен на Русском кладбище в городе Кикинда (Сербия). Известно, что Евгений Карлович скончался в 1942 году [25, с. 204]. Прежде историки флота не имели сведений о времени ухода из жизни этого выдающегося русского морского военачальника. Возможно, адмирала погребли именно здесь, поскольку он мог попасть в русский приют для престарелых, когда-то размещавшийся в Кикинде.

Мореплаватель, когда-то бороздивший на боевых кораблях Российского императорского флота волны трех океанов, блистательный офицер, входивший в экипаж легендарного «Варяга», влиятельный адмирал, приложивший руку к подготовке Балтфлота к Мировой войне, военачальник на флоте Врангеля, Евгений Карлович упокоился в сербской глуши. Стоит ли обсуждать, сколь много отняла у него, у подобных ему людей и у русского флота новая, «революционная» власть? Лучше закончить краткий очерк его жизни и службы напоминанием о том, что для всякого христианина время честолубия, карьеры, славы должно естественно сменяться временем смирения... Холодно было русскому старику, носившему когда-то адмиральские погоны, на чужбине, но у него оставались Бог, честь, память и сознание до конца выполненного долга.

Список использованных источников и литературы

1. Афонин Н. Н., Яровой В. В. Миноносцы российского флота. СПб., 2002.
Afonin N. N., Yarovoi V. V. Minonoski rossiiskogo flota. SPb., 2002.
2. Афонин Н. Н., Балакин С. А. Миноносцы типа «Сокол». М., 2004.

- Afonin N. N. , Balakin S. A. Minonostsy tipa «Sokol». М., 2004.
3. Вальская Б.А. Плавание Н.Н. Миклухо-Маклая на корвете «Скобелев» в 1883 г. // Страны и народы Востока. Вып. XXIV. М.: Наука, 1982.
Val'skaya B. A. Plavanie N. N. Miklukho-Maklaya na korvete «Skobelev» v 1883 g. // Strany i narody Vostoka. Vyp. XXIV. M. Nauka. 1982.
4. Варнек П. Действия флота в северо-западном районе Черного моря // Флот в белой борьбе / Составитель С. В. Волков. М., 2003.
Varnek P. Deistviya flota v severo-zapadnom raione Chernogo morya // Flot v beloi bor'be / Sostavitel' S. V. Volkov. M., 2003.
5. «Варяг» в Персидском заливе [Отрывки из рапорта В. И. Бэра] / Малевинская М. Е., подг. к публ. // Восточная коллекция. 2005. № 2 (21).
«Varyag» v Persidskom zalive [Otryvki iz raporta V. I. Bera] / Malevinskaya M. E., podg. k publ. // Vostochnaya kolleksiya. 2005. № 2 (21).
6. Васильев Д. М. Учебное судно «Моряк» // Судостроение. 2010. № 4.
Vasil'ev D. M. Uchebnoe sudno «Moryak» // Sudostroenie. 2010. № 4.
7. Волков С. В. Офицеры флота и Морского ведомства: опыт мартиролога. М., 2004.
Volkov S. V. Ofitsery flota i Morskogo ведомstva: opyt martirologa. M., 2004.
8. Волков С. В. Генералитет Российской империи. Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. Т. 1. А–К. М., 2010.
Volkov S. V. Generalitet Rossiiskoi imperii. Entsiklopedicheskii slovar' generalov i admiralov ot Petra I do Nikolaya II. T. 1. A-K. M., 2010.
9. Гончаренко О. Последние битвы императорского флота. М., 2011.
Goncharenko O. Poslednie bitvy imperatorskogo flota. M., 2011.
10. Гражданская война в России: Черноморский флот / Составитель В. Доценко. Справочник – В. Гончаров. М., 2002.
Grazhdanskaya voina v Rossii: Chernomorskii flot / Sostavitel' V. Dotsenko. Spravochnik – V. Goncharov. M., 2002.
11. Иванова Л. С. О чужеродных вкраплениях в коллекции Н. Н. Миклухо-Маклая из Океании // Историко-культурные связи народов Тихоокеанского бассейна: Маклаевские чтения, 2002–2006 гг. / Отв. ред. Е. В. Ревуненкова. СПб., 2006.
Ivanova L. S. O chuzherodnykh vkrapleniyakh v kolleksii N. N. Miklukho-Maklaya iz Okeanii // Istoriko-kul'turnye svyazi narodov Tikhookeanskogo basseina: Maklaevskie chteniya, 2002–2006 gg. / Otv. red. E. V. Revunenkov. SPb., 2006.
12. Кадесников Н. Краткий очерк Белой борьбы под Андреевским флагом на суше, морях, озерах и реках России в 1917–1922 годах // Флот в белой борьбе / Сост. С. В. Волков. М., 2002.
Kadesnikov N. Kratkii ocherk Beloi bor'by pod Andreevskim flagom na sushe, moryakh, ozerakh i rekakh Rossii v 1917–1922 godakh // Flot v beloi bor'be / Sost. S. V. Volkov. M., 2002.
13. Кравцевич-Рожнецкий В. Одиссея крейсера «Варяг» // Зеркало недели. Украина. 22.03.2002.
Kravtsevich-Rozhnetskii V. Odisseya kreisera «Varyag» // Zerkalo nedeli. Ukraina. 22.03.2002.
14. Масленников Б. Г. Морская карта рассказывает. Изд. 2-е. М., 1986.
Maslennikov B. G. Morskaya karta rasskazyvaet. Izd. 2-e. M., 1986.
15. Мельников Р. М. Крейсер «Варяг». Изд. 2-е. Л., 1983.
Mel'nikov R. M. Kreiser «Varyag». Izd. 2-e. L., 1983.
16. Мельников Р. М. Эскадренные миноносцы класса «Доброволец». СПб., 1999.
Mel'nikov R. M. Eskadrennye minonostsy klassa «Dobrovolets». SPb., 1999.
17. Мельников Р. М. Полуброненосный фрегат «Память Азова» 1885–1925 гг. СПб., 2003.
Mel'nikov R. M. Polubronenosnyi fregat «Pamyat' Azova» 1885–1925 gg. SPb., 2003.
18. Несолёный С.В. Полуброненосные фрегаты «Генерал-адмирал» и «Герцог Эдинбургский» (1869–1917). СПб., 2011.
Nesolenyi S. V. Polubronenosnye fregaty «General-admiral» i «Gertsog Edinburgskii» (1869–1917). SPb., 2011.
19. Обзор преобразований Морского кадетского корпуса с 1852 года. СПб., 1897.
Obzor preobrazovaniy Morskogo kadetskogo korpusa s 1852 goda. SPb., 1897.

20. Рутыч Н. Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России: Материалы к истории Белого движения. М., 2002.

Rutyuch N.N. Biograficheskiy spravochnik vysshikh chinov Dobrovol'cheskoi armii i Vooruzhennykh Sil Yuga Rossii: Materialy k istorii Belogo dvizheniya. M., 2002.

21. Сазонов Р. [Д.] Уход // Исход Русской армии генерала Врангеля из Крыма / Флот в белой борьбе / Сост. С. В. Волков. М., 2003.

Sazonov R. [D.] Ukhod // Iskhod Russkoi armii generala Vrangelya iz Kryma / Flot v belo bor'be / Sost. S.V. Volkov. M., 2003.

22. Список личного состава судов флота, строевых и административных учреждений Морского ведомства. Июль 1913-го. СПб., 1913.

Spisok lichnogo sostava sudov flota, stroevykh i administrativnykh uchrezhdenii Morskogo vedomstva. Iyul' 1913-go. SPb., 1913.

23. Федоровский В. М. Император Николай II и его флот // Государь император Николай II Александрович. Нью-Йорк, 1967.

Fedorovskii V. M. Imperator Nikolai II i ego flot // Gosudar' imperator Nikolai II Aleksandrovich. N'yu-York, 1967.

24. Ширинская А. А. Бизерта: последняя стоянка. СПб., 2006.

Shirinskaya A. A. Bizerta: poslednyaya stoyanka. SPb., 2006.

25. Живановић М. Брижљиво чувајући трагове: руски емигранти у Великој Кикинди и монахиње из манастира Хопово. М., 2016.

Zhivanoviћ M. Brizhљivo chuvajuћi tragove: ruski emigranti u Velikoj Kikindi i monakhиње iz manastira Khorovo. M., 2016.

Volodikhin D. M., Bogomazova A. A. Russian naval commander E. K. Kraft in the mirror of the wrangel's Black sea fleet and the white emigration documents.

Fragmentation and holism record keeping documents associated with the white movement in Russia in general and, in particular, on the territory of Crimea, raise a number of barriers to the reconstruction of the biographies of the major figures in the white movement, including generals and admirals. Biography of a major Russian naval commander Vice-Admiral E. K. Kraft is well known to his resignation in 1914. But his participation in the white movement in the Crimea and lives in exile to this day have not received even the most cursory of descriptions. The condition of the white movement's documentation partially, with spaces allows to cover the later part of his destiny.

Keywords: Naval commander E. K. Kraft, archival sources, white movement, Black sea fleet, white emigration.

УДК 930.1(430)

ПОЛИТИКА КРЫМСКИХ ХАНОВ XVI ВЕКА ПО ОТНОШЕНИЮ К СТРАНАМ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ТРУДАХ НЕМЕЦКИХ ИСТОРИКОВ¹

Гатин М. С.

*Институт международных отношений, истории и востоковедения
Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань, Российская Федерация
E-mail: marat_gata@mail.ru*

Проанализировано освещение в немецкой историографии основных проблем внешней политики крымских ханов в XVI в.

Ключевые слова: немецкая историография, Крымское ханство, татарские ханства, Московская Русь, Великое княжество Литовское, Речь Посполитая, Османская империя, Менгли-Гирей, Мухаммед-Гирей, Сахиб-Гирей, Девлет-Гирей.

Необходимость исследования внешней политики Крымского ханства в трактовках немецких исследователей продиктована объективным процессом интернационализации исторической науки. Поэтому важно ознакомить отечественных исследователей с опытом в этой проблеме немецкой исторической школы.

Целью статьи является выявление отношения немецких историков к ключевым проблемам внешней политике крымских ханов в XVI вв., а именно: борьбе за золотоордынское наследие в первой половине XVI века; реакции на аннексию татарских государств Московским царством Ивана IV Грозного; попытке переломить ситуацию в Восточной Европе во второй половине XVI века.

Борьба за золотоордынское наследие в первой половине XVI века

После того как политика Менгли-Гирея привела в 1502 году к гибели Золотой (Большой) Орды, союз с Москвой потерял для крымского хана всякое значение. Менгли-Гирей стал сближаться с Польшей-Литвой [1, с. 7]. Хотя окончательный разрыв произошел лишь после смерти хана в 1515 году [2, с. 76; 6, с. 304].

Главная причина разрыва с Россией, по мнению Франца Шусельки, в том, что «верх одержал природный характер татар, а именно высокомерие и желание грабежа» [3, с. 130]. Большая часть немецких историков видит причину этого события в другом. Крымская Орда пыталась подорвать влияние Москвы в Казанском ханстве [6, с. 59–60; 2, с. 104–105; 7, с. 248]. Только крымский хан, имевший за спиной Османскую империю, мог вмешиваться в русские дела [3, с. 118, 164; 2, с. 52].

После разрыва союза с Крымом русские должны были вновь опасаться татаро-литовской коалиции [2, с. 76]. Казаки на Украине появились именно по причине татарских набегов [4, с. 19]. Профессор Гамбургского университета Бертольд

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и Республикой Татарстан научного проекта «Приграничные районы средневековья: место пересечения политической и этнической истории разных народов (на примере Московского государства и Казанского ханства)» № 16-11-16011.)

Шпулер пишет, что хан Мухаммад-Гирей стремился предотвратить возрастание русского влияния в Казани и Астрахани и достиг при этом значительного успеха, заняв Астрахань [5, с. 68]. По мнению восточногерманского историка Эриха Доннерта, эти действия хана были подчинены плану турецкого султана. На казанский трон удалось посадить сторонника турецкой партии, который формально признал в 1524 году вассальную зависимость от Турции [8, с. 285]. В 1521 году крымский хан дошел до Москвы и потребовал дани [2, с. 76].

В 1521 году в результате переворота был убит Мухаммед-Гирей, после чего последовало резкое ослабление Крымского ханства [5, с. 69]. Крымские татары во главе с Сахиб-Гиреем (бывшим казанским ханом) и перешедшим к ним русским боярином Семёном Бельским напали на Россию и достигли Оки [7, с. 248]. Крымские ханы, несмотря на этот поход, все же не смогли предотвратить падение Казанского и Астраханского ханств [5, с. 68].

*Реакция на аннексию татарских государств
Московским царством Ивана IV Грозного*

С аннексией Среднего Поволжья, а затем и устья Волги Московское государство стало выступать как превосходящий партнер между ордами. Наряду с политикой *divide et impera* Москва проводила планомерную политику окружения Крымского ханства. Крымский хан Девлет-Гирей I находился даже под угрозой русского вторжения в Крым. Одновременно Москва укрепляла свои позиции в Предкавказье. С 1552 года на русскую службу стали переходить черкесы, которые иногда крестились. После того как через Астрахань установилась непосредственная связь с Москвой, часть черкесов стала надеяться на избавление с помощью России от власти крымских татар. В 1557 году кабардинские князья, согласно русской летописи, попросили о русском подданстве [9, с. 895–897].

Но Иван IV сомневался в успехе. Русский царь хотел избежать столкновения с находящимися с 1475 года на южном побережье Крыма турецкими вооруженными силами [2, с. 119].

*Попытки переломить ситуацию в Восточной Европе
во второй половине XVI века*

Лишь то обстоятельство, что силы Ивана IV были скованы Польшей-Литвой и Швецией, позволило укрепить крымским ханам внутреннее положение. Султан решил, что пришло время для решающего удара по России, который должен было восстановить самостоятельность захваченных татарских ханств. В союзе с Крымом султан выступил в поход в 1569 году. Соединение каналом Дона и Волги на месте максимального сближения должно было открыть путь в Каспийское море его флоту и одновременно облегчить борьбу с Персией. Однако это предприятие потерпело неудачу из-за природных катаклизмов, слабой поддержки со стороны крымского хана Девлет-Гирея I, который был недоволен тем, что на подвластной ему территории разместились турецкие вооруженные силы, а также по причине поражения турецкого флота в битве при Лепанто 7 октября 1571 года. После этого Девлет-Гирей I, свободный от страха усиления турецкой власти, смог предпринять

поход против Москвы [5, с. 68–69]. Девлет-Гирей, правивший до этого в Астрахани, требовал от царя «возврата» Астрахани, а также Казани, в 1571 году он сжег Москву и принудил Ивана Грозного к ежегодной выплате дани Крыму [7, с. 248]. Однако крымские ханы не вели никакой последовательной политики. Серьезная опасность для России миновала, она сохранила за собой все Поволжье [10, с. 470].

Мухаммед-Гирей II стремился к отвоеванию Казани и Астрахани и с этой целью вступил в переговоры с польским королем Стефаном Баторием. Требования султана войск для борьбы против Персии и внутренние смуты, в ходе которых в 1584 году был убит и сам хан, не позволили союзу вступить в силу. Кроме того, частые грабительские нападения крымских татар на Украину и Польшу омрачали отношения обоих государств [5, с. 69].

Заключение

Итак, рассмотрев трактовки немецких историков, можно выделить общие мнения по ключевым вопросам внешней политики крымских ханов в XVI веке. После того как политика Менгли-Гирея привела к гибели Большой Орды, союз с Москвой потерял для крымского хана всякое значение. Менгли-Гирей стал сближаться с Польшей-Литвой.

Отныне Крымское ханство при поддержке Турции пыталось подорвать влияние Москвы в Казанском ханстве.

На первоначальном этапе эта политика имела успех, на казанский трон удалось посадить своих ставленников. Но, несмотря на это, крымские ханы все же не смогли предотвратить падение Казанского и Астраханского ханств.

С аннексией Среднего Поволжья, а затем и устья Волги Московское государство стало проводить планомерную политику окружения Крымского ханства. Крым даже находился под угрозой русского вторжения. Однако в конце концов Иван IV решил избежать столкновения с находящимися на южном побережье Крыма турецкими вооруженными силами.

То обстоятельство, что силы Ивана IV с 1558 года были скованы Польшей-Литвой и Швецией, позволило сделать удар по России, который решал задачу отвоевания татарских ханств в 1569 г. Поход 1569 г. потерпел неудачу и из-за слабой поддержки со стороны крымского хана Девлет-Гирея, который опасался дальнейшего усиления Османской империи.

Поражение турецкого флота в битве при Лепанто 7 октября 1571 года способствовало походам Девлет-Гирея на Москву с требованием «возврата» Астрахани, а также Казани. Однако крымские татары не вели никакой последовательной политики. Серьезная опасность для России миновала, она сохранила за собой все Поволжье.

Мухаммед-Гирей II стремился к отвоеванию Казани и Астрахани и с этой целью вступил в переговоры с польским королем Стефаном Баторием. Однако частые грабительские нападения крымских татар на Украину омрачали отношения обоих государств и сделали совместные действия невозможными.

Список использованных источников и литературы

1. Непомнящий А. А. Профессор Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения.– Киев: Стило, 2012.– 464 с.– (Серия: «Библиография крымоведения»; вып. 15).
2. Непомнящий А. А. Professor Nikolai Ernst: stranitsy istorii krymskogo kraevedeniya.– Kiev: Stilos, 2012.– 464 s.– (Seriya: «Biibliografiya krymovedeniya»; vyp. 15).
3. Rühl L. Aufstieg und Niedergang des Russischen Reiches: Der Weg eines tausendjährigen Staates. Stuttgart: Deutsche Verlag Anstalt, 1992. 664 S.
4. Schuselka F. Russland im Joche der Tataren, im Kampf gegen und um die Krim in Demüthigung und Übermuth gegen die Türkei. Dresden: Verlag von Robert Schaefer, 1854. 300 S.
5. Kusber J. Um das Erbe der Goldenen Horde: das Khanat von Kazan' zwischen Moskauer Staat und Krimtataren // Zwischen Christianisierung und Europäisierung: Beiträge zur Geschichte Osteuropas in Mittelalter und früher Neuzeit. Festschrift für Peter Nitsche zum 65. Geburtstag. Stuttgart: Steiner, 1998. S.293–312.
6. Bächtold R. Südwestrussland im Spätmittelalter. Territoriale, wirtschaftliche und soziale Verhältnisse (Basler Beiträge zur Geschichtswissenschaft. Bd.38). Basel: Verlag von Helbing und Hiltenhahn, 1951. 211 S.
7. Spuler B. Geschichte der islamischen Länder, ein Überblick. Die Mongolenzeit. Berlin: Wissenschaftl. Edionsges, 1948. 76 S.
8. Sarkissjanz E. Geschichte der orientalischen Völker Russlands bis 1917. Eine Ergänzung zur ostslawischen Geschichte Russlands. München: Oldenbourg, 1961. 422 S.
9. Donnert E. Iwan Grosny «der Schreckliche». Berlin: Union Verlag, 1980. 285 S.
10. Kämpfer F., Stökl G. Russland an der Schwelle zur Neuzeit. Das Moskauer Zartum unter Ivan IV. Grosnyi // Handbuch der Geschichte Russlands. Hrsg. von M.Hellmann. Bd.1. Hbd.2. Bis 1613. Von der Kiever Reichsbildung bis zum Moskauer Zartum. – Stuttgart: Anton Hiersemann, 1989. S. 854–961.
11. Brückner A. Geschichte Rußlands bis zum Ende des 18. Jahrhunderts. Bd.1. Überblick der Entwicklung bis zum Tode Peters des Großen. Gotha: F. A. Perthes, 1896. 638 S.

Gatin M. S. Crimean khans of the XVI century policy towards the countries of Eastern Europe in the German historiography

The article is devoted to the interpretations of the German historiography of the major foreign policy issues of the Crimean khans in the XVI century.

Keywords: German historiography, Crimean Khanate, Tatar Khanate, Muscovy, Grand Duchy of Lithuania, Polish-Lithuanian Commonwealth, Ottoman Empire. Mengli Giray, Muhammad Giray, Sahib Giray, Devlet Giray.

УДК: 93/94 (093)

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Кравчук А. С.

*ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет»,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail:alex007krav@mail.ru*

Проведен общий анализ источников по истории российского государственного строительства в Таврической губернии первой половины XIX в. Проанализированы особенности формирования различных архивных фондов, представлен общий анализ мемуарного наследия, эпистолярная и периодическая печать, содержащих информацию по заданной проблематике.

Ключевые слова: источниковедение, Таврическая губерния, Крым, российское государственное строительство в Крыму.

На современном этапе развития российской исторической науки произошел резкий всплеск интереса к истории Крыма, что повлекло за собой появление пласта работ, посвященных истории полуострова. К большому сожалению, часть этих трудов носит околонуточный характер и не представляет ценности. Некоторые из таких «исследований» посвящены истории полуострова последней четверти XVIII – первой половины XIX вв. Скудность источников, используемых авторами, приводит к необъективному изложению фактов и их вольной трактовке. Именно поэтому анализ источниковой базы по истории российского государственного строительства в Таврической губернии первой половины XIX в. является крайне актуальным. Рассмотрение истории Таврической губернии и Крыма как ее составляющей части сквозь призму деятельности административного аппарата региона позволяет восстановить не только отдельные эпизоды, но и выстроить общую картину положения в крае в рассматриваемый период.

Основной массив источников по истории российского государственного строительства в Таврической губернии условно можно разделить на следующие группы: 1) законы и нормативные акты; 2) делопроизводственная документация; 3) документы личного происхождения; 4) периодические издания.

1) Основополагающими источниками, позволяющими понять механизмы управления регионом и сферу компетенции различных органов управления, являются такие законодательные акты как: «Наказ губернаторам, воеводам и их товарищам» (1728 г.) [39, с. 94–112], «Наставления губернаторам» (1764 г.) [40, с. 716–720], «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» (1775 г.) [43], «Манифест об учреждении министерств» (1802 г.) [41, с. 243–248] и «Общий наказ гражданским губернаторам» (1837 г.) [38, с. 361–439]. Вся деятельность таврической губернской администрации должна была осуществляться в соответствии с этими законодательными актами. Следует учитывать и тот факт, что отдаленность губернии от центра и необходимость быстрого принятия решений

приводила к тому, что часто чиновники руководствовались не буквой закона, а практической необходимостью.

К этой же группе источников относятся документы и материалы высших и центральных органов государственной власти Российской империи, касающиеся проблем местного управления. Это решения Сената, стенограммы ряда заседаний Комитета министров и Совета министров, на которых обсуждались региональные проблемы, содержащиеся в фондах РГИА (ф. 1263 – «Комитет Министров»). Важное место среди источников этой группы занимает указ «О разделении Новороссийской губернии на три губернии: Николаевскую, Екатеринославскую и Таврическую и об устройстве там судебных мест» [41, с. 243–248]. В этом нормативном акте содержится подробное изложение особенностей административного устройства, организации губернских органов управления, полномочий губернатора и определения административных границ в регионе [18, с. 189–191].

Значительную роль в исследованиях, посвященных истории Крыма первой половины XIX в., занимают разнообразные и многочисленные документы и материалы Министерства внутренних дел. Это распоряжения, списки, рапорты, отчеты, донесения, отложившиеся в РГИА (ф. 1284 – «Департамент общих дел МВД»). Информация из этого фонда позволяет восстановить деятельность администрации Таврической губернии, понять, с какими проблемами сталкивался аппарат управления края, оценить степень влияния отдельных чиновников на принимаемые решения. Понять сами механизмы функционирования местной администрации [21, с. 142–144].

Особо информативным для биографических исследований рассматриваемого периода является такой источник, как формулярные и послужные списки чиновников. Эти документы представлены в коллекции РГИА (ф. 1349 – «Формулярные списки чинов гражданского ведомства»). В них содержится важная информация о возрасте, образовании, происхождении, вероисповедании, имущественном положении, основных этапах службы, национальности; сведения о награждениях, участии в военных действиях. При отсутствии формулярных списков возможно использование сведений адрес-календарей, где, кроме первичных биографических данных, содержится информация о награждениях, иногда о размере жалования и наличии недвижимой собственности [17, с. 34–38].

2) Значительный массив источников, позволяющих провести анализ деятельности органов местного управления, составляют делопроизводственные документы, отложившиеся в Государственном архиве Республики Крым (далее – ГАРК) (ф. 26 – «Канцелярия таврического гражданского губернатора»); (ф. «27 – Таврическое губернское правление»). Губернатор, его канцелярия и Таврическое губернское правление, а с 4 октября 1838 г. губернское правление [36] владели обширнейшим спектром информации о ключевых событиях в регионе и тенденциях его развития. К ним поступали документы от губернских и вышестоящих государственных органов, среди которых выделяется массовая отчетная документация, являвшаяся в российской управленческой традиции формой контроля. Это документы канцелярий губернаторов, попечителей учебных округов,

начальников жандармских округов, начальников карантинных застав, охранных отделений, казенных и судебных палат, прокуроров. Эти данные дополняют жалобы, петиции и предложения, которые поступали прямо к губернатору или в его канцелярию. Этот массив документов позволяет восстановить основные аспекты развития края в первой половине XIX в., оценить темпы развития региона [22].

Исследование оперативно-распорядительной документации показало, что она способствует изучению действий губернских властей, а распорядительно-нормативная заменяла отсутствующие законодательные акты и регулировала социально-экономические отношения в регионе. Анализ родо-видового состава делопроизводственной документации позволяет установить, на какие социальные явления и процессы прежде всего обращалось внимание в административной деятельности губернские органы управления. Аналитическая информация о состоянии в регионах черпалась из отчетов губернаторов императору и Министерству внутренних дел.

Структура и информационные возможности губернаторских отчетов дают нам возможность получить данные по социально-экономической истории, содержат сведения о взглядах, планах, намерениях, проектах, предположениях и действиях деятелей администрации. Нами выделены две крупные группы отчетов. Первая – ежегодные отчеты, посылаемые губернаторами в Министерство внутренних дел, сохранившиеся в фондах РГИА (ф. 1284 – «Департамент общих дел МВД»); вторая – ежемесячные и полугодовые отчеты херсонскому военному, а позже – новороссийскому и бессарабскому генерал-губернаторам [25, с. 77–78]. Ежемесячные отчеты подавались таврическими губернаторами два раза в месяц. Эти отчеты сохранились частично в ГАРК (ф. 26 – «Канцелярия таврического губернатора»), большая же их часть хранится в фондах Государственного архива Одесской области (далее ГАОО) (ф. 1 – «Управление новороссийского и бессарабского генерал-губернатора»). На основе этих документов военные губернаторы и генерал-губернаторы составляли собственные ежегодные донесения в столицу.

Отчеты времени правления Александра I более обстоятельны, в них содержатся рассуждения и собственные замечания губернаторов, характеристики отдельных чиновников, сведения об их заслугах. Донесения сопровождаются предложениями руководителей губернии по преобразованию края и прошениями. Самой традиционной просьбой, содержащейся почти во всех отчетах изучаемого периода, было увеличение штата и оклада служащих губернии [25, с. 80]. Интересными и информативными источниками являются составленные губернаторами при вступлении в должность «Обозрения» [30]. Несмотря на то, что над такими «обозрениями» работали канцелярские служащие, правители губернии лично делали многочисленные замечания и дополнения.

3) Среди документов личного происхождения особо содержательными являются мемуары губернаторов, их современников и записки путешественников. Одними из самых известных мемуаров, содержащих подробные сведения о Крыме начала XIX в., являются «Записки Д. Б. Мертваго (1760–1824)» [29], написанные им по совету Г. Р. Державина [19, с. 28–29] (время работы над ними можно определить

из их контекста: от Пугачевщины [1774] до конца царствования Павла I), – это связный рассказ о прошедшем в форме «воспоминаний», описание событий 1801 г. и далее носит характер, скорее, дневника, заполнявшегося с большими перерывами [26]. Содержащиеся в них сведения позволяют проникнуться атмосферой первых лет существования Таврической губернии. Частично их дублирует цикл статей внучки таврического губернатора – Марии Петровны Вайтаци [7]. Еще одним губернатором, оставившим мемуары, был М. М. Муромцов [20], однако его воспоминания, посвященные крымскому периоду жизни, не сохранились [34].

Из мемуарного наследия и записок российских путешественников изучаемого периода, оставивших сведения о Таврической губернии того времени, следует отметить: Г. Р. Державина [10], С. Т. Аксакова [1], Ю. Н. Бартенева [4], К. Н. Батюшкова [5], Н. И. Браилко [6], Ф. Ф. Вигеля [8], Г. В. Геракова [9], Н. И. Тургенева [11], В. А. Жуковского [13], А. Н. Муравьева [32], И. М. Муравьева-Апостола [33], К. И. Попова [37], П. П. Свинына [42] и др. В записках современников содержатся факты из жизни, оценки их деятельности и личные мнения о положении в регионе. Мемуары позволяют проследить те причинно-следственные категории, которые скрывает от нас стиль официальных документов.

Источником, насыщенным информацией по истории Крыма начала XIX в., являются «Записки» И. В. Лопухина, который занимал пост главы Комиссии по земельным спорам в Крыму [27]. Автор изобразил тяжесть положения населения губернии и бездействие властей. Комплексное изучение этого вида источников, особенно описывающих один и тот же промежуток времени, позволяет восстановить личностные связи, возникающие между служащими различных уровней, помогает понять мотивы некоторых поступков чиновников, знакомит нас с их размышлениями [19, с. 28–29].

Информативными являются малоизвестные воспоминания чиновника по особым поручениям при таврическом губернаторе В. П. Кореневского [16]. Он описал факты, характеризующие В. И. Пестеля [23, 24], В. Я. Рославца и М. М. Муромцова [20], раскрыл суть их взаимоотношений с М. С. Воронцовым. Автор представил собственную оценку деятельности «всесильного» новороссийского генерал-губернатора, обратил внимание на его стиль руководства и те личные качества чиновника, на которые не принято было указывать в рассматриваемый период.

Содержательная ценность мемуаров определяется многими факторами, в том числе и личностью автора, его субъективностью. Большое значение имеет время, прошедшее от события до повествования о нем мемуариста. Чем длиннее временное расстояние, тем больше вероятность искажения, утраты деталей, забывчивости имен и фамилий и пр. Вместе с тем, временная дистанция дает возможность более спокойно оценить прошлое, взвешенно расставить акценты, выделить главное из частного.

Содержательным источником личного происхождения являются записки иностранных путешественников, посетивших Таврическую губернию в первой половине XIX в. В этой категории наиболее важны работы следующих авторов: Роберта Лайелла [46], Джеймса Александера [44], Эдварда Кларка [45; 48; 49],

Фредерика Дюбуа де Монпере [12], Огюста Мармона [28], Дж. Вебстера [47] и др. [35; 48; 49]. У иностранных путешественников за короткий срок пребывания в Тавриде складывалось лишь поверхностное знание об увиденном. Зачастую они принимали отдельные события за признаки неких тенденций. Подаваемые ими сведения содержат свежий взгляд на представителей иной культуры, иных традиций и ценностей. Этот вид источников следует использовать в качестве информативного дополнения, служащего анализу социально-экономической среды. Крайне важны эти источники и для этнографических исследований. Отметим, что в наши дни различные ученые активно вводят в научный оборот записки иностранных путешественников. Однако большинство из них не идут дальше простого перевода, а их труды сопровождаются поверхностными пояснениями, содержащими фактологические ошибки.

Отдельную группу источников личного происхождения составляет эпистолярный, частично опубликованный [2; 3; 14; 31; 48]. Источники этой группы хранятся в архивных фондах ОР РНБ, РГИА, ГАРК, ГАОО. Содержание эпистолярия зачастую не только указывает на уровень информированности авторов и характер их взаимоотношений с адресатами, но и многое может сказать об интеллектуальных способностях пишущих. Порой сама форма обращения в письме становится своеобразным «ключом» к пониманию характера отношений между автором и адресатом. Использование эпистолярия позволяет понять мотивы поступков пишущих, скрываемые в официальной корреспонденции. Наиболее информативной является переписка херсонских военных, а позже новороссийских и бессарабских генерал-губернаторов с таврическими гражданскими губернаторами. В ней содержатся сведения о наиболее важных проблемах, стоящих перед российской администрацией в Таврической губернии.

4) Одним из основных исторических источников является периодическая печать. Наиболее содержательными периодическими изданиями изучаемой эпохи являются официальный рупор властей в губернии – «Таврические губернские ведомости», выходившие с 1838 г. еженедельно, и «Одесский вестник», издававшийся в Одессе с 1827 г. два раза в неделю на русском и французском языках («Journal d'Odessa»). С 1831 г. русская часть была выделена в отдельную газету. Эти два периодических издания освещали широкий спектр событий из самых различных областей жизни Новороссийского края. В них публиковались правительственные и губернские официальные документы. Значительный интерес вызывают публикации, посвященные развитию образования и экономики края. Ценным источником являются рекламные и частные объявления, анализ которых позволяет определить основной круг экономических и культурных потребностей населения.

Среди статей и заметок в периодических изданиях следует выделить в отдельную группу некрологи. Они, как правило, имеют характерную структуру: даты рождения и смерти, обстоятельства последней, сведения об образовании, общественный и должностной статус, достижения покойного. Эти сведения являются первичными для биографических исследований.

Таким образом, источниковая база по истории российского государственного строительства в Крыму в первой половине XIX в. является достаточно обширной и позволяет восстановить основные аспекты развития Крыма как составляющей Таврической губернии. Важным видится дальнейший поиск и введение в научный оборот новых источников. Особенно значимым является привлечение информации, хранящейся в фондах Российского государственного исторического архива, Государственного архива Российской Федерации и Государственного архива Одесской области. Именно там содержатся обобщающие данные по истории Таврической губернии, позволяющие восстановить целостную картину положения на полуострове в первой половине XIX в.

Список использованных источников и литературы

1. Аксаков С. Т. Собрание сочинений: в 5 т. М. : Правда, 1966. Т. 2. 500 с.
Aksakov S. T. Sbranie sochinenii: v 5 t. M. : Pravda, 1966. T. 2. 500 s.
2. Архив Раевских : в 5 т. / под ред. Б. Л. Модзалевского. СПб. : Типография М. А. Александрова. Т. 1–5. 1908–1915.
Arkhiv Raevskikh : v 5 t. / pod red. B. L. Modzalevskogo. SPb. : Tipografiya M. A. Aleksandrova. T. 1-5. 1908–1915.
3. Афанасьев А. К. Частные письма Таврического губернатора А. И. Казначеева М. С. Воронцову 1828–1837 // Воронцовский сборник / отв. ред. И. Н. Шкляев. Вып. 2. Одесса, 2009. 184 с.
Afanas'ev A. K. Chastnye pis'ma Tavricheskogo gubernatora A. I. Kaznacheeva M. S. Vorontsovu 1828-1837 // Vorontsovskii sbornik / otv. red. I. N. Shklyayev. Vyp. 2. Odessa, 2009. 184 s.
4. Бартнев Ю. Н. Жизнь в Крыму // Русский архив. 1899. № 8. С. 549–580.
Bartnev Yu. N. Zhizn' v Krymu // Russkii arkhiv. 1899. №8. S. 549–580.
5. Батюшков К. Н. Сочинения : в 3 т. СПб., 1886.
Batyushkov K. N. Sochineniya : v 3 t. SPb., 1886.
6. Браилко Н. И. Из воспоминаний и рассказов // Русский архив. 1897. Вып. 6. С. 289–316.
Brailko N. I. Iz vospominanii i rasskazov // Russkii arkhiv. 1897. Vyp. 6. S. 289–316.
7. Вайтац М. П. Боль минувшего // Исторический вестник. 1913. № 4. С. 19–40; № 5. С. 412–414.
Vaitatsi M. P. Bol' minuvshogo // Istoricheskii vestnik. 1913. № 4. S. 19–40; № 5. S. 412–414.
8. Вигель Ф. Ф. Записки: в 2 кн. М. : Захаров, 2003. 1358 с.
Vigel' F. F. Zapiski: v 2 kn. M. : Zakharov, 2003. 1358 s.
9. Гераков Г. В. Путевые записки по многим российским губерниям. СПб., 1828. 180 с.
Gerakov G. V. Putevye zapiski po mnogim rossiiskim guberniyam. SPb, 1828. 180 s.
10. Державин Г. Р. Сочинения Державина : в 9 т. / прим. Я. Грот. Т. 5. СПб., 1869. 930 с.; Т. 6. СПб., 1871. 987 с. Т. 7. СПб., 1872. 896 с.
Derzhavin G. R. Sochineniya Derzhavina : v 9 t. / prim. Ya. Grot. T.5. SPb., 1869. 930 s.; T.6. SPb., 1871. 987 s. T.7. SPb., 1872. 896 s.
11. Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1816–1824 гг. / под ред. Е. И. Тарасова. Петроград : Академ. 12-я гос. тип, 1921. 528 с.
Dnevnik i pis'ma Nikolaya Ivanovicha Turgeneva za 1816–1824 gg. / pod red. E. I. Tarasova. Petrograd : Akadem. 12-ya gos. tip, 1921. 528 s.
12. Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым. Т. 5, 6. Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. 328 с.
Dyubua de Monpere F. Puteshestvie po Kavkazu, k cherkesam i abkhazam, v Gruziyu, Armeniyu i v Krym. T. 5, 6. Simferopol': Biznes-Inform, 2009. 328 s.
13. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 томах / глав. ред. А. С. Якушевич. Т. 14. М. : Языки славянской культуры, 2004. 768 с.
Zhukovskii V. A. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20 tomakh / glav. red. A. S. Yakushevich. T. 14. M. : Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. 768 s.
14. Казначеев А. И. Партикулярные письма графу М. С. Воронцову, 1828–1837 / сост. А. К. Афанасьев. М. : Новый хронограф, 2015. 280 с.

Kaznacheev A. I. Partikulyarnye pis'ma grafu M. S. Vorontsovu, 1828–1837 / sost. A. K. Afanas'ev. M. : Novyi khronograf, 2015. 280 s.

15. Кларк Е. Д. Путешествие по России, Татарии и Турции. Глава XVIII. От Боспора Киммерийского до Каффы : Сб. науч. ст. Т. 3. Керчь: БФ «Деметра», 1999. С. 11–37.

Klark E. D. Puteshestvie po Rossii, Tatarii i Turtsii. Glava XVIII. Ot Bospora Kimmeriiskogo do Kaffy : Sb. nauch. st. T. 3. Kerch': BF «Demetra», 1999. S. 11–37.

16. [Корневский В. П.] Неизвестные воспоминания о деятельности М. С. Воронцова в Крыму, 1836–1845 // Российский архив : История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М. : Студия ТРИТЭ : Рос. Архив, 2010. Т. 19. С. 708–737.

[Korenevskii V. P.] Neizvestnye vospominaniya o deyatelnosti M. S. Vorontsova v Krymu, 1836–1845 // Rossiiskii arkhiv : Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.: Al'manakh. M. : Studiia TRITE : Ros. Arkhiv, 2010. T. 19. S. 708–737.

17. Кравчук А. С. Губернаторский корпус Таврической губернии в первой половине XIX века // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер. : «Исторические науки». 2014. Т. 27(66). № 2. С. 34–49.

Kravchuk A. S. Gubernatorskii korpus Tavricheskoi gubernii v pervoi polovine XIX veka // Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Ser. : «Istoricheskie nauki». 2014. T. 27(66). № 2. S. 34–49.

18. Кравчук А. С. Из истории государственного строительства в Крыму: Таврическая губерния в свои первые десятилетия // Пространство и время. 2014. № 3 (17). С. 189–198.

Kravchuk A. S. Iz istorii gosudarstvennogo stroitel'stva v Krymu: Tavricheskaya guberniya v svoi pervye desyatilieti // Prostranstvo i vremya. 2014. № 3(17). S. 189–198.

19. Кравчук А. С. Источники для изучения института губернаторства в Таврической губернии в начале XIX века: к постановке проблемы // Сіверщина в історії України: Збірник наукових праць / Нац. заповідник «Глухів»; Центр пам'яткознавства НАН України і УТОШК. Київ; Глухів, 2010. Вип. 3. С. 28–30.

Kravchuk A. S. Istochniki dlya izucheniya instituta gubernatorstva v Tavricheskoi gubernii v nachale XIX veka: k postanovke problemy // Sivershchina v istorii Ukraïni: Zbirnik naukovikh prats' / Nats. zapovidnik «Glukhiv»; Tsentr pam'yatkoznavstva NAN Ukraïni i UTOPIK. Kiïv; Glukhiv, 2010. Vip. 3. S. 28–30.

20. Кравчук А. С. К биографии таврического гражданского губернатора Матвея Матвеевича Муромцова // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки». Т. 1 (67). № 4. 2015. С. 21–33.

Kravchuk A. S. K biografii tavricheskogo grazhdanskogo gubernatora Matveya Matveevicha Muromtsova // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Ser.: «Istoricheskie nauki». T. 1(67). №4. 2015. S. 21–33.

21. Кравчук А. С. К истории создания органов управления Таврической губернии (1802–1854) // Труды междисциплинарной научно-практической конференции «III Феодосийские научные чтения» / МБУК «Феодосийский музей древностей»; Санкт-Петербургский филиал Федерального государственного бюджетного учреждения «Институт океанологии им. П. П. Ширшова РАН». Феодосия, 2015. С. 142–145.

Kravchuk A. S. K istorii sozdaniya organov upravleniya Tavricheskoi gubernii (1802–1854) // Trudy mezhdistsiplinarnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «III Feodosiiskie nauchnye chteniya / MBUK «Feodosiiskii muzei drevnostei»; Sankt-Peterburgskii filial Federal'nogo gosudarstvennogo byudzhnogo uchrezhdeniya «Institut okeanologii im. P. P. Shirshova RAN». Feodosiya, 2015. S. 142–145.

22. Кравчук А. С. Механизмы бурного развития: южная провинция России по отчетам таврических губернаторов // Родина. 2015. № 1. С. 143–144.

Kravchuk A. S. Mekhanizmy burnogo razvitiya: yuzhnaya provintsiya Rossii po otchetam tavricheskikh gubernatorov // Rodina. 2015. № 1. S. 143–144.

23. Кравчук А. С. Неизвестный брат известного революционера: херсонский и таврический губернатор В. И. Пестель // Пространство и Время. 2015. № 1–2 (19–20). С. 202–206.

Kravchuk A. S. Neizvestnyi brat izvestnogo revolyutsionera: khersonskii i tavricheskii gubernator V. I. Pestel' // Prostranstvo i vremya. 2015. № 1–2(19–20). S. 202–206.

24. Кравчук А. С. Неизвестный брат известного революционера: херсонский и таврический губернатор В. И. Пестель // *Пространство и Время*. 2015. № 3 (21). С. 183–187.
- Kravchuk A. S. Neizvestnyi brat izvestnogo revolyutsionera: khersonskii i tavrisheskii gubernator V. I. Pestel' // *Prostranstvo i Vremya*. 2015. № 3 (21). S. 183–187.
25. Кравчук А. С. Отчеты таврических гражданских губернаторов в архивных фондах Российской Федерации и Украины (1802–1854) // *Архивы и архивное дело на Юге России: история, современность, перспективы развития: мат. Всерос. науч. конф. / отв. ред. Д. В. Сень, Д. П. Исаев, М. Е. Шалак, Ростов-на-Дону, 16–17 октября 2015 г. Ростов: Foundation, 2015. С. 77–82.*
- Kravchuk A. S. Otchety tavrisheskikh grazhdanskikh gubernatorov v arkhivnykh fondakh Rossiiskoi Federatsii i Ukrainy (1802–1854) // *Arkhivy i arkhivnoe delo na Yuge Rossii: istoriya, sovremennost', perspektivy razvitiya: mat. Vseros. nauch. konf. / отв. ред. D. V. Sen', D. P. Isaev, M. E. Shalak, Rostov-na-Donu, 16–17 oktyabrya 2015 g. Rostov: Foundation, 2015. S. 77–82.*
26. Кравчук А. С. Дмитро Борисович Мертваго – таврийский гражданский губернатор // *Ученые записки Таврического нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки»*. 2012. Т. 25 (64). № 2. С. 116–127.
- Kravchuk A. S. Dmitro Borisovich Mertvago – tavrisheskii tsivil'nii gubernator // *Uchenye zapiski Tavricheskogo nats. un-ta im. V. I. Vernadskogo. ser.: «Istoricheskie nauki»*. 2012. T. 25(64), № 2. S. 116–127.
27. Лопухин И. В. Записки некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника, сенатора И. В. Лопухина, сочиненные им самим. М. : Русский архив, 1884. 184 с.
- Lopukhin I. V. Zapiski nekotorykh obstoyatel'stv zhizni i sluzhby deistvitel'nogo tainogo sovetnika, senatora I. V. Lopukhina, sochinennye im samim. M. : Russkii arkhiv, 1884. 184 s.
28. Мармон Л. Ф. Путешествие маршала Мармона, герцога Рагузского, в Венгрию, Трансильванию, Южную Россию, по Крыму и берегам Азовского моря в Константинополь, некоторые части Малой Азии, Сирию, Палестину и Египет. Т. 1. М.: Тип. Н. Степанова, 1840. 266 с.
- Marmon L. F. Puteshestvie marshala Marmona, gertsoga Raguzskogo, v Vengriyu, Transil'vaniyu, Yuzhnyuyu Rossiyu, po Krymu i beregam Azovskogo morya v Konstantinopol', nekotorye chasti Maloi Azii, Siriyu, Palestinu i Egiptet. T. 1. M.: Tip. N. Stepanova, 1840. 266 s.
29. Мертваго Д. Б. Записки, 1760–1824. СПб.: Русская симфония, 2006. 368 с.
- Mertvago D. B. Zapiski, 1760–1824. SPb. : Russkaya simfoniya, 2006. 368 s.
30. [Мертваго Д. Б.] Описание Таврической губернии, учиненное в 1807 году сенатором Мертваго. [Б. м.], [Б. г.]. 12 с.
- [Mertvago D. B.] Opisanie Tavricheskoi gubernii, uchinennoe v 1807 godu senatorom Mertvago. [B. m.], [B. g.]. 12 s.
31. Милорадович Г. А. О роде дворян и графа Милорадович. К., 1871. 144 с.
- Miloradovich G. A. O rode dvoryan i grafa Miloradovich. K., 1871. 144 s.
32. Муравьев А. Н. Таврида / изд. и подг. Н. А. Хохлова. СПб.: Наука, 2007. 542 с.
- Murav'ev A. N. Tavrida / izd. i podg. N. A. Khokhlova. SPb.: Nauka, 2007. 542 s.
33. Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб., 1823. 337 с.
- Murav'ev-Apostol I. M. Puteshestvie po Tavride v 1820 godu. SPb, 1823. 337 s.
34. Муромцов М. М. Воспоминания Матвея Матвеевича Муромцова // *Русский архив*. 1890. № 2. С. 59–84; № 3. С. 366–367.
- Muromtsov M. M. Vospominaniya Matveya Matveevicha Muromtsova // *Russkii arkhiv*. 1890. № 2. S. 59–84; №3. S. 366–367.
35. Непомнящий А. А. Записки путешественников и путеводители в развитии исторического краеведения Крыма: последняя треть XVIII – начало XX века. К. : [б. и.], 1999.
- Nepomnyashchii A.A. Zapiski puteshestvennikov i putevoditeli v razvitii istoricheskogo kraevedeniya Kryma : poslednyaya tret' XVIII–nachalo KhKh veka. K. : [b. i.], 1999.
36. О переименовании губернского правительства в правление, а казенной экспедиции в палату // *Таврические губернские ведомости*. 1838. 28 октября.
- O pereimenovanii gubernskogo pravitel'stva v pravlenie, a kazennoi ekspeditsii v palatu // *Tavrisheskie gubernskie vedomosti*. 1838. 28 oktyabrya.
37. Попов К. И. Воспоминания: губернатор Рославец // *Саратовский край: исторические очерки, воспоминания, материалы*. Вып. 1. Саратов, 1893. С. 192–202.

Попов К. И. Vospominaniya: gubernator Roslavets // Saratovskii krai: istoricheskie ocherki, vospominaniya, materialy. Вып. 1. Saratov, 1893. S. 192–202.

38. ПСЗРИ: Собрание второе: С 12 декабря 1825 по 28 февраля 1881: В 55 т. СПб. : Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1838. Т. 12. Ч. 1. С. 361–439.

PSZRI: Sobranie vtoroje: S 12 dekabrya 1825 po 28 fevralya 1881: V 55 t.SPb. : Tip. II Otd-niya sobstv. E. I. V. kantselyarii, 1838. T. 12. Ch. 1. S. 361–439.

39. ПСЗРИ: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года: В 48 т. СПб. : Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 8 : 1728–1732. С. 94–112.

PSZRI: Sobranie pervoje: S 1649 po 12 dekabrya 1825 goda: V 48 t. SPb. : Tip. II Otd-niya sobstv. E. I. V. kantselyarii, 1830. T. 8 : 1728–1732. S. 94–112.

40. ПСЗРИ: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года: В 48 т. СПб. : Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 16: 28 июня 1762–1764. С. 716–720.

PSZRI: Sobranie pervoje: S 1649 po 12 dekabrya 1825 goda: V 48 t. SPb. : Tip. II Otd-niya sobstv. E. I. V. kantselyarii, 1830. T. 16: 28 iyunya 1762–1764. S. 716–720.

41. ПСЗРИ: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года: В 48 т. СПб. : Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 27: 1802–1803. С. 243–248.

PSZRI: Sobranie pervoje: S 1649 po 12 dekabrya 1825 goda: V 48 t. SPb. : Tip. II Otd-niya sobstv. E. I. V. kantselyarii, 1830. T. 27: 1802–1803.S. 243–248.

42. Свиньин П. П. Знакомства и встречи на южном берегу Тавриды// Отечественные записки. 1825. № 66. С. 119–133.

Svin'in P. P. Znakomstvo i vstrechi // Otechestvennye zapiski. 1825. №66. S. 119–133.

43. Учреждения для управления губерний Всероссийской империи. М.: Типография Сената., 1775. 229 с.

Uchrezhdeniya dlya upravleniya gubernii Vserossiiskoi imperii. M: tipografiya Senata., 1775. 229 s.

44. Alexander J. E. 1830: Travels to the Seat of War in the East through Russia and the Crimea in 1829 : in 2 vol. London, 1830. 327 p.

45. Clarke E. D. Travels in various countries of Europe, Asia, Africa : in 11 vol. London, 1816. Vol. 2. 546 p.

46. Lyall R. Travels in Russia, the Krimea, the Caucasus and Georgia by Robert Lyall, M.D. F.L.S., member of the Royal Asiatic Society of London, of the Wernerian Natural History Society of Edinburgh : in 2 vol. London : Printed for T.Cadell, in the Strand; W. Blackwood. Vol. 1. Edinburgh, 1825. 528 p.

47. Webster James. Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt; performed during the year 1825–1828 : including particulars of the last illness and death of the emperor Alexander, and Russian conspiracy of 1825 : in 2 vol. London, 1830. Vol 1. 164 p.

48. Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма в современной научно-справочной литературе (XX – начало XXI века): наработки и библиографические фикции // Крымское историческое обозрение. Казань; Бахчисарай, 2016.– № 1.– С. 65–80.

Непомнящчии А. А. Istoriya i etnografiya narodov Kryma v sovremennoy nauchno-spravochnoi literature (KhKh – nachalo XXI veka): narabotki i bibliograficheskie fiksii // Krymskoe istoricheskoe obozrenie.– Kazan'; Bakhchisarai, 2016.– № 1.– S. 65–80.

49. Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945).– Симферополь: Антиква, 2015.– 936 с.– (Серии: «Крым в истории, культуре и экономике России»; «Биобиблиография крымоведения»; вып. 25).

Непомнящчии А. А. Istoriya i etnografiya narodov Kryma: bibliografiya i arkhivy (1921–1945).– Simferopol': Antikva, 2015.– 936 s.– (Serii: «Krym v istorii, kul'ture i ekonomike Rossii»; «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 25).

Kravchuk A. S. Written sources of the Russian state-building history in the Taurida province in the first half of the XIX century.

I have conducted a general analysis of sources of the Russian state-building history in the Taurida province in the first half of the XIX century. I have analyzed the formation features of various archives, summarized the memoirs heritage, epistolary and periodicals that contain information about a given topic.

Keywords: source, Taurida province, Crimea, Russian state-building in the Crimea.

УДК 94(47)083

930.253

**ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ КРЫМА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В. В ФОНДЕ ЮСУПОВЫХ
В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ ДРЕВНИХ АКТОВ**

Лаптева Т. А.

*Российский государственный архив древних актов, Москва, Российская Федерация
E-mail: lapte.lapteva@yandex.ru*

Представлен обзор и анализ документов фонда Юсуповых, касающихся приобретения и управления имениями, находившимися в Крыму, а именно «Кореиз» и «Коккоз». Документы освещают как историю отдельных курортов и населенных пунктов Крыма, развитие земельной собственности на территории полуострова, так и историю финансов, строительства, почтово-телеграфной связи, развития техники, садоводства, виноделия, земледелия, скотоводства и проч. Материалы фонда Юсуповых являются важным источником по истории модернизации Крыма в начале XX в.

Ключевые слова: Юсуповы, Крым, Кореиз, Коккоз, Балаклава, виноделие, садоводство, строительство, переписка, банки, денежные переводы, управляющие имениями

В конце XIX – начале XX в. князья Юсуповы были одними из крупнейших земельных собственников России (247 тыс. десятин). Кроме того, они владели множеством промышленных предприятий, а капитал семьи составлял более 21 миллиона рублей. Зинаида Николаевна Юсупова была последней представительницей рода, однако постановлением Сената ее мужу, графу Феликсу Феликсовичу Сумарокову-Эльстон, было разрешено носить фамилию и титул князя Юсупова. Благодаря этому браку Юсуповы приобрели и владения в Таврической губернии, в том числе в Крыму, где отец графа Сумарокова-Эльстон владел 21 дес. земли в деревне Кореиз [2, с. 59]. В 1867 г. граф Ф. Н. Сумароков-Эльстон приобрел у наследников Гончаровых «Розовый дом» с 15 десятинами земли, в 1870 г. добавил к покупке еще участки Чаур, Бахча и Чхур, приобретенные у Ибраима Хали Оглу. Ф. Ф. Сумароков-Эльстон вступил в права наследства в 1887 г., а в 1891 г. купил еще участок земли в деревне Кореиз с фруктовым садом и источником воды, дачу Саввы Тимофеевича Морозова – 3 десятины с пятью каменными постройками, лесом и угодьями (на этой территории находилась и церковь) и участок В. Д. Ладыженской. Еще два участка в деревне Кореиз были приобретены в 1909 и 1912 гг. [Ф. 1290. Юсуповы. Оп. 5. Д. 4267. Л. 73–74]. В конце XIX – начале XX вв. Юсуповы купили имение «Коккоз» (3395 дес.) и участки в Балаклаве.

Документы фонда Юсуповых, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов, позволяют изучить как историю приобретения крымских имений, так и пролить свет на хозяйственную деятельность Юсуповых в этих имениях, способы управления ими. Внутреннюю жизнь и личностную историю

служащих. Большая часть всех документов касается имения «Кореиз» (116 единиц хранения).

Феликс Юсупов так описывал Кореиз в «Мемуарах»: «Кореизская усадьба, серокаменная, грубая, вписалась бы скорей в городской пейзаж, нежели в приморский. Тем не менее была она гостеприимна, удобна. В парке стояли домики для гостей. Вокруг дома – розы, и воздух благоухает. Сады и виноградники спускаются уступами-террасами до самой воды...» [3, с. 88].

Документы об имении «Кореиз» отложились в фонде Юсуповых с 1886 г. Это самые разные виды документов, в том числе бухгалтерские книги с подведением баланса имения, приходо-расходные ведомости, отчеты по имению (годовые, месячные, кассовые и др.), сметы, договоры с подрядчиками и различными фирмами, счета, письма, прошения, телеграммы, конверты, почтовые открытки, визитные карточки. Большая часть документов печатные, заполненные от руки. Документы высылались в Кореиз из Главного управления имениями и делами князя и княгини Юсуповых. Письма из усадьбы отправлялись на специальных бланках с шапкой имения Кореиз. На докладах управляющих – резолюции главного управителя Юсуповых, сделанные простым, синим и красным карандашами. Иногда встречаются пометы самого князя Юсупова, сделанные, как правило, чернилами. Со временем делопроизводство все более модернизировалось: рукописные письма-доклады заменили машинописные, с 1913 г. к ним приложены машинописные же отпуски ответов Главного управления на папиросной бумаге. Интерес представляют также счета на бланках различных предприятий, контор и обществ России начала XX в. Среди отчетов архитектора Краснова находятся и графические материалы – планы и схемы различных построек, в том числе в цвете, в основном хозяйственных и подсобных, схема канализации и водостоков и др. К планам приложены многочисленные счета по работам для построек в Кореизе и Коккозе, в том числе счета по устройству электроосвещения, бетонным и асфальтным, столярным и мраморным работам [Ф. 1290. Юсуповы. Оп. 5. Д. 4240. Л. 1–263].

Первый документ 1886 г. – печатная заполненная от руки ведомость о приходе и расходе денежных сумм с января по декабрь. В перечне расходов значатся: покупка виноградных лоз, корма для птиц, инструментов для виноградника, выплаты садовнику, рабочим на винограднике, за уборку «большого дома», «исправление маленького домика», покупка вороной лошади, вина из подвала Мисхор. В это время в имении уже были «ватерклозеты». В октябре началась отправка винограда, что принесло небольшой доход, однако расходы на несколько рублей превышают доходы [Там же. Д. 4181. Л. 1–19]. Суммы на содержание имения были еще весьма скромными – за весь год чуть более 5 тысяч рублей.

Виноделие сразу же становится основным занятием и источником доходов имения «Кореиз», о чем свидетельствует подавляющее большинство документов, например ведомости о наличии вина в Кореизском подвале. В декабре 1890 г. в ведомости отмечается рост производства вин красного столового в 2 раза и белого столового, а также муската. Кроме того, вино производится из купленного винограда, закупаются и вина известных марок: шампанское, малага, венгерское, херес, французское № 1 и № 2 [Там же. Д. 4186. Л. 1–4]. Сметы на содержание

Кореизского имения показывают не только увеличение расходов, но и рост доходов, в том числе с виноградников. Расходы, однако, превышали доходы: они шли на содержание служащих дворца, смотрителей и сторожа, отопление, освещение, покупку книг, бумаги, перьев, почтовые расходы, содержание лошади, корм б коз, б лебедей, 3 фазанов, 5 уток, коров, ремонт мебели, чистку дымовых труб, лекарства, машину для давки винограда, бутылки и другие инструменты для подвала и проч. [Там же. Д. 4189. Л. 1–9]. Кроме того, необходимо было содержать верхний Кореиз, купленную дачу и сад. Деньги в саду тратились на освещение оранжереи, покупку сосновой, дерновой и листовой земли, навоза, цветочных семян, черенков, растений, в том числе луковичных, которые высаживались в ожидании приезда княгини З.Н. Юсуповой рано весной. Князь внимательно просматривал сметы, о чем свидетельствуют его замечания и пометы на полях.

В 1890-е годы Юсуповы вносили средства и на содержание Кореизской больницы, наряду с другими землевладельцами, в том числе лицами императорской фамилии. Как показывают отчеты больницы, число больных, как амбулаторных, так и стационарных, год от года росло, основными пациентами были сезонные рабочие, условия жизни которых способствовали распространению болезней, татары же избегали ложиться в больницу, предпочитая лечение дома [Там же. Д. 4190. Л.1–12].

В начале XX в. в справках о бюджете Кореизского имения содержатся сведения о расходах на постройки в купленных участках в Балаклаве: ломку камня, строительство бетонной площадки и др. [Там же. Д. 4191. Л. 1–2]. 18 декабря 1904 г. граф Сумароков-Эльстон лично письменно распорядился о начале работ по строительству дома и набережной в Балаклаве: «К этим работам следует немедленно приступить и внести их в смету 1905 года» [Там же. Д. 4197. Л. 63]. В ответ Л. Шмидт докладывал, что «на Балаклавском участке работы начались и будут закончены совершенно в августе» [Там же. Л. 81].

В архиве Главного управления по делам и имениям Юсуповых хранилось более десятка папок с делами по переписке Кореизского имения, относящихся к началу XX в. В основном они содержат письма и доклады управляющих имением: сначала Л. Шмидта, а затем после его смерти в 1908 г. А. Попова. И. Кноблоха, П. Чекотовского, А. Муссо. В них можно найти самую разнообразную информацию о жизни в имении, хотя основное внимание уделялось, конечно, денежным делам. В первую очередь это уведомления о препровождении различных документов, главным образом кассовых ведомостей, счетов, ведомостей о приходе и расходе. Письма писались на печатных бланках с названием и адресом имения. Переводы осуществлялись в основном через Азовско-Донской и Волжско-Камский банки. Для покрытия расходов вследствие «повсеместного застоя в делах» в феврале 1906 г. князь разрешил сдавать в аренду дачи Морозова и Тизенгаузена [Там же. Л. 110]. Несмотря на уменьшение расходов, в январе 1906 г. приглашен был «мраморный мастер» [Там же. Л. 155]. В 1909 г. распоряжением князя вновь ограничиваются расходы по имению, решено также повысить цены на вино, сокращены разъезды служащих [Там же. Д. 4210. Л. 98]. Определенный доход приносила сдача в аренду таких объектов, как дача в Балаклаве и здание конторы в Кореизе, которую снимала

почтово-телеграфная контора [Там же. Д. 4208. Л. 2–3]. В 1913 г. в деревне Кореиз на средства Юсуповых строилось здание караван-сарая, сохранился его чертеж [Там же. Д. 4248. Л. 54]. В январе 1914 г. по инициативе и при материальной поддержке князя Ф. Ф. Юсупова учреждено общество потребителей «Караван-сарай», документы которого также отложились в фонде. Общество имело целью облегчение условий торговли пайщиков (110 чел.), улучшение качество и снижение цены товаров [Там же. Д. 4257. Л. 1–7].

Серьезные трудности в управлении имением начались после объявления мобилизации в июле 1914 г. Число работников резко уменьшилось, работы остановились, цены поднялись, платежи стали приходить нерегулярно, лошади конфискованы, «нигде почти не осталось свободных рабочих рук». Угрожала конфискация и автомобилям. Однако ремонт продолжался: ремонтировали подпорную стенку и церковь, строился дом управляющего. В октябре 1914 г. управляющий П. Чекотовский сообщал о прекращении грузоперевозок морем после бомбардировки Севастополя и Феодосии германо-турецким флотом, на море были установлены мины [Там же. Д. 4256. Л. 221]. Управляющий также постоянно жаловался на нехватку угля для электростанции [Там же. Д. 4266. Л. 84].

Большое внимание в переписке уделялось виноделию, указывалось наличие и количество вина различных марок (рислинг, каберне, саперави, лафит и др.), прејскуранты. При имении был винный магазин. Вино из Кореиза поставлялось в разные города империи, например в Харьков, в счете на имя И. И. Беляева указывалось, что ему поставлено в том числе белое и красное вино «Ай-Петри» [Там же. Д. 4197. Л. 57–57 об.]. В начале 1905 г. был заключен договор с Российским транспортным и страховым обществом, получившим исключительное право приема заказов на вина Кореизского имения во всех городах кроме, Петербурга, Москвы, Харькова, Симферополя, Одессы и Ялты [Там же. Л. 77-78]. Сначала виноделом был А.А. Муссо, в октябре 1906 г. его было решено заменить и приглашен винодел И.В. Кноблех, ставший впоследствии управляющим [Там же. Л. 138]. На Парижской и Московской выставках вина имения «Кореиз» получили свидетельства, отмечавшие хорошее качество вин [Там же. Д. 4224. Л. 89]. В 1912 г. для имения Кореиз приобретена подвальная лаборатория, сохранилось ее подробное описание [Там же. Д. 4239. Л. 78]. В 1913 г. велись переговоры о продаже вин с Н.Воробьевым, управляющим Одесского отделения Торгово-промышленной биржевой артели [Там же. Д. 4248. Л. 29–30, 80, 105–108 и др.], однако соглашение так и не было достигнуто. Во время Первой мировой войны резко увеличился спрос на отправку вина и фруктов в Петроград для винного магазина и лично князя. Вино отправлялось не в бутылках, а в бочках, провоз его происходил с большими трудностями, качество терялось. Однако вина в Петроград требовалось все больше [Там же. Д. 4256. Л. 31 об., 147, 166, 221 и др.]. 8 октября 1915 г., например, в контору имения «Кореиз» поступила следующая телеграмма: «Было бы желательно получить из Кореиза вновь партию вина, если к тому представится возможность, и конечно, не менее вагона» [Там же. Д. 4266. Л. 189].

Переписка содержит интересные факты из жизни имения, в том числе, например, телеграмму с запросом «как ответить на просьбу графа Льва Толстого

одолжить ему по случаю его выезда коляску на резиновых шинах для проезда из Гаспры в Ялту» [Там же. Д. 4197. Л. 20].

Феликс Сумароков Эльстон не раз лично вмешивался в ход различных работ в имении, например, в 1903 г. исполнили его запрос о посадке груш вместо персиков [Там же. Л. 39]. Деревья для сада выписывались из-за границы, так, например, 15 декабря 1903 г. Л. Шмидт докладывал, что «плодовые деревья прибыли из-за границы благополучно. Две стеклянные фигуры – лошадь и медведь доставлены весовщиком Азаровым. Погода стоит теплая, но пасмурная» [Там же. Л. 50]. Ф. Ф. Сумароков-Эльстон, по воспоминаниям сына, увлекался садовой скульптурой: «купил огромное количество статуй и устроил ми весь парк. Нимфы, наяды, богини стояли у каждого кустика, как в Гомеровы времена... Вдоль берега стояли бронзовые фигуры – персонажи крымских легенд, а на пристани статуя Минервы напоминала нью-йоркскую Свободу с факелом в руке. На скале сидела наяда. Если бурей ее сносило, немедленно ставили новую» [З, с. 88–89.] Это увлечение старшего князя нашло отражение и в документах. Все подробности происшедшего в имении сразу же становились известны князю. Ему сразу же сообщили о сильном шторме в ночь с 2-го на 3-е января 1905 г. с небывалого размера волнами, которые произвели большие разрушения на набережной имения [ф. 1290. Юсуповы. Оп. 5. Д. 4197. Л. 64]. В 1912 г. управляющий писал о сильном ливне по всему Крыму и понесенных в связи с этим убытках [Там же. Д. 4239. Л. 57, 66–67]. Управляющий полагал, что после двух очень сильных дождей «этот год не будет удачным для сладких и крепких вин». В 1909 г. из Франции выписаны травяные семена [Там же. Д. 4210. Л. 106], большое внимание стало уделяться устройству газонов. В 1909 г. по инициативе княгини З.Н. Юсуповой на покупку растений и семян выделена дополнительная смета, касавшаяся прежде всего приобретения штамбовых и элитных сортов роз [Там же. Д. 4210. Л. 211].

Увлечение князя скульптурой не прекратилось и с началом войны. В марте 1915 г. из Севастополя в Кореиз была доставлена бронзовая фигура русалки [Там же. Д. 4256. Л. 342; Д. 4266. Л. 24].

Лишь краем задела имение революционные события, все оппозиционные настроения сразу же жестко пресекались. Так, в январе 1904 г. по доносу рабочего стало известно о «непристойных высказываниях» другого поденного рабочего «по адресу Его Величества» [Там же. Д. 4197. Л. 52]. Было проведено расследование и, несмотря на то, что рабочий раскаивался в своих «необдуманных» словах, он был уволен.

Отдельную строчку в смете имения Кореиз составляли расходы на выплату служащим и благотворительность. Юсуповы принимали участие в содержании Ялтинского санатория для легочных больных и Алушкинского детского санатория, также Массандровского санатория. [Там же. Л. 75, 106]. Само здание Ялтинского санатория было построено на средство княгини Т. А. Юсуповой и графини Е. С. Сумароковой-Эльстон, постройка закончена в 1907 г. З. Н. Юсупова оплачивала воспитание дочери смотрителя М. Григорьева Анны [Там же. Л. 83, 207]. В мае 1906 г. Григорьев просил добавить на воспитание дочери 5 рублей, «так как все сделалось дорого», но княгиня отказала в этой просьбе [Там же. Л. 119].

З. Н. Юсупова выплачивала также стипендии обучающимся в Ялтинской женской гимназии трем местным девушкам – Александре Николаевой, Лидии Тези и Евдокии Дундер, всего 170 р. Летом 1907 г. А. Николаева решила поступить на медицинские курсы и просила о денежной помощи (50 р.), но получила отказ, так как «имеет собственный дом и доход» [Там же. Л. 177–178]. Ежегодно на содержание больницы жертвовалось 500 рублей, на содержание церкви – 250 рублей [Там же. Л. 141, 146]. Но расходы по благотворительности и, как видим, строго ограничивались. Средства князя были привлечены и для устройства минарета в корейской мечети [Там же. Д. 4210. Л. 99 об.]. В переписке с управляющим хранится список лиц, получающих пособие из конторы имения Кореиз (всего 8 человек), среди них священник, псаломщик, татары, получающие пенсии, и ученики гимназии [Там же. Л. 183]. После смерти старшего сына Юсуповых Николая Зинаидой Николаевной была учреждена стипендия его имени, которая выплачивалась в том числе Ялтинскому Красному Кресту, Никитскому саду, санаторию имени Александра III и ученице гимназии [Там же. Д. 4248. Л. 11]. После гибели старшего сына княгиня Юсупова учредила стипендию его имени, которую получали для своих сотрудников различные организации, кроме того, стипендия выплачивалась шести ученикам Никитского ботанического сада. Во 1915 г. в имении был организован лазарет для раненых.

В переписке по имению можно почерпнуть сведения и о различных технических усовершенствованиях в имении Кореиз. В мае 1907 г. из Москвы в Кореиз была перевезена электростанция, находившаяся в «полной исправности» [Там же. Д. 4197. Л. 166]. В июне того же года конторой Барии из Москвы привезены паровые котлы и водяные трубы «системы Шухова» [Там же. Л. 173]. В апреле 1909 г. в имение Кореиз доставлены трубы для парового котла «системы Шухова» [Там же. Д. 4210. Л. 135]. В 1909 г. в имении появился автомобиль [Там же. Л. 187], в дальнейшем число автомобилей увеличилось, для них был построен гараж. В 1909 г. к этому добавилась моторная лодка со специальным шофером [Там же. Д. 4224. Л. 52]. Обслуживание автомобилей первоначально производила французская фирма Жирар [Там же. Л. 151], однако впоследствии этим занимался российский филиал знаменитой фирмы Пежо. Бензин для автомобилей Юсуповых во время их пребывания в Крыму приобретали в Севастополе в фирме Бр.Нобель [Там же. Д. 4239. Л. 20–21]. Сооружение массивов пристани в 1910 г. потребовало привлечения железного плавучего крана «Илья Муромец» и парохода «Кафа» [Там же. Д. 4224. Л. 5]. В 1912 г. воздушную электросеть решено было заменить подземным кабелем, для чего составлена специальная смета под руководством заведующего электрической станцией в Ливадийском дворце инженера Н. Лечевича [Там же. Д. 4208. Л. 21–25]. В 1911 г. началось сооружение ледоделательной (холодильной) станции под руководством инженера Э. Ф. Петржаковского [Там же. Д. 4224. Л. 190; Д. 4252. Л. 7]. В августе 1911 г. составлен план устройства центрального водяного отопления [Там же. Д. 4224. Л. 206]. В конце 1912 г. при электростанции началась постройка помещения для привезенных аккумуляторов [Там же. Д. 4239. Л. 107]. В январе 1913 г. велась переписка относительно устройства новой канализации от дворца к морю вместо уже переполненной

сборной ямы для нечистот, однако князь признал целесообразным ее отложить и рыть новую яму [Там же. Д. 4248. Л. 8–10]. Во время войны от некоторых приобретений решено было избавиться: были проданы автомобиль «Рено-Торпедо», грузовик фирмы «Гаггенау», моторная лодка [Там же. Д. 4256. Л. 344, 346; Д. 4266. Л. 47, 52–53]. В мае 1915 г. «ввиду назначения князя в Москву» Главное управление потребовало отправить туда же «большой автомобиль» и найти опытного шофера француза [Там же. Д. 4266. Л. 66].

В конце 1907 г., когда финансовые дела и политическое положение несколько стабилизировались, Юсуповы решили заняться перестройкой дома в Кореизе, для чего был приглашен известный архитектор Н.П. Краснов. Краснов тут же стал забрасывать Главное управление именными телеграммами с просьбой о присылке денег. Эти телеграммы составляют довольно значительную часть дел по переписке с имением [Там же. Д. 4210. Л. 18, 46, 53, 60, 67, 68, 76 и др.]. Все телеграммы подписаны управляющим имениями Юсуповых Л. Бернардом со сведениями о высылке денег. Начали с выравнивания пола в зале, архитектор сообщал, что «здание очень старое» [Там же. Л. 42]. Одновременно шло строительство «упорной стенки» вдоль главного въезда. В 1909 г. основные работы в Кореизе были завершены, и Краснов приступил и к постройке дома в имении Коккоз. В это же время в деревне Кореиз был приобретен дом мещанина Л. Ильясова [Там же. Д. 4210. Л. 124]. К 1910 г. общие расходы на постройку дворца в Кореизе достигли 195378 рублей, сюда входили также отделочные столярные, паркетные и кузнечные работы [Там же. Д. 4231. Л. 1–5]. В июле 1912 г. управляющий жаловался, что архитектор Краснов «не стеснясь, пользуется нашим автомобилем со своей семьей для поездок далее (Коккоза – Т. Л.) в Симферополь и Бахчисарай» [Там же. Д. 4239. Л. 54 об.]. Нарекания управляющего Чекатовского вызывало также то, что Краснов «очень медленно ведет работы во дворце, а нам нужно его привести в порядок и приготовить к приезду их сиятельств» [Там же. Л. 67]. Постройки и усовершенствования в имении Кореиз не прекращались. В июле 1913 г. Чекатовский писал Гавеману: «В последнее пребывание их сиятельств в Кореизе княгиня Зинаида Николаевна отдала мне приказание к их осеннему приезду выполнить следующие работы: построить казарму для садовых рабочих и служащих при конюшне, переделать в квартире смотрителя две комнаты для шофера Казо, построить клозет и поставить плиту, сделать две новые печи в комнате для прислуги...» [Там же. Д. 4248. Л. 119]. В ноябре того же года архитектор Краснов телеграфировал: «Князь и княгиня Юсуповы поручили мне немедленно начать новую постройку в Кореизе» и как всегда просил выслать ему денег – остаток суммы старого долга [Там же. Л. 206]. В 1914–1915 гг. Краснов продолжал руководить ремонтными работами в Кореизе.

В начале 1908 г. Л. А. Шмидт заболел и в марте 1908 г. скончался в Одессе после операции. В управление имением вступил конторщик А.П. Попов. В делах находятся копии доверенностей как Шмидту, так и Попову и следующим управляющим на управление имением «Кореиз» и участком в Балаклаве. Проступок Попова послужил причиной его увольнения, следующим управляющим в конце 1910 г. стал И. В. Кноблех, однако и он вскоре был признан некомпетентным. В

августе 1911 г. его заменил Петр Игнатьевич Чекотовский, который продолжил вести интенсивную переписку с Главным управлением имениям в Петербурге (его к тому времени возглавлял Людвиг Романович Гавеман). Однако с началом войны деятельность Чекотовского перестала удовлетворять князя, особенно недовольство это усилилось после приезда в Кореиз молодого князя Ф.Ф. Юсупова. В конце лета 1915 г. секретарь князя Н. А. Воронцов произвел ревизию имения, Чекотовский был обвинен в растрате (более 9 тыс. рублей), ненадлежащем ведении документации, злоупотреблении служебным положением и уволен. На его место назначен старый служащий А. А. Муссо, однако и он не справился с управлением, при нем документация почти уже не велась, впоследствии Муссо был признан психически больным и умер в январе 1917 г. Его заменил Ильяшев, но хозяйство в имении приходило все в больший упадок. Переписка управляющих имением «Кореиз» ярко демонстрирует интриги и доноительство среди служащих высшего ранга в имении, вызванные близостью к большим деньгам Юсуповых, которые часто удавалось расходовать бесконтрольно.

Семья Юсуповых обычно посещала крымские имения ранней весной после Пасхи и осенью. 22 октября 1912 г. Чекатовский писал Гавеману, что «ея сиятельство высказала свое удовольствие по поводу найденного здесь порядка» [Там же. Д. 4239. Л. 94–95]. Бывали здесь известные личности. В 1908 г. Кореиз собралась посетить великая княгиня Елизавета Федоровна, которая была очень дружна с Юсуповыми, являясь также их соседкой по имению в Архангельском. В августе 1913 г. в Кореизе останавливался товарищ министра внутренних дел и начальник Отдельного корпуса жандармов В.Ф. Джунковский, близкий по своим взглядам к Юсуповым [Там же. Д. 4248. Л. 130].

В 1913 г. Юсуповы принимали участие в Ялтинской сельскохозяйственной выставке. Организаторы выставки запрашивали оленей и коз, на что князь Юсупов отвечал, что оленей «поймать в горах слишком затруднительно» и предложил пару антилоп. Той же осенью козы были выписаны из Дамаска и на пароходе «Царь» прибыли в Одессу [Там же. Л. 146–147].

Немало документов фонда (58 единиц хранения) касаются управления имением «Коккоз», приобретенным в 1898 г. Это имение больше нравилось молодому князю Юсупову: «...Наше кокозское имение – „кокоз“ по-татарски „голубой глаз“ – располагалось в долине близ татарской деревушки с белеными домами с плоскими крышами-террасами. Красивейшие были места, особенно весной, когда цвели вишни и яблони. Прежняя усадьба пришла в упадок, и матушка на месте ее выстроила новый домик в татарском вкусе... воздвигла дворец наподобие бахчисарайского. Получилось великолеpie. Дом был бел, на крыше черепица с зеленой глазурью. Патина старина подсинила черепичную зелень. Вокруг дома фруктовый сад. Бурливая речка прямо под окнами. С балкона можно ловить форель. В доме яркая красно-сине-зеленая мебель в старинном татарском духе. Восточные ковры на диванах и стенах. Свет в большую столовую проникал сквозь витражи в потолке. Вечерами в них искрились звезды, волшебю сливаясь с мерцанием свеч на столею. В стене устроен был фонтан. Вода в нем перетекала каплями во множестве маленьких чаш: из одной в другую. Устройство в точности повторяло фонтан в

ханском дворце... Голубой глаз был всюду...» [3, с. 95–96]. Усадьба находилась в пяти верстах от Кореиза.

Большинство документов по имению «Коккоз» идентичны хозяйственным документам Кореизского имения. Это переписка с управляющими, их письма, телеграммы в Главное управление имениями, отчеты, счета, сметы, кассовые выписки, счета и сметы подрядчиков. Доверенности управляющим и проч. В документах по Коккозу появляется, кроме того, такой вид источников, как инвентарные описи имущества, животных, поземельной собственности и лесных дач, чего не было в Кореизе. Отсутствовали в кореизских документах и описания имения. Уникальными являются и планы построек, а также схематические обмеры по имению «Коккоз». Сохранились планы и схемы коккозского дома: подвального этажа, 1 и 2 этажей, мезонина и башни, бани, прачечной и флигелей дома в Коккозе, схемы канализации и водостоков, дымоходов и вентиляции [Ф. 1290. Оп. 5. Д. 4240. Л. 12–12 об., 34–36, 77–79, 134–143, 152–159], а также план дачи деревни Коккоз владения С. О. Гинцбурга 1891 г. [Там же. Д. 4302. Л. 3]. Кроме того, в фонде находятся счета по устройству электроосвещения, каменным, бетонным, асфальтовым, канализационным, малярным и штукатурным, черепичным, печным, кровельным и майоликовым работам, устройству фонтана и проч. [Там же. Д. 4240. Л. 39, 41, 47, 99, 101–108 об., 121–138, 251–252, 255 и др.].

Документы позволяют осветить основные моменты приобретения имения «Коккоз», управления и хозяйственной деятельности там. Имение было приобретено по купчей 4 августа 1908 г. у наследников барона Соломона Осиповича Гинцбурга, однако переговоры об этом длились в течение года. Имение уже было заложено, часть земель находилась в споре с татарским обществом. Инспектор П. Верещагин после осмотра имения не советовал князю покупать его, так как «местность по величию природы прекрасна, но мало в ней существенного для извлечения дохода», усадьба «для жизни ваших сиятельств не годится», само же имение годится только для продажи. Имение состояло из 7 участков лесной дачи, участка степи и лесных полей и 4 десятин усадьбы в деревне Коккоз. Верещагин отмечал, что лес редкий, не строевой, много скалистых мест, оврагов и рытвин, земля непригодна для фермерского хозяйства, усадьба требует большого капитального ремонта [Там же. Д.4299. Л. 6–10].

Однако князь Юсупов все же решился на эту покупку и нанял для управления усадьбой дворянина Н. Д. Грекова. По письмам и отчетам Грекова можно судить об огромных работах, развернувшихся в усадьбе начиная с 1908 г., что требовало больших расходов. Князь и княгиня Юсуповы довольно часто бывали в Коккозе и лично давали указания о начале тех или иных работ. Начали с устройства дороги в имении и прокладке шоссе по улице деревни к усадьбе, подготовки земли к осенней посадке фруктовых деревьев. 20 ноября 1908 г. Греков писал управляющему Гавеману: «Вчера князь с княгиней были в Коккозе с архитектором (Красновым – Т. Л.) и выбрали место для постройки нового дома в экономии» [Там же. Д. 4298. Л. 6–7]. При доме предполагалось построить «автомобильный сарай», каретный сарай, флигель для служащих, помещение для прислуги, в саду – казарму для рабочих и помещение сторожа. Юсуповы оплачивали также возведение двух

минаретов при мечетях. Были построены также мост, новая лесная сторожка и загородка для оленей. Греков предполагал, что определенный доход принесут также рубка леса на дрова и поставка дров в Ливадийское имение, изготовление брусков из бука для фабрики гнутой мебели, продажа урожая фруктов. Однако все это не покрывало расходов на постройки и другие работы, и вновь, как в случае с Кореизом, в Петербург полетели многочисленные телеграммы от управляющего и архитектора о переводе денег. Ассигнования требовались не менее двух раз в месяц, всего сумма составляла более 100 тысяч. 12 мая 1909 г. князь и княгиня вновь были в Коккозе, и состоялась закладка нового здания. Работы шли быстро, но Краснов требовал «громادного количества» материалов. 5 августа Греков докладывал, что «все постройки в Коккозском имении, а также мечеть покрываются крышами; в главном же доме возводится только второй этаж» [Там же. Л. 65]. После наводнения 13 ноября 1909 г. понадобилось также укрепление поврежденной каменной стены-ограды, а среди рабочих началась эпидемия холеры. Вследствие чего они были изолированы, а работы приостановлены. В 1910 г. князь Юсупов решил устроить в имении «Коккоз» конный завод, а также развивать скотоводство и охоту. В имение периодически стали доставлять арабских жеребцов, кобылиц, диких коз, оленей, косуль, баранов, овец, волов и других животных. Князь за всем старался наблюдать лично, вплоть до самых мелких. Так, например, 2 июня Греков писал управляющему: «Его сиятельство князь... во время пребывания своего в Коккозе высказывал желание о промежуточном насаждении карликовых пород яблонь в Нижнем саду» [Там же. Л. 117], – что и было исполнено. Причем сам Греков полагал, что «садовое дело в этих местах есть единственный источник будущих хороших доходов». Разрабатывался план орошения посадок, для чего предполагалось устроить бассейн и проложить трубы [Там же. Л. 193]. Одновременно шел и посев трав: клева белого и красного, люцерны и др. Имение часто страдало от морозов и наводнений, отчего погибали животные, страдало оборудование. Князь Юсупов не оставлял надежды получить доход от имения «Коккоз». В 1913 г. была начата постройка нового дома вместо старого двухэтажного по проекту того же архитектора Краснова, а из имения Архангельского был выписан бычок и телки для предполагаемой молочной фермы [Там же. Д. 4326. Л. 16, 65].

Летом 1917 г. по требованию татарского общества князь Юсупов согласился уступить часть земли (452 десятины) Ялтинской уездной управе, тогда же под давлением татар был уволен управляющий Греков, на его место назначен М. Григорьев [Там же. Д. 4352. Л. 1–11]. Однако вплоть до начала 1918 г. из Коккоза в Главное управление поступали известия о том, что все работы ведутся по плану, «в имении состоит все благополучно, тишина и спокойствие» [Там же. Д. 4351. Л. 2–3, 6].

В фонде Юсуповых отложились также 4 документа, относящиеся к приобретенным в 1898–1899 гг. земельным участкам на западном берегу Балаклавской бухты. Это купчие крепости, налоговая документация, договор о работах по ломке камня, подготовке участка для строительства дома и смета на постройку дома и проект дома 1904 г., подготовленный архитектором

Н. Померанцевым [Там же. Д. 4357–4360]. Сохранился план участков в Балаклаве, рисунок трехэтажного дома в стиле модерн и план дома [Там же. Д. 4360. Л. 8–10].

Документы о крымских имениях, хранящиеся в фонде Юсуповых, являются ценным источником по истории крупного дворянского землевладения в России конца XIX – начала XX в., ведения хозяйства и управления имениями. Кроме того, эти документы дают представление об истории отдельных населенных пунктов Крыма, особенностях их развития и хозяйственного управления, географического положения. Вместе с тем документы освещают как историю рода и семьи Юсуповых, так и судьбы отдельных личностей, связанных с землевладельцами. Введение в научный оборот данных документов способствовало бы их использованию при написании трудов по истории модернизации России в начале XX в., финансов, благотворительности, техники, садоводства, скотоводства и других отраслей хозяйства.

Список использованных источников и литературы

1. Минарик Л. П. Обзор материалов по истории помещичьего хозяйства в эпоху империализма: О фонде Юсуповых в Центральном государственном архиве древних актов // Проблемы источниковедения. М., 1962. Т. 10. С. 71–84.

Minarik L. P. Obzor materialov po istorii pomeshchich'ego khozyaistva v epokhu imperializma: O fonde Yusupovykh v Tsentral'nom gosudarstvennom arkhive drevnikh aktov // Problemy istochnikovedeniya. M., 1962. T. 10. S. 71–84.

2. Минарик Л. П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX – начала XX в. М., 1971. 144 с.

Minarik L. P. Ekonomicheskaya kharakteristika krupneishikh zemel'nykh sobstvennikov Rossii kontsa XIX – nachala XX v. M., 1971. 144 s.

3. Юсупов Ф. Мемуары: В 2-х кн. М., 2000. 430 с.

Yusupov F. Mемуary: V 2-kh kn. M., 2000. 430 s.

4. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф.1290. Юсуповы. Оп. 5. Д. 4186. 9 л.

RGADA (Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov). F.1290. Yusupovy. Op. 5. D. 4186. 9 l.

5. РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 4189. 9 л.

RGADA. F. 1290. Op. 5. 4189. 9 l.

6. РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 4190. 12 л.

RGADA. F. 1290. Op. 5. D. 4190. 12 l.

7. РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 4191. 2 л.

RGADA. F. 1290. Op. 5. D. 4191. 2l.

8. РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 4197. 192 л.

RGADA. F. 1290. Op. 5. D. 4197. 192 l.

9. РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 4208. 25 л.

RGADA. F. 1290. Op. 5. D. 4208. 25 l.

10. РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 4210. 229 л.

RGADA. F. 1290. Op. 5. D. 4210. 229 l.

11. РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 4224. 227 л.

RGADA. F. 1290. Op. 5. D. 4224. 227 l.

12. РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 4239. 114 л.

RGADA. F. 1290. Op. 5. D. 4239. 114 l.

13. РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 4240. 263 л.

RGADA. F. 1290. Op. 5. 4240. 263 l.

14. РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 4248. 235 л.

RGADA. F. 1290. Op. 5. D. 4248. 235 l.

15. РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 4252. 30 л.

RGADA. F. 1290. Op. 5. D. 4252. 30 l.

16. РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 4256. 369 л.
RGADA. F. 1290. Op. 5. D. 4256. 369 l.
17. РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 4266. 296 л.
RGADA. F. 1290. Op. 5. D. 4266. 296 l.
18. РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5.. Д. 4267. 83 л.
RGADA. F. 1290. Op. 5.. D. 4267. 83 l.
19. РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. 4298. 254 л.
RGADA. F. 1290. Op. 5. 4298. 254 l.
20. РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5.. Д. 4299. 15 л.
RGADA. F. 1290. Op. 5.. D. 4299. 15 l.
21. РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 4302. 13 л.
RGADA. F. 1290. Op. 5. D. 4302. 13 l.
22. РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5.. Д. 4326. 93 л.
RGADA. F. 1290. Op. 5.. D. 4326. 93 l.
23. РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5.. Д. 4351. 14 л.
RGADA. F. 1290. Op. 5.. D. 4351. 14 l.
24. РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5.. 4352. 11 л.
RGADA. F. 1290. Op. 5.. 4352. 11 l.
25. РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5.Д. 4360. 12 л.
RGADA. F. 1290. Op. 5.D. 4360. 12 l.

Lapteva T.A. The documents on the history of Crimea in the second half of XIX – early XX century in the Yusupov’s fund in the Russian State Archives of old documents.

The article is devoted to overview and analysis of the documents of Yusupov’s fund in the Russian State Archives of old documents, concerning the purchases and management of the estates situated in the Crimea, namely Koreiz and Kokkoz. The documents illuminate the history of the resorts and settlements of Crimea, the development of land ownership on the Peninsula, as well as the history of finance, construction, postal and telegraphic communication, the development of technology, gardening, winemaking, agriculture, cattle breeding and so on. The materials of the fund are an important source for the history of the modernization of the Crimea in the early XX century.

Keywords: Yusupov, Crimea, Koreiz, Kokkoz, Balaklava, winemaking, gardening, construction, correspondence, banks, money transfers, administering estates

«НАДО СПЕШИТЬ С ЭТИМ, ИНАЧЕ МНОГОЕ МОЖЕТ ПОГИБНУТЬ...»:

ИЗ ИСТОРИИ ПОДГОТОВКИ

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

1929 ГОДА ПО ПЕРЕПИСКЕ Ф. А. БРАУНА И С. Ф. ПЛАТОНОВА

Непомнящий А. А.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: dr.aan@mail.ru*

На основе анализа переписки эмигрировавшего в Германию бывшего профессора Санкт-Петербургского университета Ф. А. Брауна и академика С. Ф. Платонова восстановлены неизвестные страницы изучения крымских средневековых памятников, в частности – Эски-Кермена, и организация в этой связи Академией наук СССР совместно с Обществом взаимопомощи немецкой науки совместной советско-германской археологической экспедиции в 1929 году. Раскрыты сложности межличностных взаимоотношений крымоведов в связи с правом изучения Эски-Кермена, особенности организации исследований средневековых крымских объектов культурного наследия.

Ключевые слова: С. Ф. Платонов, Ф. А. Браун, Н. И. Репников, Эски-Кермен, крымоведение.

Во второй половине 20-х годов XX века наблюдался всплеск активности советско-германских отношений. Это выразилось в обмене специалистами и организации контактов в различных отраслях науки. В июле 1928 года в Германии прошла неделя советских историков, где СССР представлял академик С. Ф. Платонов, а в сентябре того же года в Советский Союз с ответным визитом прибыл президент Объединения для содействия немецкой науке Ф. Шмидт-Отт и секретарь Общества по изучению Восточной Европы Г. Йонас, которые посетили различные советские научные учреждения [1].

Узнав от своего коллеги – археолога Александра Андреевича Спицына (1858–1931) – об открытиях Н. И. Репникова в 1928 году на Эски-Кермене крупного поселения с остатками крепостной стены, С. Ф. Платонов поделился этой информацией со своим давним другом Федором Александровичем Брауном, который эмигрировал в Германию. Ф. А. Браун, в свою очередь, проинформировал об успехах советских археологов немецких коллег. Они выступили инициаторами организации совместной советско-германской экспедиции в Крым для решения так называемой «готской проблемы». С. Ф. Платонов поддержал эту идею и 11 апреля 1929 года обратился с письмом к заведующему отделом научных учреждений Совета народных комиссаров СССР Е. В. Воронову [2]. Получив согласие чиновника, С. Ф. Платонов 24 апреля 1929 года провел через Общее собрание АН СССР решение о необходимости организации археологических исследований в Крыму совместно с германскими учеными [3].

До настоящего времени участие в изучении так называемого «готского вопроса», как и общий вклад в развитие крымоведения, русского, немецкого ученого Ф. А. Брауна оставалось малоизученным. А между тем, именно он в 20-е годы XX века стал главным консультантом курировавшего этот вопрос от Академии

наук СССР С. Ф. Платонова. Ф. А. Браун вошел в историографию проблемы как крупнейший специалист по истории готлов в России [4]. Не случайно в мемуарах о наиболее значимых ученых-крымоведах, помещенных в сборнике, посвященном 50-летию служения крымоведению А. И. Маркевича и 70-летию со дня его рождения, С. Ф. Платонов вспоминал и Ф. А. Брауна, который «здравствует в Лейпциге, занимая в тамошнем университете для него созданную кафедру истории Восточной Европы». С. Ф. Платонов отметил, что личный интерес к Ф. А. Брауну основывался на том, что тот был «интересным и научно-влиятельным собеседником по темам, касающимся изучения Крыма» [5].

Филолог-романист, историк, специалист в области сравнительного языкознания – Федор (Фридрих) Александрович Браун (Braun, 1862–1942) – родился в Санкт-Петербурге в семье немецкого медика. После окончания Первой петербургской гимназии с золотой медалью (1881 г.) он продолжил образование на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета, где изучал романо-германскую филологию (окончил в 1885 г.). За выпускное сочинение об англосаксонской поэме «Беовульф» он был удостоен золотой медали и оставлен на кафедре для подготовки к профессорскому званию. Более двух лет молодой ученый стажировался в университетах и академических библиотеках Германии, Швейцарии, Франции и Англии. С 1888 года он утвержден приват-доцентом по кафедре романо-германской филологии и лектором немецкого языка столичного университета. В 1900 году Ф. А. Брауном была защищена магистерская диссертация по истории западноевропейской литературы, после чего он занял должность экстраординарного, а с 1907 года – ординарного (с 1913-го – заслуженного ординарного) профессора кафедры истории западноевропейской литературы Санкт-Петербургского (Петроградского) университета [6]. В университете Ф. А. Браун занимал ряд административных должностей – секретаря (в 1900 г.), декана (1908–1910 и 1912–1920) историко-филологического факультета; в 1906–1908 гг. служил проректором университета [7; 8], работал также на Высших женских и педагогических курсах [9]. С 1918 года он являлся и ректором Педагогического института (бывший Санкт-Петербургский историко-филологический институт).

Ф. А. Браун активно разрабатывал проблему этногенеза германцев. Вопрос этот изучался российскими (А. С. Будилович, В. Г. Васильевский, А. Н. Веселовский, А. А. Куник) и, безусловно, немецкими историками конца XIX – первой трети XX века. Особое её значение подчеркивалось геополитическими интересами и национальными этнопсихологическими установками народов Центральной и Восточной Европы, которые проецировались на события эпохи Великого переселения народов. Именно Ф. А. Браун последовательно развивал идеи Ариста Аристовича Куника (1814–1899), который выявил следы готского (а не норманского, как считалось ранее) влияния на язык, быт и социальную организацию славян [10]. По мнению одного из крупнейших современных российских историков науки И. В. Тункиной, Ф. А. Брауну принадлежат наиболее яркие труды по готской истории в отечественной историографии [11].

Ученый принимал активное участие в общественной научной жизни. С 1892 года он – действительный член Русского археологического общества. С 1906-го –

председатель Неофилологического общества при Санкт-Петербургском университете, в 1919-м он стал членом Совета и председателем Комиссии по исторической географии Российской академии истории материальной культуры [12].

Проблема готской истории и средневековой истории Крыма стали объектом пристального внимания ученого с конца XIX века. В связи с тем, что территория расселения готов в Крыму совпадала с местом, где до переселения в Приазовье проживали татароязычные греки, рассматривалась версия о том, считать ли урумов потомками греков. На средства Императорской академии наук Ф. А. Браун предпринял научную командировку в Приазовье и Крым для с целью «отыскать путем археологических разысканий следы пребывания готов в Крыму». В этой связи в программе научной командировки Ф. А. Браун наметил изучение традиционной культуры мариупольских греков, поиск старинных икон, крестов с надписями, старых книг и рукописей, фиксацию народных преданий [13]. В связи с командировкой Ф. А. Брауна председатель Археологической комиссии А. А. Бобринский специально писал 8 мая 1890 года в Таврическую ученую архивную комиссию о предполагаемых раскопках столичного исследователя и просил оказать ему возможное содействие [14]. В «Отчете об археологических разысканиях Брауна в 1890 году» отмечалось, что он «ясных несомненных следов готских не нашел. В приданиях и песнях сохранились воспоминания лишь о тяжелой жизни в Крыму, но в глубь времен народная память не проникла, о готогреческом Мангупском княжестве ничего не знали, из церковной утвари древних вещей нет» [15]. Ученый провел сравнительный анализ антропологического типа местных жителей и особенностей языка, материальной и духовной культуры.

Летом 1890 года Ф. А. Браун после обследования поселений потомков готов на побережье Азовского моря по поручению Императорской археологической комиссии направился в Крым для проведения изысканий на Мангупе, Сьюрени, Бия-сала, Партените «с целью отыскания там следов готских поселений» [16]. Недостаток времени и трудоемкость раскопочных работ позволили ученому провести только исследования развалин «столицы готских конунгов» (Мангуп) и немного пораскапывать могилы в Симферопольском уезде [17]. По мнению исследователя Феодоро находилось на месте Мангупа. Этому свидетельствовала найденная им надпись, относящаяся к крепости Феодоро [18].

Итоги поисков и типологических сравнений, сделанных во время поездки по Приазовью, Ф. А. Браун изложил в статье «Мариупольские греки», напечатанной в издании Отделения этнографии Русского географического общества «Живая старина», которую редактировал В. И. Ламанский. Автор утверждал, что обследованное им население – последние потомки крымских готов [19]. Быт, обычаи, язык они заимствовали у крымских татар. Это выселенные из Крыма в 1778 году греки. Основной идеей статьи было показать, что у этого населения сохранилась живая связь с Крымом. Историк сравнил для этого легенды местного населения разных эпох.

Результатом экспедиции в Крым стала и публикация Ф. А. Брауна на немецком языке исследования «Die letzten Schicksale der Krimgoten» («Судьбы последних

крымских готов») [20]. Разыскивая следы пребывания готов на полуострове, Ф. А. Браун провел раскопки на Мангупе. Ученый обозначил три основные части поселения: 1) верхний город с цитаделью на мысе Тышкли-бурун; 2) средний город на вершине плато, от цитадели в западном направлении до Гамам-дере; 3) нижний город в районе северо-западного оврага – Табана-дере. Особое внимание Ф. А. Брауна получил холм, на который указывал до него А. С. Уваров, где рассчитывали обнаружить остатки христианского храма. После 28-дневного исследования (с 29 июня по 26 июля) Федор Александрович пришел к выводу, что это кладбищенская церковь, окруженная со всех сторон «склепами, или лучше мавзолеями, так как они высоко поднимаются над поверхностью земли [21]. Заслугой Ф. А. Брауна стал и опыт первой фотофиксации древностей Мангупа. Фотографии прилагались к отчету, составленному им для Археологической комиссии [22].

Попытки ученого выявить элементы готского языка в речи крымских татар не привели к положительным результатам. Диссертация Ф. А. Брауна «Разыскания в области гото-славянских отношений» была посвящена изучению возможных контактов готов и славян. В полном объеме исследование не было опубликовано. Напечатана только первая часть, относящаяся к пребыванию готов на Висле [23; 24]. В дальнейшем в научных штудиях Ф. А. Браун отошел от этой проблемы и занялся подготовкой корпуса памятников скандинавской письменности, относящихся к России и Востоку.

Интересно, что по заданию Императорской археологической комиссии Ф. А. Браун и в последующем занимался изучением и организацией охраны крымских древностей. С 1896 по 1900 год он был наблюдателем от комиссии за реставрацией Бахчисарайского дворца, крепости Алустан, раскопок Херсонеса [25; 26]. На заседаниях Археологической комиссии он неоднократно докладывал о состоянии этих памятников. Таким образом, ученый хорошо знал крымские памятники и активно принимал участие в их изучении в досоветский период.

В марте 1920 года Ф. А. Браун отправился в ученую командировку в Германию для знакомства с новейшей научной литературой. Страдавший болезнью горла профессор также прошел курс реабилитации в клинике Лейпцига. Врачи категорически не советовали продолжать жить во влажном климате столицы советской России. Попав из красно-бунтующего будоражащего Питера в спокойный Лейпциг, Ф. А. Браун вступил в переговоры с местным университетом о возможности его работы в Германии. Он сразу же получил приглашение прочесть в качестве приват-доцента курс лекций по германским древностям на Юге России и принял решение не возвращаться в Петроград. Он отмечал в 1921 году в собственном «Curticulum vitae», отправленном Н. Я. Марру, что решил остаться в Германии «по состоянию здоровья» [27].

Уже в 1921 году Фридрих Александрович был удостоен звания почетного доктора философии Лейпцигского университета. С 1922-го он – ординарный профессор, с 1927-го экстраординарный профессор истории Восточной Европы этого вуза. Одновременно в 1923–1925 годах он сотрудничал редактором научного

отдела берлинского научно-художественного журнала «Беседа», который выходил под редакцией М. Горького.

Находясь в Лейпциге, Ф. А. Браун продолжал активно контактировать со своими коллегами из Петрограда – Ленинграда. Так в 1920–1925 активное общение и сотрудничество развернулось между ним и Н. Я. Марром. Последний даже приезжал в Лейпциг, где провел больше месяца осенью 1920 года и смог убедить Ф. А. Брауна в верности яфетидологии. В это связи Ф. А. Браун активно переписывался с академиком, востоковедом-индологом Федором Ипполитовичем Щербатским (1866–1942) [28].

В Лейпциге ученый разрабатывал различные аспекты антропологии и этнологии. В университете он читал курсы по русской истории и германским древностям, исторической ономастике и топонимике германских земель. Сотрудничая с Н. Я. Марром, Ф. А. Браун предпринял попытку интерпретации его теории в научном русле. Ефитические языки ученый рисовал как субстрат для индоевропейских. При этом он полагал, что именно яфетидология способна вывести индоевропеистику на новый уровень познания. Ф. А. Браун попытался применить лингвистическую теорию Н. Я. Марра к проблеме происхождения германцев и доиндоевропейского населения Европы. Однако в 1925 году Ф. А. Браун прервал научное сотрудничество с Н. Я. Марром. Он убеждал советского коллегу заниматься «в рамках науки» доказательством родства яфитических языков. Однако Н. Я. Марр «расширял» круг этих языков, как и время существования яфитической семьи, отодвигая его все далее вглубь тысячелетий [29]. В итоге в СССР Ф. А. Брауна обвинили в «буржуазном примиренчестве» – стремлении «омолодить отжившие традиции» – совместить яфитическую теорию с индоевропеистикой [30].

Небезынтересным аспектом деятельности Ф. А. Брауна в 20-е годы XX века стала пропаганда русской культуры в Германии и немецкой в России. Так, по его инициативе и с его предисловием в 1925 году в Германии была переведена и издана «История России» В. О. Ключевского. В 1927 году в Германии издается курс лекций по русской истории С. Ф. Платонова. В СССР была отправлена для издания подготовленная Ф. А. Брауном «Систематизированная библиография немецкой научной литературы за 1917–1924 гг.», составленная в русле задания научной командировки Брауна в Германию. С той же миссией культурной пропаганды связана публикация статей Ф. А. Брауна «Высшая школа в Советском Союзе» и «О русской интеллигенции» [31].

Дружба Ф. А. Брауна с С. Ф. Платоновым стала определяющим моментом для избрания немецкого ученого членом-корреспондентом АН СССР, чему, прежде всего, поспособствовал именно Сергей Федорович. Ему Фридрих Александрович прислал необходимые для избрания документы. В частности, в личном архивном фонде С. Ф. Платонова, который отложился в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, сохранились присланные из Лейпцига по этому поводу «Автобиографическая справка» [32] и информация о научной деятельности Ф. А. Брауна [33], датированные 1927 годом.

В 1927 году по представлению академиков С. Ф. Платонова, И. Ю. Крачковского, С. Ф. Ольденбурга эмигрант Ф. А. Браун был избран членом-

корреспондентом АН СССР по старому досоветскому академическому устройству как иностранный член Академии наук по Отделению исторических наук и филологии с 15 января 1927 года [34]. В составленной академиками, хорошо знавшими коллегу, «Записке об ученых трудах проф. Ф. А. Брауна» отмечалось: «Научные интересы Ф. А. Брауна определились еще в те студенческие годы, когда он стал учеником А. Н. Веселовского. Направлению своего учителя он отдал дань в своей первой работе о Беовульфе; но в то же время его личные занятия приняли несколько иное направление: его особенно увлекло языкознание как общее, так и историческое, в частности, в области германских языков. С одобрения А. Н. Веселовского он и избрал их своею ближайшею специальностью, занимаясь в то же время по санскриту и сравнительному языкознанию у И. П. Минаева и по славянской филологии у И. В. Ягича. <...> В рамках языкознания тогда же (1885–1887) обозначился и круг тех вопросов, которым Ф. А. Браун в последствии посвятил большую часть своих самостоятельных научных работ: это были вопросы не строго лингвистические, а палеонтологические, касавшиеся древностей в широком понимании этого слова, поскольку к решению их применим языковой материал и лингвистический метод. Как русский германист Ф. А. Браун не смог не обратить внимания на невыясненность многих существенных вопросов в области взаимоотношений славянского и германского миров; именно эти вопросы и стали в центре всей его ученой работы» [35].

Несмотря на тенденции по выводу из состава Академии наук ученых-эмигрантов, которые наблюдались в последующие годы в русле откровенного нажима на руководство Академии со стороны советских властей, Ф. А. Браун числился в печатных списках Академии наук до 1930 года и официально постановление об его исключении из Академии наук СССР принято не было [36].

Сохранившиеся письма Ф. А. Брауна к С. Ф. Платонову с 28 января 1927 по 5 мая 1930 года разделены на три единицы хранения. Крымские сюжеты присутствуют лишь в части этих посланий. 9 ноября 1927 года Ф. А. Браун писал в Ленинград:

«Дорогой Сергей Федорович.

Опять я перед вами очень виноват. Получил от Вас открытку и письмо, две брошюры по крымской археологии и Вашу прелестную книжечку о Пушкинском уголке, – и за все это еще не благодарил! Простите великодушно! Я ведь занят по уши; начало зимнего семестра всегда особенно трудно. И положительно нет свободного часа, пока голова хоть сколько-нибудь свежа. Думаю о Вас часто и много, каждый день собирался писать. <...>

Очень заинтересовала меня и брошюра о Херсонесе. Много всего вспоминается из прошлого, вспоминается радостно. <...> Музей выслал мне, и все время высылал, свои издания. Статья Гриневича из Изв. Тавр. Общ. так же очень любопытна» [37].

4 февраля 1928 года Ф. А. Браун опять касается темы Херсонеса и своего общения с К. Э. Гриневичем: «Из Херсонеса я еще ничего не получил. Не черкнете ли Вы два слова Гриневичу? Или мне ему написать? Слышал я, что Керченский музей отпраздновал какой-то юбилей и напечатал по <нрзб.> новую свою историю.

Как бы мне и ее тоже получить? Или это зависит от Акад. Матер. Культ. и написать об этом надо Жебелёву?» [38].

Сюжеты деятельности крымских музеев и отдельных археологов в переписке возобновились только 19 июля 1928 года. Ф. А. Браун комментировал информацию, полученную от С. Ф. Платонова, о раскопках на Эски-Кермене: « <...> Работы Репникова несомненно очень интересны, и если только есть малейшая возможность, их следовало бы продолжать. Но все же предупреждаю во избежание возможных разочарований: то толкование, которое Репников им дает (со слов Петрова) я считаю сильно преувеличенным. Он говорит о фреске, изображающей готского князя в национальном костюме, с короной на голове (!), о рунических надписях и проч. Возможно, что «национальный костюм» и есть, хотя и это невероятно. Готская княжеская династия XIII века была греческого происхождения и, конечно, одевались по византийски» [39].

Крупный деятель раскопок на Эски-Кермене в эту эпоху – Николай Иванович Репников, о котором идет речь в письме, – родился в Санкт-Петербурге 9 апреля 1882 года в крестьянской семье. Его отец работал бурлаком на лесных сплавах Громовых, а мать вела хозяйство и занималась воспитанием сына. После окончания в 1901-м коммерческого училища, в 1902-м Н. И. Репников поступил в Археологический институт. С этого же времени началась его трудовая деятельность в качестве сотрудника Археологической комиссии. Уже в двадцатилетнем возрасте он начал самостоятельные полевые исследования в Тверской и Новгородской губерниях. В 1904-м, после успешного завершения курса в Археологическом институте (был выпущен со званием члена-сотрудника), Николай Иванович провел полевой сезон в Крыму, а после возвращения в столицу поступил вольнослушателем на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, где учился до 1908 года. Именно в это время происходит его становление как археолога-полевика. Определяющую роль в этом процессе сыграл надсмотрщик над археологическими работами Керченского музея древностей – С. П. Петренко. О нем Н. И. Репников вспоминал: «Семен Петрович вводил меня в самую сокровенную своих знаний и опыта, выработанного долгим и пристальным наблюдением, смею утверждать, – недоступного большинству наших археологов». Заболев в 1908-м в Херсонесе малярией и крупозным воспалением легких, Н. И. Репников остался жив исключительно благодаря заботам С. П. Петренко, который «выносил его на руках как нянька». В 1910-м началось сотрудничество Н. И. Репникова с Этнографическим отделом Русского музея, где он являлся хранителем археологической коллекции, насчитывавшей к тому времени более пяти тысяч единиц учета. В этот период Николай Иванович развернул значительные археологические исследования в Старой Ладоге, занимаясь исследованием древнерусского искусства.

Раскопки Н. И. Репникова в Крыму начались с 1903 года и продолжались с некоторыми перерывами до конца его жизни. В год смерти ученого (1940 г.) состоялась его последняя экспедиционная поездка в Крым. Систематические разведки и раскопки Николая Ивановича охватили широкий круг памятников Крымского нагорья (от каменных ящиков (дольменов) первобытных эпох до

остатков эпохи Крымского ханства). Основные его научные интересы тут были сосредоточены на памятниках раннего средневековья: Византийский Херсон, готский могильник Суук-Су, Партенитская базилика VIII века, «пещерные города». С 1926 года Н. И. Репников проводил ежегодные раскопки в Эски-Кермене и изучал одновременные памятники Нагорья. Выявленный им обильный разнообразный материал дал археологу возможность сделать предположения о социальном строе Крымской Готии, развитии Эски-Кермена и Мангупа [40; 41].

11 января 1929 года профессор из Лейпцига извещал:

«Дорогой Сергей Федорович,

большое Вам спасибо за сообщение о ходе совещаний по Эски-Керменским раскопкам. Сказать Вам не могу, как мне жаль, что я не могу принять участия в этих беседах и в проработке планов. Говорил ли Ник[олай] Ив[анович] хотя бы что-то о руках и др.? С нетерпением буду ждать дальнейших сообщений и, конечно, был бы рад получить отчет. Ведь он скоро будет, кажется, не правда ли?» [42]. Ф. А. Браун констатировал, что в ряде немецких газет появились заметки о прошедших в прошлом археологическом сезоне раскопках «близ Бахчисарая». Авторы этих сообщений информировали немецкую общественность о разысканиях «главного города готов, известного под именем Феодоро» [43]. Ф. А. Браун сетовал, что заметки эти были слишком краткими и передавали ход археологических исследований «лишь в самых общих словах» [44].

Уже 26 января в очередном послании Ф. А. Браун впервые поднял вопрос о необходимости организации совместной экспедиции по изучению готских памятников в Крыму:

«Дорогой Сергей Федорович.

Искренне благодарю Вас, за приложение к письму отчета Н. И. Репникова. Я получил его на днях и, конечно, немедленно и внимательно прочел его. Он произвел на меня хорошее впечатление, лучшее – признаюсь – чем я ожидал после того, что мне рассказал Г. И. Петров и писала Л. А. Мерварт. Отчет написан очень толково и содержательно. О руках, к счастью, нет ни слова; а «княжеская корона», очевидно, возникла из «оригинальной шапки с матерчатым верхом и меховой опушкой» на голове бородатой фигуры в пещерном храме «донаторов» (стр. 19 отчета). Фигура эта действительно очень интересна, как и стоящие рядом с нею. Чем скорее эти фрески будут точно сняты, тем будет лучше. Быть может, при ясном освещении и тщательном осмотре удастся найти и дополнительные остатки греческой надписи. Внимательно проверить надо, конечно, и то, что пока прочтено Репниковым. Но если уже произведенная им разведка дала такие интересные результаты, то можно ждать еще гораздо более интересного материала от систематического обследования, особенно если в распоряжении экспедиции будут все нужные технические приспособления, аппараты и др., и будет толковый художник. Надеюсь, что Академия найдет средства для продолжения работ летом этого года, и найдется достаточно активного интереса к этому делу. Надо спешить с этим, иначе многое может погибнуть, раз внимание местного населения возбуждено разведкой Репникова. <...>

Как бы то ни было, дело, начатое Н. И. Репниковым, представляется мне чрезвычайно важным для окончательного решения давней готской проблемы – важным в самом широком смысле, не только местном. И если вы найдете, что мое мнение может помочь делу и иметь вес в глазах Академии при решении вопроса об «экспедиции», то я просил бы Вас подчеркнуть его энергичнее, когда вопрос этот будет обсуждаться в надлежащих инстанциях» [45]. Далее Ф. А. Браун предложил свои услуги в качестве посредника в переговорах с Обществом взаимопомощи немецкой науки для привлечения немецких ученых к работам по исследованию Эски-Кермена.

Письмо вводит в контекст деятелей науки, чьи интересы сосредотачивались вокруг крымского средневекового памятника, две новые фигуры. Обе они были хорошо знакомы с Ф. А. Баруном и Н. И. Репниковым. Григорий Иванович Петров (1903–1942), упомянутый и в предыдущих посланиях, обучался на естественном отделении физико-математического факультета Казанского университета. В 1923 году он перевелся в Петроград с целью специализации по антропологии. Одновременно, чтобы получить практическую подготовку, начал заниматься на Этнографическом отделении Географического института. В декабре этого же года молодой исследователь получил первую командировку от Музея антропологии и этнографии в Татарскую АССР и Марийскую автономную область для сбора этнографического материала. Удачные итоги экспедиции предопределили судьбу выпускника университета. В 1924-м Г. И. Петров стал научным сотрудником 2-го разряда Музея антропологии и этнографии. С 1926 по 1929 – он продолжил образование в аспирантуре МГУ, не оставляя при этом работу в музее. Зимой 1928–1929 года ученый получил возможность занятий в антропологических лабораториях Берлина и Мюнхена. Он так же изучал работу антропологических и естественно-исторических отделов музеев Гамбурга, Гейдельберга, Дрездена и Лейпцига. В Лейпциге Григорий Иванович встречался и консультировался с Ф. А. Брауном [46]. Он подробно посвятил немецкого коллегу в курс дел о состоянии исследований Эски-Кермена и весьма критично отозвался о раскопках Н. И. Репникова и о его общем научно-культурном уровне. Осенью 1929 года, после возвращения из Крыма, Г. И. Петров был утвержден старшим ассистентом по кафедре антропологии географического факультета Ленинградского государственного университета. Результаты исследований советско-германской экспедиции он изложил в статье «Потомки готов в Советском Крыму» [47]. Позже появилось и более обстоятельное его исследование по результатам работы Эски-Керменской экспедиции [48].

Г. И. Петров пытался на основе раскопанного антропологического материала проверить выводы Ф. А. Брауна. Собственные исследования он проводил в деревне Черкес-Кермен. Поселение располагалось в горном ущелье в стороне от торговых путей и дорог, что способствовало сохранению этнической чистоты населения. Все жители деревни в 1929 году называли себя татарами, исповедовали ислам и разговаривали на крымскотатарском языке. Хотя, по воспоминаниям стариков, в селе проживала греческая община, действовала греческая православная церковь. Греки выселились в 1778 году в Мариупольский уезд. По мнению Г. И. Петрова, у жителей сохранился облик крымских готов – высокий рост, светлая окраска волос,

глаз, кожи. Исследователь связывал это с обитанием там в прежние времена германцев-готов. При этом отмечалась необходимость более глубокого исследования мариупольских греков для сравнительного анализа [49].

Другой корреспондент Ф. А. Брауна – Людмила Александровна Мерварт (Левина) (1888–1965) – супруга крупного советского антрополога немецкого происхождения Александра Михайловича (Густава Германа Христиана) Мерварта (1884–1932). В 1927 году во время поездки в Париж и Лейден Л. А. Мерварт также участвовала в работе Международного конгресса антропологов в Амстердаме. Там она познакомилась с Ф. А. Брауном [50]. Почетный член Международного института антропологии во Франции, член-корреспондент Королевского института языкознания, страноведения и этнографии нидерландской Индии [51]. Она не восприняла агрессивного в общении с коллегами, малокультурного и непрофессионального, по ее меркам, Н. И. Репникова, о чем и сообщила в Лейпциг.

В этой связи понятна озабоченность Ф. А. Брауна, постоянно звучавшая в письмах С. Ф. Платонову о правильности выводов, которые делал Н. И. Репников, и необходимости сверки его предположений с позициями других исследователей, в частности Н. Л. Эрнста.

В ответе С. Ф. Платонов попросил своего немецкого коллегу активно начать переговоры с местными учеными по вопросу о скорейшей организации экспедиции. А 8 марта 1929 года Ф. А. Браун уже рапортовал в Ленинград о результатах проведенных консультаций со своими коллегами:

«Дорогой Сергей Федорович.

Сердечное спасибо за письмо 27 февраля, за сообщение резолюций по Эски-Керменским раскопкам и все прочие новости, очень интересны, хотя не все ясны. Я очень дорожу тем, чтобы быть в курсе Ваших крымских планов и буду благодарен за всякое, хотя бы мельчайшее сообщение по этим вопросам.

<...> Шмидт-Отт при случайной встрече просил меня приехать в Берлин и «ориентировать» его и прочих интересующихся по вопросам о крымских готах. Поездка моя состоялась в этот вторник 5 марта. Я провел там 2½ дня, вернулся вечером 7 марта, сразу решил сообщить Вам о результатах. Они кажутся мне важными и требующими особого внимания.

Встречен я там был очень дружески. Совещание в Notgem [Notgemeinschaft der deutschen Wissenschaft – Общество взаимопомощи немецкой науки] вел Шмидт-Отт, затем был обед в шикарном клубе <...>. Кроме членов Общества участвовал К. Шукхардт (Sckukhardt) (авторитетнейший археолог современной Германии). Было 6 человек. Вкусно пообедали, выпили и провели в оживленной беседе 3½ часа. У меня был с собой доклад Репникова и фотографии. Мне пришлось прочитать им обстоятельнейший доклад о крымских готах. К моему искреннему удивлению они совсем не были ориентированы в этих вопросах. Кроме самых общих сведений, и все, что я им говорил, падало на очень благодарную почву (двое даже записывали, как на лекции!)» [52]. Ф. А. Браун просил в этом письме С. П. Платонова срочно приехать в Берлин «хотя бы на короткий срок, по возможности, с полномочиями от Академии, что бы окончательно договорится обо всем» [53].

Тема Эски-Кермена была продолжена уже 12 марта. Ф. А. Браун сообщал: «Недавно я получил от Равдоникаса, сотрудника Музея антропологии и этнографии Академии наук рукопись немецкой статьи об Эски-Керменен с приложением 18-и фотогр[афических] снимков. Он просит пометить её в каком-либо нем[ецком] журнале. Я попробую это сделать, исправив кое-какие выводы и ошибки. Надеюсь, что удастся. Я напишу ему об этом на днях» [54].

Названный в этом письме Владислав Иосифович Равдоникас (1894–1976) – сыграл не последнюю роль в событиях, развернувшихся вокруг Эски-Кермена в это время. Археолог, историк первобытного общества, доктор исторических наук (1935 год, без защиты), член-корреспондент АН СССР (1946 г.) – он был выпускником Петроградского университета (1923 г.), учеником Н. Я Марра и А. А. Спицына. В. И. Равдоникас начинал как организатор, преподаватель и заведующий Тихвинским педагогическим техникумом (1921–1927), а также – председатель Комиссии по изучению Тихвинского края (1923–1928) и директор Тихвинского краеведческого музея. С 1927 года он проживал в Ленинграде, т. к в 1927–1930-м стал аспирантом Института языка и мышления АН СССР. Доцент (1929–1931), профессор (1931–1945), заведующий кафедрой (1936–1948) археологии Ленинградского государственного университета. Одновременно в 1931–1937 годах – научный сотрудник Музея антропологии и этнографии АН СССР, заведующий Отделом доклассового общества (1932–1935) и сектором (1931–1936) Государственного Эрмитажа, заведующий сектором (1937–1947), заместитель директора (1944, 1946–1952) Института истории материальной культуры АН СССР, основатель и редактор сборника «Советская археология». В конце 20-х – начале 30-х годов XX века В. И. Равдоникас, несмотря на то, что он в то время не являлся членом партии, стал лидером «новой» марксистской историко-материалистической археологии. Не случайно, что 22 июля 1929 года В. И. Равдоникас, имевший дружеские отношения с Н. И. Репниковым, был специально командирован Государственной академией истории материальной культуры в Крым для участия в Эски-Керменской экспедиции [55; 56].

25 марта, объясняя заминки с немецкой стороны по подготовке совместных разысканий в Крыму слабым финансированием, Ф. А. Браун заметил: «Прихожу к выводу, что лучше всего было бы, быть может, ограничиться в этом году проведением – насколько хватит средств – разведочной работы (хорошо бы с участием хотя бы одного или двух немцев), и не только в Эски-Кермене, но и в других пунктах готских “климатов”, и таким путем всесторонне обговорить более значительную экспедицию в будущем (1930) году, и в особенности – выработать для нее разумный план, который охватил бы всю проблему. Как Вы думаете? При таких условиях тут нашлись бы, вероятно, и нужные средства да и Вы у себя могли бы подготовить почву в этом смысле. Эрнсту в Симферополь я написал и надеюсь получить скорый ответ. Других шагов я предпринимать пока не буду; сношения с Notgem по этому вопросу теперь в ваших руках, а я отстранюсь, пока меня не вызовет та или иная сторона [57].

Из текста переписки ясно, что немецкий историк общался и с Н. Л. Эрнстом, получая от него и новинки крымоведческих публикаций. Неизвестно, насколько

Ф. А. Браун историк был информирован о бурно разгоравшемся в советской академической среде конфликте Н. Л. Эрнста с Н. И. Репниковым из-за раскопок на Эски-Кермене [58]. Документы, касающиеся этого конфликта, выявленные в различных архивах, свидетельствуют о желании Н. И. Репникова замкнуть исключительно на себе изучение Эски-Кермена. При этом, увы, как это нередко бывает в научном сообществе, для доказательства собственной правоты Н. И. Репников и патронировавший его В. И. Равдоникас не брезговали никакими средствами. На заседаниях Крымской комиссии Государственной академии истории материальной культуры 28 марта и 9 мая 1929 года в сторону Н. Л. Эрнста сыпались обвинения не только в неумелом, а, следовательно, и некачественном проведении археологических раскопок, но и в плагиате. Ученому инкриминировали использование без указания авторства трудов, присвоение себе чертежей и рисунков, выполненных еще досоветским крымоведом, инженером Александром Львовичем Бертье-Делагардом (1842–1920) [59]. В. И. Равдоникас и Н. И. Репников безапелляционно утверждали, что Н. Л. Эрнст использовал без указания авторства для своих научных интересов материалы архива бывшей Таврической ученой архивной комиссии, в частности, хранившиеся там бумаги (описания археологических работ, чертежи и планы раскопок) основателя Московского археологического общества Алексея Сергеевича Уварова (1824–1884) [60].

8 апреля 1929 года Ф. А. Браун просил Сергея Федоровича активизировать участие АН СССР в переговорах с Обществом взаимопомощи немецкой науки по вопросам будущей совместной экспедиции по изучению Эски-Кермена. «Уже получил ответ от Эрнста – не письмо, а кое-какие материалы: две его статьи (о Бахчисар. дворце и Олевизе Новом, и другая – о конфликте Ивана III с генуэзской Кафой Изв. Тавр. Общ.). Статьи производят очень хорошее впечатление: владеет материалом и методом (чей он ученик?). А кроме того он прислал – бюллетени Керченской конференции археологов 1926 г. Прочел я их (весь день сидел над ними). Много в них наивного и неверного, но все же гораздо больше еще чрезвычайно интересного и приходится только сожалеть о том, что доклады не будут напечатаны. Тезисы их не удовлетворяют и только возбуждают аппетит. Из доклада (тезисов) Эрнста об Эски-Кермене я вынес впечатления, что работ он там вообще не производил, а только «обозревал», но обозревал умно. Его тезисы действительно производят впечатления статьи – выдержек из доклада Репникова. Последний, вероятно, им воспользовался в довольно значительной мере; об сем он, Репников, в своих вводах добавил только гипотезу о <нрзб.>. Все же должен сказать, что Репниковым действительно произведена хорошая разведочная работа, хотя бы и по статьям Эрнста, и <нрзб.> на первый раз немало. Кстати, и Эрнст так же видит в Эски-Кермене готский город. Продолжаю не верить этому, но утверждаю вместе с тем, что нельзя миновать Эски-Кермен в поисках готов, напротив, надо, пожалуй, с него именно начать работу» [61].

18 мая 1929 года Ф. А. Браун сообщал о ходе переговоров о совместной археологической экспедиции: «Положение дела о крымских раскопках, т. е. об участии немцев в них, мне совершенно не ясно. Известий из Берлина у меня нет, никто не писал ни официально, ни частно. Боюсь, что дело там заглохло

совершенно; если Вы и получите письмо от Шмидт-Отта, то вероятно, уклончивое для этого года. Я ведь Вам уже написал о здешних финансовых делах» [62].

26 мая Ф. А. Браун расписал идею его приезда в Ленинград или Крым в случае, если ему представится возможность представлять Германию в совместных исследованиях. Он радовался возможности встречи со своим старым другом «именно Там, а не здесь, на чужой стороне» [63]. При этом сообщал: «У меня за это время накопилось немало соображений по крымско-готскому вопросу. Берлинцы будут совсем глупы, если не обратятся ко мне хотя бы за советом, даже если они пошлют другого, мне бы очень хотелось помочь делу совершенно независимо от личного вопроса. Возможно, что Репникову удастся взять древнейшие могилы в Эски-Кермене, возможно также явственнее выступят готы. В его хронологические определения я пока не очень верю. Но необходимо было бы найти древнейший некрополь, иначе результат будет половинчатый» [54].

Однако у руководства Германского исторического общества, а не исключено, что и у других курировавших данное мероприятие служб, были иные планы по формированию немецкой делегации. К этому времени в Германии окончательно определились с персональным составом немецких представителей совместной археологической экспедиции. Представители Общества взаимопомощи немецкой науки профессор христианской археологии и истории искусств теологического факультета Университета Альберта Людвига в Фрейбурге И. Зауер, по воспоминаниям Н. Л. Эрнста, – «старик, неуклюжий, видимо, католический священник, археолог, очень знающий» [65] и доктор Г. Финдейзен – «молодой, шустрый, этнограф из берлинского Музея народоведения, специалист по этнографии России» («женатый на русской») [66] – приехали в Крым в контексте совместной программы советской и германской академии наук по организации совместных раскопок готских древностей в Крыму. И. В. Тункина называет и третьего ученого из Германии, который должен был прибыть в сентябре 1929 года в Крым для осмотра Эски-Кермена. Это основатель и руководитель Восточноевропейского семинара на философском факультете Гамбургского университета, профессор Р. Саломон [67]. Однако Р. Соломон в экспедиции участия не принимал. Немцы собирались только ознакомиться с объектами будущих раскопок и определить объемы дальнейших совместных исследований, согласно чему германской стороной выделялось финансирование.

Уже 6 июля 1929 года Федор Александрович с грустью сообщал в Ленинград: «Все мои планы – крымская мечта – разбились» [68]. До этого момента ученый все еще надеялся, что Германское историческое общество командирует именно его в СССР для проведения совместной археологической экспедиции на Эски-Кермене или хотя бы – в Ленинград для переговоров об организации этой экспедиции в Академии наук. Он рассчитывал в случае, если Общество отправит своего представителя сопровождать его в качестве эксперта – квалифицированного знатока проблемы. А в отсутствии компетентного специалиста по готскому вопросу в Крыму Ф. А. Браун не сомневался.

В дальнейших письмах 18 и 22 июля, отправленных С. Ф. Платонову уже в Гаспру, Ф. А. Браун с грустью приписывал: «...сообщайте любые весточки об Эски-Кермене» [69].

С. Ф. Платонов посетивший остатки средневекового городища, подробно описал немецкому коллеге свои впечатления и поделился результатами археологических исследований этого сезона. Академик был вынужден прервать отпуск в Гаспре и срочно выехать в Ленинград в связи с так называемым «Академическим делом». По этой причине он не дождался приезда немецких археологов, о чем и сообщил в Лейпциг. Однако Сергей Федорович продолжал пересылать немецкому коллеге все данные, получаемые из Крыма.

18 сентября Ф. А. Браун писал: «То, что Вы сообщаете об Эски-Кермене, чрезвычайно интересно, и я буду очень рад, если определение Репникова («готские» вещи VI – VII вв.) оправдаются. Не разъясните, что говорит о них Эрнст? Надо понимать, что термин «готский» в археологии условный, как большинство археол. терминов, взятых из этнологии. Эски-Кермен во всяком случае остается византийским городом (основ. Юстинианом?). Готы VI в. городов не строили и в городах не селились, смотри Прокопия. Это почти полностью относится даже и к крымским остаткам и к исламским вестготам. Очевидно, об Эски-Кермене как о готском городе придется еще поспорить.

А немцев там и не было? Неужели их задержала виза? Быть может они все таки еще приехали после Вашего отъезда? О Зауере и Финдейзене мне Шмидт-Отт все-таки, наконец, написал, уже после моего последнего письма Вам. Зауера я знаю лично; он один из самых деятельных немецких археологов; его специальность – доисторическая археология. А Финдейзен – русский немец, вероятно сын бывшего петербургского пастора. Он довольно известный журналист и писатель, и придан Зауеру в помощники, очевидно, из-за русского языка» [70].

Причиной, вынудившей С. Ф. Платонова уже в начале сентября вернуться в Ленинград, стала начавшаяся в это время «чистка» Академии наук. Начала работу Комиссия по проверке аппарата учреждений Академии наук СССР [71]. Еще в июне 1928 года С. Ф. Платонов обнаружил в протоколе открытого заседания Крымской комиссии ГАИМК от 28 марта того же года неизвестно кем сделанную приписку об обещании германской стороны 50 тысяч марок для продолжения работ на Эски-Кермене. Тогда же академик заявил, что такого обещания он не получал. Приписку он считал «недоразумением, которое следовало выяснить» [72].

С. Ф. Платонов, находясь в Ленинграде, продолжал получать подробные отчеты об исследованиях Н. И. Репникова, в том числе – о встрече немецких археологов и их исследованиях в Крыму от А. И. Маркевича и Н. Л. Эрнста. Два послания Арсения Ивановича Маркевича с описанием хода исследований и находок он переслал Ф. А. Брауну.

22 октября Федор Александрович в ответном послании благодарил своего ленинградского коллегу за пересланные «открытку и письмо Маркевича». Он прибавил: «Сообщенные Вами сведения об Эски-Кермене очень любопытны. Молодец Репников. Кончил ли он на этот год работы? Отчет он предоставит, очевидно, еще не скоро. В общем, результаты пока подтверждают давнишнее

убеждение, что Эски-Кермен это крепость, построенная Юстинианом. Что говорит об этом Эрнст?» [73].

14 декабря Ф. А. Браун сообщил С. Ф. Платонову о подробном письме Николая Львовича Эрнста с описанием исследований на Эски-Кермене в этот археологический период. Немецкий ученый заметил: «Результаты раскопок действительно очень интересны. Молодец Репников! Все же выводы его еще не обеспечены. Я продолжаю считать Эски византийским городом и рад, что расчистка стен, по-видимому, подтвердила мою давнюю догадку» [74].

Последнее из сохранившихся писем Брауна С. Ф. Платонову написано 5 мая 1930 года и касается частных вопросов [75].

Последнее десятилетие жизни Ф. А. Брауна в фашистской Германии не представлено в доступных источниках. К 70-летию ученого (1932 г.) его ученики подготовили юбилейный выпуск журнала «Культурно-исторический архив», где опубликованы их работы, посвященные профессору [76]. В посвящении, подписанном тремя профессорами, открывающем издание, выделены свойства личности Ф. А. Брауна – «побуждающая энергия и истинная гуманность» [77]. Там же был помещен и крайне неполный перечень научных публикаций Ф. А. Брауна (русскоязычные названия представлены в немецком переводе) [78]. Единственный из известных некрологов Ф. А. Брауна был подготовлен профессором Стокгольмского университета Т. И. Арнэ [79]. Автор некролога занимался изучением крымских древностей. В 1926 году он принимал участие в археологических раскопках на нескольких объектах Крымского нагорья и в Херсонесе. Т. И. Арнэ проводил в Херсонесе экскурсии для немецких делегаций и в интервью местной газете восхищался «темпами музейного строительства» на полуострове [80].

Список использованных источников и литературы

1. Тункина И. В. К истории изучения «готской проблемы» в советской археологии в 1920-х – начале 1930-х гг. // Труды II (XVIII) Всесоюзного Археологического съезда в Суздале / Ин-т археологии РАН; отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров: в 3-х т.– Москва, 2008.– Т. 3.– С. 249.

Tunkina I. V. K istorii izucheniya «gotskoi problemy» v sovetskoi arkheologii v 1920-kh – nachale 1930-kh gg. // Trudy II (XVIII) Vsesoyuznogo Arkheologicheskogo s'ezda v Suzdale / In-t arkheologii RAN; отв. red. A. P. Derevyanko, N. A. Makarov: v 3-kh t.– Moskva, 2008.– Т. 3.– S. 249.

2. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1929 г.), д. 28, л. 66.

ИМК РАН, ф. 2, оп. 1 (1929 г.), д. 28, л. 66.

3. Там же, ф. 2, оп. 1 (1929 г.), д. 251, л. 15 об.

Tam zhe, f. 2, op. 1 (1929 g.), d. 251, l. 15 ob.

4. Бузескул В. П. Всеобщая история и её представители в России в XIX – начале XX века / подг., вступ. ст. подг. текста, комм., биогр. слов. И. В. Тункиной.– М.: Индрик, 2008.– С. 235.

Buzeskul V. P. Vseobshchaya istoriya i ee predstaviteli v Rossii v XIX – nachale KhKh veka / podg., vstup. st. podg. teksta, komm., biogr. slov. I. V. Tunkinoi.– М.: Indrik, 2008.– S. 235.

5. Платонов С. Ф. Из воспоминаний // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии.– Симферополь, 1927.– Т. 1.– С. 137.

Platonov S. F. Iz vospominanii // Izvestiya Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii.– Simferopol', 1927.– Т. 1.– S. 137.

6. Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Санкт-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования, 1869–1894: в 2 т.– СПб., 1896.– Т. 1.– С. 90–91.

- Biograficheski slovar' professorov i prepodavatelei imp. Sankt-Peterburgskogo universiteta za istekshuyu tret'yu chetvert' veka ego sushchestvovaniya, 1869–1894: v 2 t.– SPb., 1896.– Т. 1.– С. 90–91.
7. ЦГИА г. СПб., ф. 14, оп. 1, д. 8693.
TsGIA g. SPb., f. 14, op. 1, d. 8693.
8. РГИА, ф. 733, оп. 150, д. 3; оп. 151, д. 121; оп. 156, д. 497.
RGIA, f. 733, op. 150, d. 3; op. 151, d. 121; op. 156, d. 497.
9. Юбилей профессора Ф. А. Брауна // Исторический вестник.– 1913.– № 11.– С. 785.
Yubilei professora F. A. Brauna // Istoricheskii vestnik.– 1913.– № 11.– S. 785.
10. Куник А. [А.] О записке Готского топарха: по поводу нового открытия о Таманской Руси и крымских готах // Записки имп. Академии наук.– 1874.– Т. 24, кн. 1.– С. 61–160.
Kunik A. [A.] O zapiske Gotskogo toparkha: po povodu novogo otkrytiya o Tamanskoi Rusi i krymskikh gotakh // Zapiski imp. Akademii nauk.– 1874.– Т. 24, кн. 1.– С. 61–160.
11. Тункина И. В. Н. Я. Марр и Ф. А. Браун: история взаимоотношений (1920–1925 гг.) // Stratum plus.– Кishinev, 2000.– № 4.– С. 384.
Tunkina I. V. N. Ya. Marr i F. A. Braun: istoriya vzaimootnoshenii (1920–1925 gg.) // Stratum plus.– Kishinev, 2000.– № 4.– S. 384.
12. Тихонов И. Л. Неоднократный декан историко-филологического факультета Ф. А. Браун // Материалы XXXI Всероссийской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов / СПб. ГУ.– СПб., 2002.– Вып. 10: Секция истории филологического факультета.– С. 8–13.
Tikhonov I. L. Neodnokratnyi dekan istoriko-filologicheskogo fakul'teta F. A. Braun // Materialy XXXI Vserossiiskoi nauchno-metodicheskoi konferentsii prepodavatelei i aspirantov / SPb. GU.– SPb., 2002.– Вып. 10: Sektsiya istorii filologicheskogo fakul'teta.– S. 8–13.
13. ИИМК РАН НА РО, ф. 1, оп. 1 (1890 г.), д. 40, л. 2–4.
IIMK RAN NA RO, f. 1, op. 1 (1890 g.), d. 40, l. 2–4.
14. Там же, л. 8.
Tam zhe, l. 8.
15. Там же, л. 17–18.
Tam zhe, l. 17–18.
16. Там же, л. 2–4.
Tam zhe, l. 2–4.
17. Там же, ф. 3, оп. 1, д. 192, л. 1–3; д. 409, л. 127 об.
Tam zhe, f. 3, op. 1, d. 192, l. 1–3; d. 409, l. 127 ob.
18. Отчет имп. Археологической комиссии за 1890 год.– СПб., 1893.– С. 15–21.
Otchet imp. Arkheologicheskoi komissii za 1890 god.– SPb., 1893.– S. 15–21.
19. Браун Ф. А. Мариупольские греки // Живая старина.– СПб., 1890.– Вып. 2.– С. 78–92.
Braun F. A. Mariupol'skie greki // Zhivaya starina.– SPb., 1890.– Вып. 2.– S. 78–92.
20. Braun F. Die letzten Schicksäle der Krimgoten // Jahresbericht der Reformierten Kirchenschule für 1889/90.– 1890.– P. 3–80. То же.– St.-Ptb., 1890.– 88 s.
21. Бармина Н. И. Археологическое изучение Мангупской базилики в 1850–1930-е гг.: источниковедческий аспект // Античная древность и средние века: сб. науч. тр. / Уральский гос. ун-т им. А. М. Горького.– Екатеринбург, 2009.– Вып. 39.– С. 411.
Barmina N. I. Arkheologicheskoe izuchenie Mangupskoi baziliki v 1850–1930-e gg.: istochnikovedcheskii aspekt // Antichnaya drevnost' i srednie veka: sb. nauch. tr. / Ural'skii gos. un-t im. A. M. Gor'kogo.– Ekaterinburg, 2009.– Вып. 39.– S. 411.
22. ИИМК РАН НА РО, ф. 1, оп. 1 (1890 г.), д. 40, л. 37–38.
IIMK RAN NA RO, f. 1, op. 1 (1890 g.), d. 40, l. 37–38.
23. Браун Ф. А. Разыскания в области гото-славянских отношений. I. Готы и их соседи до V века. Вып 1: Первый период: Готы на Висле // Сборник Отделения русского языка и словесности Петербургской академии наук.– 1899.– Т. 64, № 12.
Braun F. A. Razyskaniya v oblasti goto-slavyanskikh otnoshenii. I. Goty i ikh sosedi do V veka. Вып 1: Pervyi period: Goty na Visle // Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Peterburgskoi akademii nauk.– 1899.– Т. 64, № 12.
24. Диссертация о готах // Археологические известия и заметки, издаваемые имп. Московским археологическим обществом.– 1900.– Т. 7, № 11/12.– С. 376–377.

Dissertatsiya o gotakh // Arkheologicheskie izvestiya i zametki, izdavaemye imp. Moskovskim arkheologicheskim obshchestvom. – 1900. – Т. 7, № 11/12. – С. 376–377.

25. ИИМК РАН НА РО, ф. 1, оп. 1 (1894 г.), д. 19, л. 137; оп. 1 (1899 г.), д. 197, л. 7.

ИМК РАН НА РО, ф. 1, оп. 1 (1894 г.), д. 19, л. 137; оп. 1 (1899 г.), д. 197, л. 7.

26. Медведева М. В., Всевиов Л. М., Мусин А. Е., Тихонов И. Л. Очерк истории деятельности императорской Археологической комиссии в 1859–1917 г. // Императорская Археологическая комиссия (1859–1917): к 150-летию со дня основания: у истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / ред.-сост. А. Е. Мусин; ред. Е. Н. Носов; ИИМК РАН. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. – С. 169–170.

Medvedeva M. V., Vseviiov L. M., Musin A. E., Tikhonov I. L. Oчерк istorii deyatel'nosti imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii v 1859–1917 g. // Imperatorskaya Arkheologicheskaya komissiya (1859–1917): k 150-letiyu so dnya osnovaniya: u istokov otechestvennoi arkheologii i okhrany kul'turnogo naslediya / red.-sost. A. E. Musin; red. E. N. Nosov; ИМК РАН. – SPb.: Dmitrii Bulanin, 2009. – S. 169–170.

27. СПФАРАН ф. 800, оп. 3, д. 134, л. 42–42 об.

SPFARAN f. 800, op. 3, d. 134, l. 42–42 ob.

28. Тункина И. В. Н. Я. Марр и Ф. А. Браун: история взаимоотношений (1920–1925 гг.) // Stratum plus. – Кишинев, 2000. – № 4. – С. 387–388.

Tunkina I. V. N. Ya. Marr i F. A. Braun: istoriya vzaimootnoshenii (1920–1925 gg.) // Stratum plus. – Kishinev, 2000. – № 4. – S. 387–388.

29. Алпатов В. М. История одного мифа: Марр и марризм: 2 изд.: доп. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 34–38.

Alpatov V. M. Istoriya odnogo mifa: Marr i marrizm: 2 izd.: dop. – M.: Editorial URSS, 2004. – S. 34–38.

30. Тункина И. В. Н. Я. Марр и Ф. А. Браун... – С. 390.

Tunkina I. V. N. Ya. Marr i F. A. Braun... – S. 390.

31. Жеребин А. И. У истоков русской германистики: профессор Ф. А. Браун // Немцы в России: русско-немецкие научные и культурные связи: [сб. ст.] / Ин-т истории естествознания и техники РАН; отв. ред. Г. И. Смагина. – СПб., 2000. – С. 19.

Zherebin A. I. U istokov russkoi germanistiki: professor F. A. Braun // Nemtsy v Rossii: rusko-nemetskie nauchnye i kul'turnye svyazi: [sb. st.] / In-t istorii estestvoznaniya i tekhniki RAN; отв. red. G. I. Smagina. – SPb., 2000. – S. 19.

32. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 1039, л. 7–8.

RNB OR, f. 585, op. 1, d. 1039, l. 7–8.

33. Там же, л. 9–11.

Tam zhe, l. 9–11.

34. Летопись Российской академии наук / отв. ред. Э. И. Колчинский, Г. И. Смагина: в 4 т. – СПб.: Наука, 2007. – Т. 4. – С. 885.

Letopis' Rossiiskoi akademii nauk / отв. red. E. I. Kolchinskii, G. I. Smagina: v 4 t. – SPb.: Nauka, 2007. – T. 4. – S. 885.

35. Платонов С., Крачковский И., Ольденбург С. Записка об ученых трудах проф. Ф. А. Брауна // Известия Академии наук СССР: VI сер. – 1927. – № 18. – С. 1518.

Platonov S., Krachkovskii I., Ol'denburg S. Zapiska ob uchenykh trudakh prof. F. A. Brauna // Izvestiya Akademii nauk SSSR: VI ser. – 1927. – № 18. – S. 1518.

36. Тункина И. В. Н. Я. Марр и Ф. А. Браун... – С. 385.

Tunkina I. V. N. Ya. Marr i F. A. Braun... – S. 385.

37. РНБ ОР ф. 585, оп. 1, д. 2377, л. 30–30 об.

RNB OR f. 585, op. 1, d. 2377, l. 30–30 ob.

38. Там же, д. 2378, л. 2.

Tam zhe, d. 2378, l. 2.

39. Там же, д. 2378, л. 15 об.

Tam zhe, d. 2378, l. 15 ob.

40. Бернштам А. Н., Бибииков С. Н. И. Репников (1882–1940) // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – М.; Л., 1941. – Вып. 9. – С. 121–123.

- Bernshtam A. N., Bibikov S. N. N. I. Repnikov (1882–1940) // *Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta istorii material'noi kul'tury.*– М.; Л., 1941.– Вуп. 9.– С. 121–123.
41. Равдоникас В. И. Памяти Н. И. Репникова // *Старая Ладога: Материалы археологических экспедиций / Гос. музей этнографии.*– Ленинград, 1948.– С. 6–10.
- Ravdonikas V. I. Pamyati N. I. Repnikova // *Staraya Ladoga: Materialy arkheologicheskikh ekspeditsii / Gos. muzei etnografii.*– Leningrad, 1948.– S. 6–10.
42. РНБ ОР ф. 585, оп. 1, д. 2378, л. 1.
RNB OR f. 585, op. 1, d. 2378, l. 1.
43. Там же.
Tam zhe.
44. Там же.
Tam zhe.
45. Там же, л. 2–2 об.
Tam zhe, l. 2–2 ob.
46. Решетов А. М. Отдание долга // *Этнографическое обозрение.*– Л., 1995.– № 2.– С. 45.
Reshetov A. M. Otdanie dolga // *Etnograficheskoe obozrenie.*– L., 1995.– № 2.– S. 45.
47. Петров Г. И. Потомки готов в Советском Крыму // *Вестник знания.*– Л., 1929.– № 7.– С. 296–297.
Petrov G. I. potomki gotov v Sovetskom Krymu // *Vestnik znaniya.*– L., 1929.– № 7.– S. 296–297.
48. Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945).– Симферополь: Антиква, 2015.– (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 25).– С. 483.
Непомнящчии А. А. Istoriya i etnografiya narodov Kryma: bibliografiya i arkhivy (1921–1945).– Simferopol': Antikva, 2015.– (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 25).– S. 483.
49. Заморяхин А. В. О последних крымских готах: по материалам отечественной историографии XIX – начала XX вв. // *Культурология традиционных сообществ: матер. Всеросс. науч. конф. молод. ученых / Омский гос. пед. ун-т; отв. ред. М. Л. Бережнова.*– Омск, 2002.– С. 23–27.
Zamoryakhin A. V. O poslednikh krymskikh gotakh: po materialam otechestvennoi istoriografii XIX – nachala KhKh vv. \ Kul'turologiya traditsionnykh soobshchestv: mater. Vseross. nauch. konf. molod. uchenykh / Omskii gos. ped. un-t; otv. red. M. L. Berezhnova.– Omsk, 2002.– S. 23–27.
50. Людмила Александровна Мерварт: некролог // *Народы Азии и Африки.*– М., 1965.– № 6.– С. 246–247.
Lyudmila Aleksandrovna Mervart: nekrolog // *Narody Azii i Afriki.*– M., 1965.– № 6.– S. 246–247.
51. Академическое дело 1929–1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1: Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова / Библиотека РАН; Подг. В. П. Захаров, М. Н. Лепехин, Э. А. Фомина.– Санкт-Петербург, 1993.– С. XXXVIII, XLVIII, 8–9.
Akademicheskoe delo 1929–1931 gg.: Dokumenty i materialy sledstvennogo dela, sfabrikovannogo OGPU. Vyp. 1: Delo po obviniyuu akademika S. F. Platonova / Biblioteka RAN; Podg. V. P. Zakharov, M. N. Lepokhin, E. A. Fomina.– Sankt-Peterburg, 1993.– S. XXXVIII, XLVIII, 8–9.
52. Там же, л. 4–4 об.
Tam zhe, l. 4–4 ob.
53. Там же, л. 5.
Tam zhe, l. 5.
54. Там же, л. 6 об.
Tam zhe, l. 6 ob.
55. Тихонов И. Л. Об обстоятельствах ухода В. И. Равдоникаса из Ленинградского университета: документы из личного дела // *Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию кандидата исторических наук А. А. Формозова.*– Санкт-Петербург: Издат. дом СПб. ун-та, 2004.– С. 216–220.
Tikhonov I. L. Ob obstoyatel'stvakh ukhoda V. I. Ravdonikasa iz Leningradskogo universiteta: dokumenty iz lichnogo dela // *Nevskii arkheologo-istoriograficheskii sbornik: k 75-letiyu kandidata istoricheskikh nauk A. A. Formozova.*– Sankt-Peterburg: Izdat. dom SPb. un-ta, 2004.– S. 216–220.
56. Тункина И. В. Несколько штрихов к портрету В. И. Равдоникаса 1920-х гг. (по архивным материалам) // *Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию кандидата исторических наук А. А. Формозова.*– СПб.: Издат. дом СПб. ун-та, 2004.– С. 193–215.

Tunkina I. V. Neskol'ko shtrikhov k portretu V. I. Ravdonikasa 1920-kh gg. (po arkhivnym materialam) // Nevskii arkhologo-istoriograficheskii sbornik: k 75-letiyu kandidata istoricheskikh nauk A. A. Formozova. – SPb.: Izdat. dom SPb. un-ta, 2004. – S. 193–215.

57. РНБ ОР ф. 585, оп. 1, д. 2378, л. 9.

RNB OR f. 585, op. 1, d. 2378, l. 9.

58. Непомнящий А. А. Профессор Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения. – Киев: Стило, 2012. – (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 15). – С. 202, 215–18, 227–230.

Nepomnyashchii A. A. Professor Nikolai Ernst: stranitsy istorii krymskogo kraevedeniya. – Kiev: Stilos, 2012. – (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 15). – S. 202, 215–18, 227–230.

59. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1929 г.), д. 40, л. 45–57.

ИМК RAN NA RO, f. 2, op. 1 (1929 g.), d. 40, l. 45–57.

60. Там же.

Tam zhe.

61. РНБ ОР ф. 585, оп. 1, д. 2378, л. 13 об.

RNB OR f. 585, op. 1, d. 2378, l. 13 ob.

62. Там же, л. 16.

Tam zhe, l. 16.

63. Там же, л. 18 об.

Tam zhe, l. 18 ob.

64. Там же.

Tam zhe.

65. Архив ГУ ФСБ в РК и г. Севастополе, ф. 8, оп. 1, д. 010598, т. 1, л. 121.

Arkhiv GU FSB v RK i g. Sevastopole, f. 8, op. 1, d. 010598, t. 1, l. 121.

66. Там же.

Tam zhe.

67. Тункина И. В. К истории изучения «готской проблемы»... – С. 250.

Tunkina I. V. K istorii izucheniya «gotskoi problemey»... – S. 250.

68. РНБ ОР ф. 585, оп. 1, д. 2378, л. 25 об.

RNB OR f. 585, op. 1, d. 2378, l. 25 ob.

69. Там же, л. 28–29.

Tam zhe, l. 28–29.

70. Там же, л. 31 об.

Tam zhe, l. 31 ob.

71. Брачев В. С. Крестный путь русского историка: академик С. Ф. Платонов и его «дело». – Санкт-Петербург: Стомма, 2005. – С. 307.

Brachev V. S. Krestnyi put' russkogo istorika: akademik S. F. Platonov i ego «delo». – Sankt-Peterburg: Stomma, 2005. – S. 307.

72. Академическое дело 1929–1931 гг.: документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1: Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова / Библиотека РАН; подг. В. П. Захаров, М. Н. Лепехин, Э. А. Фомина. – Санкт-Петербург, 1993. – С. LXXII.

Akademicheskoe delo 1929–1931 gg.: dokumenty i materialy sledstvennogo dela, sfabrikovannogo OGPU. Vyp. 1: Delo po obvineniyu akademika S. F. Platonova / Biblioteka RAN; podg. V. P. Zakharov, M. N. Lepekhin, E. A. Fomina. – Sankt-Peterburg, 1993. – S. LXXII.

73. РНБ ОР ф. 585, оп. 1, д. 2378, л. 32.

RNB OR f. 585, op. 1, d. 2378, l. 32.

74. Там же, л. 34

Tam zhe, l. 34

75. Там же, л. 36.

Tam zhe, l. 36.

76. Archiv für Kulturgeschichte. – Leipzig; Berlin, 1932. – Bd. 23, h. 2.

77. Goetz W., Steinhausen G., Schönebaum H. Friedrich Braun zum siebzigsten geburtstage // Archiv für Kulturgeschichte. – Leipzig; Berlin, 1932. – Bd. 23, h. 2. – S. 5.

78. Veröffentlichungen Friedrich Brauns // Archiv für Kulturgeschichte. – Leipzig; Berlin, 1932. – Bd. 23, h. 2. – S. 193–194.

79. Arne T. J. In memoriam professor F. Braun // Fornvännen.– Stockholm, 1942.– P. 375–377.

80. Шведский ученый в Херсонесе // Красный черноморец.– Севастополь, 1926.– № 220.– 25 сентября.– С. 4.

Shvedskii uchenyi v Khersonese // Krasnyi chernomoret.– Sevastopol', 1926.– № 220.– 25 sentyabrya.– S. 4.

Непомнящий А. А. «We need to hurry with this, otherwise many may die ...»: the history of the preparation of the Soviet-German archaeological expedition in 1929 by correspondence F. A. Brown and S. F. Platonov

Based on the analysis of correspondence between former professor of St. Petersburg University F. A. Brown, which emigrated to Germany, and academician S. F. Platonov the unknown pages of the Crimean study of medieval monuments such as Eski-Kermen were restored, and in this regard, the joint Soviet-German archaeological expedition organized in 1929 by the USSR Academy of Sciences and the mutual aid Society of German science was considered. For the moment such question as participation of Russian and German scientist F. A. Brown in the study of the so-called «Gothic question» which was a general contribution to the development of Crimean local-history studies, was uncharted. In 1920-s S. F. Platonov became the main consultant who oversaw this issue in the USSR Academy of Sciences. The article restores the main stages of the biography of F. A. Brown and presents a bulk of little-known publications related to his activities. The author reveals the complexity of interpersonal relationships between historians of Crimean studies in connection with the right to explore the Eski-Kermen, especially the organization of studies of the medieval Crimean cultural heritage. It is established that the correspondent of F. A. Brown was L. A. Mervart – well known Soviet ethnographer. The friendship and scientific cooperation of the scientists was interrupted by the «academic case».

Keywords: S. F. Platonov, F. A. Brown, N. I. Repnikov, Eski-Kermen, Crimean local-history.

УДК 94(470)»1917-1918»+32.35

ОФИЦЕРЫ И КЛАСНЫЕ ЧИНЫ В СОСТАВЕ СЕВАСТОПОЛЬСКОГО СОВЕТА (1917–1918)

Павленко А. П.

*Российский государственный профессионально-педагогический университет,
Екатеринбург, Российская Федерация
E-mail: Pavlenko-09@yandex.ru*

Рассматривается деятельность офицеров в составе Севастопольского совета в 1917 – начале 1918 гг. Определяется место и роль представителей комсостава в этом выборном органе. Выделяются общие черты, характеризующие офицеров-депутатов и их работу в Совете. Описывается деятельность наиболее активных личностей.

Ключевые слова: Революция 1917 г., Черноморский флот, Севастопольский совет, офицеры, просопография.

Визитной карточкой марта 1917 г. стало создание целой сети выборных органов, сыгравших очень важную общественно-политическую роль в последующих революционных событиях. В Причерноморье в 1917 г. большое значение имел Севастопольский совет, претендовавший на роль главного демократического учреждения Черноморского флота. В составе этого Совета, помимо матросов, солдат и рабочих, находились и депутаты-офицеры. В отечественной историографии отмечается, что эти офицеры играли заметную роль в выборных органах власти Севастополя, особенно в начале революции. Однако в исследованиях отечественных авторов содержится лишь краткая характеристика работы офицеров в Севастопольском совете (в советское время эти оценки, как правило, были негативны) и иногда упоминаются некоторые депутаты-представители комсостава [10, с. 64; 18, с. 4; 19, с. 169, 171–172, 178; 20, с. 308; 21, с. 174; 33, с. 168, 169; 48, с. 139; 50, с. 84, 94, 307].

Принимая во внимание большое политическое значение Севастопольского совета и то, что, согласно устоявшемуся в историографии взгляду, в его деятельность весомый вклад внесли офицеры, представляется важным подробнее исследовать особенности работы, место и роль офицеров и классовых чинов в этом учреждении.

Для решения поставленной цели помимо традиционных методов исторического исследования был использован просопографический анализ. Нами была создана просопографическая база данных «Офицеры Черноморского флота в органах власти». На каждого представителя комсостава, работавшего в учреждениях власти в 1917–1918 гг., была составлена отдельная карточка. Из базы данных были выбраны карточки офицеров и классовых чинов, входивших в состав Севастопольского совета и его предшественника – Центрального военного исполнительного комитета. Всего было выявлено 62 морских и армейских офицеров, врачей и военных чиновников, бывших членами этих выборных органов.

Был привлечен комплекс исторических источников разного видового состава. В первую очередь это делопроизводственная документация выборных органов революционной власти Севастополя. Большую роль в исследовании сыграла мемуарная литература, особенно воспоминания офицеров-депутатов. Внимательно просмотрены основные газеты, издававшиеся в 1917 г. в Севастополе, имеющие большой информационный потенциал для изучения данной темы.

4 марта 1917 г. в Севастополе был создан Военный исполнительный комитет из матросов и солдат [32, с. 36–37]. 7 марта собрание командного состава Черноморского флота избрало офицерский комитет из девяти членов [23, с. 2]. Сразу же, в ночь на 8 марта, эти организации объединились, сформировав Центральный военный исполнительный комитет (ЦВИК) [35, л. 1–2].

Имеются несколько воспоминаний офицеров, участников указанного собрания. Причем в той или иной степени они расходятся в описании того, как проходило это мероприятие и как принималось решение о выборе офицеров в комитет.

Согласно мемуарам лейтенанта Р. Р. Левговда, началось все с выступления командующего флотом вице-адмирала А. В. Колчака, который обрисовал перед собравшимися политическую обстановку и выдвинул ряд требований к офицерам. После этого заявления собрание планировалось завершить, но несколько офицеров поднялись на сцену и попросили у А. В. Колчака разрешения выступить. Они «говорили о том, что углубляющаяся пропасть между офицерами и командами неизбежно приведет к катастрофе. Указывалось на то, что ... необходимо создать какой-либо орган смешанного состава. В результате прений было решено избрать от каждой части и корабля представителей и послать их в образовавшийся уже ранее матросский комитет». Председателем на этом собрании был А. В. Колчак, который вел всё заседание [47, с. 143–144].

Контр-адмирал М. И. Смирнов рисует несколько отличающуюся картину. Согласно его мемуарам, после выступления А. В. Колчака слово взяли генерал-майор А. А. Свечин и подполковник А. И. Верховский. Первый выступил с более консервативной речью, второй – славил Революцию. После них «появились на эстраде Морского собрания матрос, солдат и рабочий», избранные на митинге уполномоченными. Они попросили офицеров «выбрать своих представителей и прибыть на совещание с выборными представителями матросов, солдат и рабочих... Речи этих трех человек были приветствуемы собравшимися и тут же были произведены выборы по одному офицеру от каждой части флота, порта и крепости...» [45, с. 82–83].

Подполковник А. И. Верховский в дневнике также отмечал, что собрание открылось речью А. В. Колчака, кратко изложившего обстановку и предложившего обдумать, что же делать дальше. Зазвучали речи офицеров, преимущественно революционного содержания. «Особенно горячо был встречен призыв не оставаться в такую минуту пассивными и ради спасения боеспособности флота... присоединиться к движению, нараставшему в Севастополе. Для этого был срочно избран исполнительный комитет, которому поставили задачу войти в связь с возникшей матросско-солдатской организацией...» [2, с. 35–36]. В мемуарах, созданных в СССР, А. И. Верховский рисует подробную картину собрания,

описывая себя как главного инициатора избрания офицеров в комитет. Решение этого вопроса части командиров далось непросто, встретило в их среде непонимание. В отличие от М. И. Смирнова, мемуарист не упоминает ни о каких выступлениях матросов и солдат, в отличие от Р. Р. Левговда – пишет, что А. В. Колчак не вел собрание, а покинул его недовольный, не дожидаясь окончания [1, с. 176–180].

Еще одно описание событий отражено в неопубликованных мемуарах эмигранта полковника С. Н. Сомова. Оно полностью противоречит всем вышерассмотренным источникам. Не было никакого выступления А. В. Колчака, все собрание свелось к выслушиванию речей А. И. Верховского и ротмистра Н. Н. Кришевского (которого, судя по его мемуарам, вообще не было на этом мероприятии [22, с. 82–85]). Делегатом якобы был выбран один только А. И. Верховский [8, л. 176–178]. Для мемуаров С. Н. Сомова характерен целый ряд искаженных описаний событий 1917 г.: воспоминания писались по памяти спустя 16 лет после Революции, автор весьма вольно оперирует с историческими фактами. К этому стоит добавить личную неприязнь монархически настроенного мемуариста к Революции и лично к А. И. Верховскому.

В ЦВИК офицерские делегаты имели большое число мест, так как в завершённом виде в учреждение должны были войти 15 представителей от офицеров, 6 – от кондукторов, 45 – от матросов и солдат, 15 – от рабочих [38, л. 12 об]. По состоянию на 20 марта 1917 г. в ЦВИК входили 15 делегатов-офицеров, 4 кондуктора, 25 солдат и матросов, 7 рабочих порта [Подсчитано по: 5, приказ № 1026]. То есть в этот момент удельный вес комсостава в комитете был достаточно высоким (29,4 %).

27–30 марта 1917 г. ЦВИК объединился с Советом рабочих и солдатских депутатов. Новый орган революционной власти получил название Севастопольский совет депутатов армии, флота и рабочих. В нём офицеры имели 20 мест (из 163 депутатов) [35, л. 55, 62–65]. Председателем ЦИК Совета стал унтер-офицер авиации К. В. Сафонов [37, л. 38], произведенный 17 мая 1917 г. в прапорщики [6, приказание № 1973]. Подполковник А. И. Верховский был избран товарищем председателя ЦИК Совета [37, л. 38]. В мае 1917 г. товарищем председателя был лейтенант Р. Р. Левговд [26, с. 2].

Командование флотом шло навстречу офицерам-делегатам. Для создания более благоприятных условий их работы в исполкоме Совета девять офицеров 26 апреля 1917 г. были освобождены от несения служебных обязанностей с оставлением в занимаемых должностях [5, приказание № 1618].

Командующий вице-адмирал А. В. Колчак прагматично использовал возможности офицеров-депутатов в интересах сохранения боеспособности флота и политической стабильности в Севастополе. Прапорщик В. К. Жуков вспоминал: А. В. Колчак «держал связь с Центральным комитетом, главным образом, при помощи делегатов-офицеров, на участие которых в работе ЦИКа он смотрел как на продолжение их служебных обязанностей во флоте, и потому не стеснялся отдавать им распоряжения так же, как у себя в штабе и на кораблях» [12, с. 54].

Выборы в Совет второго созыва прошли в начале июля 1917 г. Этот орган был реформирован и переименован в Севастопольский совет военных и рабочих депутатов. Изменилась процедура выборов офицерских представителей. Если ранее их избирало отдельное офицерское делегатское собрание, то в июле офицеров стали выбирать наравне с матросами и солдатами. Первоначально планировалось создать отдельную офицерскую курию, но эта идея не была реализована из-за возражений команд [15, с. 4; 16, с. 4].

К середине августа 1917 г. в данном Совете было 18 офицеров и классовых чинов. Комсостав по-прежнему занимал в структуре учреждения важные посты. Председателем вновь был избран прапорщик К. В. Сафонов. В середине августа товарищами председателя были военный чиновник А. С. Пампулов, поручик В. Лихтманович и прапорщик Н. Шеремет. Всего в этот момент в исполком входили четыре офицера, два военно-морских врача и два военных чиновника (8 чел. из 35 членов ЦИК) [4, приказание № 3580].

В октябре 1917 г. прошли очередные выборы в Севастопольский совет. К сожалению, полных списков депутатов обнаружить пока не удалось, но нами установлено, что в этот орган входили минимум десять представителей комсостава.

В декабре 1917 г. были проведены новые выборы, на которых победу одержали левые радикалы: большевики и левые эсеры. В апреле 1918 г. Совет дважды переизбирался на фоне противостояния большевиков и умеренных социалистов. Сведения о персональном составе этих советов, в том числе об офицерах-депутатах, к сожалению, отрывочные. В избранный в декабре большевистский Совет входили минимум трое представителей комсостава. Председателем Совета последнего созыва, избранного в апреле 1918 г., был прапорщик по авиационной части М. Г. Даксергоф [52, с. 212].

На данный момент известно 22 офицера и классовых чина, которые были делегатами в ЦВИК, и 59 депутатов-офицеров в Севастопольском совете, 19 из них последовательно были членами и ЦВИК, и Совета. Всего в указанных органах комсостав имел 62 представителя.

Таблица 1.
Представители командного состава в ЦВИК и Севастопольском совете

Категории комсостава	Количество
Штаб-офицеры флота	7
Обер-офицеры флота (из них чины военного времени)	27 (10)
Штаб-офицеры армии	2
Обер-офицеры армии (из них чины военного времени)	16 (13)
Обер-офицеры военного времени армии или флота (не установлена точно принадлежность)	3
Медицинские чины	5
Военные чиновники	2

**ОФИЦЕРЫ И КЛАСНЫЕ ЧИНЫ
В СОСТАВЕ СЕВАСТОПОЛЬСКОГО СОВЕТА (1917–1918)**

Из данных таблицы 1 видно, что командный состав был представлен преимущественно младшими офицерами. Штаб-офицеров насчитывается в сумме 9 чел. (14,5%), обер-офицеров – 46 чел. (74,2%). Они составляют, таким образом, подавляющее большинство. Выглядит естественным тот факт, что в выборном органе в главной базе Черноморского флота преобладали морские офицеры – 34 чел. (54,4% от числа офицерских делегатов). Но офицеры береговых частей и гарнизона Севастополя также имели хорошее представительство – 18 чел. (29%).

В числе делегатов было достаточно много офицеров военного времени – 26 чел. (41,9%). Эта часть командного состава, как правило, имела другую психологию, социальное происхождение, образование, жизненный опыт, ценности и нормы, по сравнению с кадровыми военными. Однако в условиях революционного кризиса произошло изменение и в поведении части кадровых офицеров. Если в Российских императорских армии и флоте для них была характерна ярко выраженная аполитичность, то сейчас активное меньшинство кадрового комсостава включается в общественно-политическую жизнь. В итоге 29 депутатов (46,8%) были кадровыми офицерами, из них моряки составляли большинство (24 чел.). В историографии нередко встречается точка зрения, что офицерские депутаты в органах революционной власти в 1917 г. были из числа офицеров военного времени. В Севастопольском совете, напротив, наблюдался паритет между офицерами кадровыми и военного времени. Эта тенденция в целом характерна для выборных учреждений в базах Черноморского флота [31, с. 104].

О возрасте офицеров, входивших в Севастопольский ЦВИК и Совет, данные не совсем полные. Есть сведения о годах рождения 35 чел. из 62 (56,5% от изучаемой совокупности). Была проведена группировка офицеров по возрастным группам с интервалом 5 лет.

Таблица 2.

Возраст офицеров и классных чинов, депутатов Севастопольского совета

Интервал, лет	до 20 вкл.	21–25	26–30	31–35	36–40	41–45	46–50	51–55
Количество, чел	1	3	14	10	4	2	0	1

Видно, что преобладают молодые лица в возрасте около 25–35 лет. Офицерская молодежь легче воспринимала происходящие перемены в стране в 1917 г. Активная ее часть попыталась не только встроиться в новую реальность, но и своими действиями влиять на происходящие в Севастополе события.

Самым молодым был 20-ти летний мичман линкора «Императрица Екатерина Великая» Б. Блохин, в марте 1917 г. непродолжительное время состоявший в ЦВИК. Самым возрастным являлся 53-х летний капитан 1 ранга С. Т. Нежмаков, который около месяца был делегатом. Но никаких сведений о его работе в ЦВИК и Совете на данный момент не обнаружено. По стечению обстоятельств оба крайних по возрасту офицера оказались случайными лицами в выборных органах.

Обращает на себя внимание текучесть офицерских делегатов в ЦВИК и Совете первого созыва. В ЦВИК офицеры должны были иметь 15 представителей, но за три недели работы этого учреждения комсостав имел в нем 22 делегата (на смену выбывшим приходили новые члены). В Совете первого созыва у комсостава должно было быть 20 мест. Однако с конца марта по начало июля 1917 г. – срок полномочий выборного органа – в его рядах побывали 32 офицера и 3 военно-морских врача. В связи с текучестью офицеров-депутатов 11–14 мая 1917 г. были организованы их перевыборы, причем организаторы этого мероприятия особо отмечали, что нужно избрать лиц, которые фактически могут работать в исполкоме Совета, а не только числиться в нем [38, л. 66, 77–77 об]. Действительно, некоторые офицеры не оставили практически никакого следа в документах о деятельности выборных органов, а их пребывание в составе ЦВИК и Совета было непродолжительным. Однако наряду с ними было множество офицеров, игравших значительную роль в работе Севастопольского совета.

В их число входил один из инициаторов участия комсостава в работе выборных органов подполковник Генерального штаба А. И. Верховский, избранный в ЦВИК 7 марта 1917 г. [1, с. 178–181; 23, с. 2]. Он являлся одним из разработчиков «Положения об организации чинов флота, Севастопольского гарнизона и работающих на государственную оборону рабочих» – одного из первых местных актов, регламентирующих работу выборных комитетов. Благодаря усилиям А. И. Верховского этот документ лег в основу общероссийского «Примерного положения об организации чинов действующей армии и флота» [29, с. 636].

Дневник А. И. Верховского позволит отчасти понять мотивы участия этого человека в деятельности выборных органов. 8 марта 1917 г. подполковник записал: «Нужно нам, офицерам, войти в союз с лучшей частью солдатской массы и направить движение так, чтобы победить нарастающее анархистское начало и сохранить силу наших войск и кораблей». «У солдат создается сейчас организация, мы должны войти в нее и, внося свое культурное влияние, добиться того, чтобы революция не погубила армию» [2, с. 35]. 21 апреля А. И. Верховский отметил, что в выборных учреждениях, в ходе совместной работы матросов, солдат и комсостава, «происходит перевоспитание масс» [2, с. 38].

Думается, что был еще один фактор, не зафиксированный в дневнике, но повлиявший на политический выбор А. И. Верховского. Работа в органах революционной власти Севастополя дала старт стремительной карьеры этого офицера в 1917 г. В итоге он быстро дослужился до чина генерал-майора и поста военного министра в последнем составе коалиционного Временного правительства.

Бывший командующий флотом А. В. Колчак дал высокую оценку деятельности подполковника. В 1920 г. в Иркутске на допросе он отметил, что А. И. Верховский в начале Революции «...много способствовал известному порядку и лояльности, которую проявляли советы депутатов в отношении меня и командования...» [11, с. 53].

Лейтенант Е. В. Ромушкевич имел образование и карьеру кадрового военного [46, с. 368]. Он был избран в ЦВИК 7 марта 1917 г. [19, с. 2]. А. И. Верховский в мемуарах выделил его как молодого прогрессивного офицера [1, с. 180]. 11 марта

Е. В. Ромушкевич совершил поездку в Симферополь в составе делегации ЦВИК, чтобы способствовать стабилизации обстановки в городском гарнизоне, в котором солдаты выступили против офицеров [24, с. 2; 25, с. 3]. 18 марта лейтенант был выбран в летучий отряд, которому следовало отправиться в Сулин «с первой оказией», по просьбе местного гарнизона, для организации выборных органов [35, л. 31].

30 марта 1917 г. Е. В. Ромушкевич вошел в состав агитационного бюро и летучего отряда Севастопольского совета [37, л. 38 об, 39 об]. Как офицер, пользующийся доверием революционной власти, он участвовал в подготовке и проведении обысков во дворцах царской семьи и аристократов на Южном берегу Крыма [1, с. 239]. Затем последовало новое ответственное задание: 26 мая Е. В. Ромушкевич был направлен в Ялту в качестве представителя Севастопольского совета [36, л. 116]. Неожиданный конец активной карьере поставило заявление его бывших подчиненных из 3-го воздушного дивизиона, сделанное 12 июня 1917 г. Лейтенанта обвинили в том, что он не пользовался доверием и отличался жесткой дисциплиной, часто выходявшей за рамки своих полномочий. Солдаты потребовали исключить этого офицера из ЦИК Совета [40, л. 130]. Это заявление было оглашено перед исполкомом 18 июня, а в протоколах, датированных 19 июня, последний раз упоминается об участии Е. В. Ромушкевича в заседании Совета [36, л. 175, 176 об].

Лейтенант Р. Р. Левговд был выбран в ЦВИК 7 марта 1917 г. [23, с. 2] Являясь кадровым военным, он имел по основному образованию гражданскую специальность, закончив в 1911 г. юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1912 г. он стал юнкером флота, в 1914 г. – сдал экзамены за курс Морского корпуса и произведен в мичманы [47, с. 127]. В ЦВИК этот офицер был юрисконсультom и членом следственной комиссии, в составе летучего отряда посетил Одессу, Сулин и Николаев [35, л. 10, 11, 20, 38, 47].

Р. Р. Левговд был членом Севастопольского совета первого созыва в течение всего срока его полномочий [37, л. 38–40; 38, л. 77]. Совету пригодилось его юридическое образование. 30 марта 1917 г. он был избран членом юрисконсультного бюро, следственной, военной и исполнительной комиссий [37, л. 38–40]. В апреле лейтенант возглавлял военно-следственную комиссию [41, л. 4 об, 7 об]. А. И. Верховский охарактеризовал Р. Р. Левговда как человека совершенно искреннего «в своем порыве принять буржуазно-демократическую революцию и защитить свою новую родину» [1, с. 182].

В апреле – мае лейтенант был участником трех резонансных дел. Во-первых, обыска в имениях аристократии. Р. Р. Левговду достался дворец Ай-Тодор, где жила вдовствующая императрица Мария Федоровна [1, с. 239, 244–245]. Во-вторых, лейтенант по поручению Совета 12 мая 1917 г. арестовал генерал-майора П. Н. Петрова. Причем он сделал это вопреки распоряжению А. В. Колчака, не давшего санкцию на задержание [12, с. 54–55; 38, л. 70]. Это привело и к серьезному конфликту Севастопольского совета с командующим флотом, и к проблемам Р. Р. Левговда с начальством. 14 мая этот офицер лично выходил в Одессу с докладом морскому министру А. Ф. Керенскому по «делу Петрова» [26, с. 2].

В-третьих, 19 мая 1917 г. Р. Р. Левговд был избран членом специальной комиссии по расследованию громкого дела эсминца «Жаркий», экипаж которого удалил командира лейтенанта Г. М. Веселаго [36, л. 104].

Лейтенант А. А. Иваненко являлся кадровым офицером-подводником [46, с. 366]. Он был избран в состав ЦВИК [5, приказание № 1026], с 25 марта вошел в состав следственной комиссии [35, л. 49]. А. А. Иваненко отличался большой активностью в комитете в плане решении текущих дел, в составе летучего отряда посещал корабли и части, расследуя инциденты в среде личного состава [35, л. 21, 39, 43, 49, 55].

Прапорщик-артиллерист В.К. Толстой был членом ЦВИК и Совета первого созыва [5, приказание № 1026; 37, л. 38 об, 40–41; 38, л. 77]. Он был первым редактором «Известий Севастопольского совета депутатов армии, флота и рабочих», первый номер газеты вышел 7 апреля, несмотря на ряд технических и организационных сложностей [39, л. 12 об; 43, л. 15 об]. В. К. Толстой 30 мая 1917 г. был избран товарищем председателя ЦИК Совета [36, л. 126]. 6 июня на делегатском собрании Черноморского флота он, вместе с другими офицерами-делегатами, выступал против ареста А. В. Колчака [36, л. 139]. Член Севастопольского Совета М. М. Заславская вспоминала о прапорщике: «В нем ценили его абсолютную честность. Он был по существу демократом» [44, л. 3].

Еще одним заметным делегатом был капитан крепостной артиллерии Селиванов, выбранный в исполком Совета 14 мая 1917 г. [38, л. 77 об]. 6 июня 1917 г. на делегатском собрании он выступал против ареста А. В. Колчака, 18 июня – избран ответственным оратором от ЦИК Совета [36, л. 139, 175]. Во второй половине июня – начале июля 1917 г. Селиванов многократно возглавлял заседания исполкома и был председателем на делегатских собраниях [36, л. 171, 178, 180, 193, 204 об, 214]. Однако в Совете второго созыва его уже не было.

Отдельно отметим тот факт, что членом ЦВИК (с момента создания) и Севастопольского совета (до 19 апреля 1917 г.) был капитан 1 ранга А. В. Немитц [23, с. 2; 36, л. 34], будущий контр-адмирал и командующий Черноморским флотом в июле-декабре 1917 г. Сам А. В. Немитц писал: «На делегатских собраниях я выступал лишь в крайних случаях; когда надо было кого-нибудь или что-нибудь очень дорогое отстоять, защитить, сохранить» [30, с. 319].

Иногда было на лицо разочарование офицера в работе выборных органов революционной власти. Ярким примером является историк и писатель-маринист ст. лейтенант Н. Д. Каллистов. Он был избран в ЦВИК в числе первых девяти офицеров [23, с. 2], однако почти сразу же покинул комитет с формулировкой «по болезни» [35, л. 11, 41]. Однако «болезнь» никак не помешала ему в дальнейшем активнейшим образом заниматься общественно-политической работой.

Значимым аспектом деятельности офицеров было их участие в работе следственной комиссии Совета, разбиравшей, помимо других дел, конфликты между командным составом и нижними чинами. В разные периоды в состав следственной комиссии в общей сложности входили одиннадцать офицеров и один военно-морской врач. Ее председателями в разное время были лейтенант

Р. Р. Левговд, подполковник Лешкевич, лейтенант С. К. Максимов, прапорщик Юргенс.

Офицеры также включались в летучие отряды, оперативно посещавшие корабли и части с целью урегулирования конфликтных ситуаций и получения необходимой информации о произошедших инцидентах. Участие офицеров в летучих отрядах особенно было распространено в начале Революции, в период работы ЦВИК и Совета первого созыва. ЦВИК был создан по принципу корпоративного представительства, и по этой же схеме формировались и летучие отряды. Их типовой состав в этот период: офицер, матрос (или солдат), рабочий.

Думается, в том, что в первые месяцы Революции следственная комиссия занимала компромиссную, умеренную позицию, стремилась уладить конфликты между командирами и их подчиненными оперативно, достаточно беспристрастно разбирала дела, была заслуга и офицеров, входивших в ее состав.

15 чел. из 62 (24,2 %) были в 1917 г. членами различных политических партий. Преобладали эсеры – 9 чел. – чиновник А. С. Пампулов (один из лидеров Севастопольской организации ПСР), лейтенант С. К. Максимов, поручики Д. Д. Хризосколео и В. Лихтманович, инженер-механик мичман К. А. Смирнов, прапорщики И. П. Широкий и В. К. Сафонов, морские врачи К. А. Никитин и В. К. Малышев. В рядах украинских эсеров состояли трое: подпоручик К. П. Величко (лидер украинского национального движения в Севастополе), прапорщики В. К. Жуков и С. С. Рыбалко; в партии меньшевиков: капитан К. М. Богдановский и прапорщик Юргенс. Возможно, к числу сторонников кадетов принадлежал прапорщик В. К. Толстой, хотя официально в Совете он числился беспартийным. Офицеров, которые бы состояли в рядах партии большевиков, пока не выявлено.

Возможно, не удалось установить партийную принадлежность еще какого-то количества офицеров-депутатов. Однако очевидно, что большинство офицеров из числа членов ЦВИК и Советов были беспартийными. Это соответствует общей тенденции: в 1917 г. в рядах различных политических партий и движений состояла лишь малая часть комсостава Черноморского флота.

Участие офицера в работе демократических органов не всегда могло защитить его от конфликта с подчиненными. Из членов ЦВИК и Совета так случилось с шестью офицерами: капитанами 1 ранга А. В. Немитцем и С. Т. Неержмаковым, ст. лейтенантами Н. Д. Каллистовым и В. Н. Кузнецовым, лейтенантами Р. Р. Левговдом и Е. В. Ромушкевичем.

Для Н. Д. Каллистова это имело трагические последствия – арестованный в ноябре 1917 г. офицер содержался в тюрьме, в ночь с 15 на 16 декабря 1917 г. был изъят из-под стражи и расстрелян без суда матросами [9, с. 100; 14, с. 3; 34, Л. 15; 51, с. 46-47]. Согласно мартирологу С. В. Волкова, также погиб ст. лейтенант В. Н. Кузнецов, который был «убит большевиками в 1917–1918 гг.» [7, с. 257]. Однако дата «1917 г.» является ошибочной – в январе 1918 г. этот человек был жив [27, с. 2]. Документальных подтверждений факта гибели В. Н. Кузнецова в 1918 г. нами пока не обнаружено.

Из офицеров-депутатов в Гражданской войне участвовали как минимум 26 человек: 6 за красных, 20 на стороне антибольшевистских сил (из них двое – предположительно). Данные о сторонниках большевиков, скорее всего, не полные. Подчеркнем, что в рядах Белой гвардии были офицеры, прежде активно работавшие в Севастопольском ЦВИК и Совете: инженер-механик капитан 2 ранга И. П. Дворниченко, ст. лейтенант Ю. Л. Афанасьев, лейтенанты А. А. Иваненко и Е. В. Ромушкевич, прапорщик К. В. Сафонов. Таким образом, членство в выборных демократических органах не всегда оказывало влияние на то, на чьей стороне в дальнейшем окажется офицер. В рядах красных были А. И. Верховский, Р. Р. Левговд (попал в плен к белым), А. В. Немитц, М. М. Богданов, К. А. Никитин, К. М. Богдановский. В ходе боевых действий с каждой стороны погибло по одному бывшему севастопольскому депутату: у красных – К. М. Богдановский [17, с. 55], у белых – А. А. Иваненко [7, с. 186]. По сведениям С.В. Волкова, в ходе красного террора в Крыму 23 ноября 1920 г. был расстрелян подполковник военно-морского судебного ведомства А. П. Фрязиновский [49].

После завершения Гражданской войны 10 человек из изучаемой совокупности остались в Советской стране (из них двое – И. Н. Свечников и К. П. Величко – служили у белых). 14 бывших депутатов отправились в эмиграцию. Вероятно, обе эти цифры неокончательные.

Пять человек продолжили службу в рядах Красной армии и флота: А. И. Верховский, Р. Р. Левговд, А. В. Немитц, М. М. Богданов, В.К. Жуков. Политические репрессии не прошли мимо бывших офицеров – членов советов. Бывший прапорщик С. П. Макушкин в 1926 г. был осужден на 5 лет «за укрывательство контрреволюционера» [13]. А. И. Верховский в 1931 г. был приговорен к расстрелу, в том же году приговор был заменен на 10 лет заключения, но в 1934 г. он был досрочно освобожден [3]. В ходе «большого террора» в 1938 г. были расстреляны А. И. Верховский [3] и Р. Р. Левговд [47, с. 128]. Напротив, судьба и карьера А. В. Немитца сложились удачно. Политические репрессии миновали бывшего офицера и дворянина, он дослужился до чина вице-адмирала и звания профессора военно-морской академии [28, с. 275, 284–289].

Мотивы участия командного состава в работе ЦВИК и Севастопольского совета были различны. Часть офицеров позитивно откликнулись на произошедшие в России перемены, в какой-то степени приняли их и пытались найти свое место в новой политической реальности. Прежде всего, это касается обер-офицерской молодежи и офицеров военного времени. Имели место конъюнктурные соображения отдельных офицеров. Они попытались реализовать возможности для стремительного карьерного роста, которые дала Революция. С другой стороны, командование и часть офицеров хотели влиять на работу ЦВИК, а затем и Севастопольского Совета изнутри, что позволило бы направить деятельность этих органов в конструктивное русло. В данном случае членство этих лиц в выборных учреждениях было вызвано не интересом к политике, а служебным долгом, стремлением сохранить дисциплину личного состава и боеспособность Черноморского флота. В целом вышерассмотренные мотивы характерны для офицеров-депутатов и в других базах Черноморского флота [31, с. 110–111].

В деятельности выборных органов в 1917 – начале 1918 гг. участвовала самая активная часть офицеров. Большинство комсостава оставалось аполитичным.

В Севастопольском ЦВИК и Совете офицеры составляли меньшинство, но они сумели занять важные руководящие должности и оказать заметное влияние на работу выборных органов, особенно в начале Революции. Благодаря их активности, в первые месяцы Революции удалось затормозить процесс разложения личного состава флота. Эти офицеры, как правило, играли важную конструктивную роль в политической жизни Черноморского флота, налаживая отношения командного состава с матросами и солдатами. Однако по мере углубления революционного кризиса результаты их деятельности по стабилизации обстановки на флоте были практически сведены к нулю.

Список использованных источников и литературы

1. Верховский А. И. На трудном перевале. М.: Воениздат, 1959. – 448 с.
Verhovskij A. I. Na trudnom perevale. M.: Voenizdat, 1959. – 448 s.
2. Верховский А. И. Россия на Голгофе: Из походного дневника 1914–1918 гг. // Военно-исторический журнал. 1993. № 4. – С. 31-43.
Verhovskij A. I. Rossija na Golgofe (Iz pohodnogo dnevnika 1914-1918 gg.) // Voenno-istoricheskij zhurnal. 1993. № 4. – S. 31-43.
3. Верховский Александр Иванович. URL: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=427> (24.06.2016)
Verhovskij Aleksandr Ivanovich. URL: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=427> (24.06.2016)
4. Военно-исторический музей Черноморского флота. Инв. № 6956.
Voenno-istoricheskij muzej Chernomorskogo flota. Inv. № 6956.
5. Военно-исторический музей Черноморского флота. Инв. № 6974.
Voenno-istoricheskij muzej Chernomorskogo flota. Inv. № 6974.
6. Военно-исторический музей Черноморского флота. Инв. № 6990.
Voenno-istoricheskij muzej Chernomorskogo flota. Inv. № 6990.
7. Волков С. В. Офицеры флота и морского ведомства: Опыт мартиролога. М.: Русский путь, 2004. – 560 с.
Volkov S. V. Oficery flota i morskogo vedomstva: Opyt martirologa. M.: Russkij put', 2004. – 560 s.
8. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6378. Оп. 1. Д. 1.
Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. F. R-6378. Op. 1. D. 1.
9. Гутан Н. Р. От Севастополя до Новороссийска / Публ. Л. А. Кузнецовой, коммент. А. И. Иоффе // Гангут. 1992. Вып. 4. – С. 98–111.
Gutan N. R. Ot Sevastopolja do Novorossijska / Publ. L.A. Kuznecovoj, komment. A.I. Ioffe // Gangut. 1992. Vyp. 4. – S. 98-111.
10. Дешинский Л. Е. Большевики во главе революционного движения в армии и на флоте. Львов: Изд-во при Львовском госуниверситете издательского объединения «Вища школа», 1982. – 256 с.
Deshhinskij L. E. Bol'sheviki vo glave revoljucionnogo dvizhenija v armii i na flote. L'vov: izd-vo pri L'vovskom gosuniversitete izdatel'skogo ob'edinenija «Vishha shkola», 1982. – 256 s.
11. Допрос Колчака / Под ред. К. А. Попова. Л.: ГИЗ, 1925. – 248 с.
Dopros Kolchaka / Pod red. K. A. Popova. L.: GIZ, 1925. – 248 s.
12. Жуков В. К. Черноморский флот в революции 1917-1918 гг. М.: Молодая Гвардия, 1931. – 304 с.
Zhukov V. K. Chernomorskij flot v revoljucii 1917-1918 gg. M.: Molodaja Gvardija, 1931. – 304 s.
13. Заклейменные властью: услышь их голоса. URL: <http://pkk.memo.ru/page%202/search.html> (24.06.2016)
Zaklejmennye vlast'ju: uslysh' ih golosa. URL: <http://pkk.memo.ru/page%202/search.html> (24.06.2016)
14. Известия Севастопольского военно-революционного комитета. 1917. 20 декабря. № 2.
Izvestija Sevastopol'skogo voenno-revoljucionnogo komiteta. 1917. 20 dekabnja. № 2.

15. Известия Севастопольского совета депутатов армии, флота и рабочих. 1917. 2 июля. № 37. *Izvestija Sevastopol'skogo soveta deputatov armii, flota i rabochih*. 1917. 2 ijulja. № 37.
16. Известия Севастопольского совета депутатов армии, флота и рабочих. 1917. 4 июля. № 38. *Izvestija Sevastopol'skogo soveta deputatov armii, flota i rabochih*. 1917. 4 ijulja. № 38.
17. Именной список потерь на фронтах в личном составе Рабоче-крестьянской Красной Армии за время Гражданской войны. Б.м.: Управление устройства и службы войск ГУ РККА, 1926. – 629 с.
Imennoj spisok poter' na frontah v lichnom sostave Raboche-krest'janskoj Krasnoj Armii za vremja Grazhdanskoj vojny. В.м.: Upravlenie ustrojstva i sluzhby vojsk GU RKKK, 1926. – 629 s.
18. Королев В. И. Черноморская трагедия: Черноморский флот в политическом водовороте 1917–1918 гг.– Симферополь: Таврия, 1994. – 38 с.
Korolev V. I. Chernomorskaja tragedija (Chernomorskij flot v politicheskom vodovorote 1917–1918 gg.). Simferopol': Tavrija, 1994. – 38 s.
19. Крестьянников В. В. Классные медицинские чины Черноморского флота и береговых частей в 1-й мировой и гражданских войнах // Память о прошлом: документы, исследования, научные статьи, подготовленные сотрудниками Государственного архива г. Севастополя. Севастополь: ЧП Арефьев, 2007. – С. 143–186.
Krest'jannikov V. V. Klassnye medicinskie chiny Chernomorskogo flota i beregovyh chastej v 1-j mirovoj i grazhdanskih vojnah // Pamjat' o proshlom: dokumenty, issledovanija, nauchnye stat'i, podgotovlennye sotrudnikami Gosudarstvennogo arhiva g. Sevastopolja. Sevastopol': ChP Aref'ev, 2007. – S. 143–186.
20. Крестьянников В. В. Мичман с крейсера «Варяг» // Севастополь: взгляд в прошлое: научные статьи сотрудников Государственного архива г. Севастополя. Севастополь: ЧП Арефьев, 2006. – С. 306–310.
Krest'jannikov V. V. Michman s krejsera «Varjag» // Sevastopol': vzgljad v proshloe: nauchnye stat'i sotrudnikov Gosudarstvennogo arhiva g. Sevastopolja. Sevastopol': ChP Aref'ev, 2006. – S. 306–310.
21. Крестьянников В. В. Севастопольская городская организация партии социалистов-революционеров в 1917 г. // Севастополь: взгляд в прошлое: научные статьи сотрудников Государственного архива г. Севастополя. Севастополь: ЧП Арефьев, 2006. – С. 171–177.
Krest'jannikov V. V. Sevastopol'skaja gorodskaja organizacija partii socialistov-revoljucionerov v 1917 g. // Sevastopol': vzgljad v proshloe: nauchnye stat'i sotrudnikov Gosudarstvennogo arhiva g. Sevastopolja. Sevastopol': ChP Aref'ev, 2006. – S. 171–177.
22. Кришевский Н. В. Крыму (1916–1918 гг.) // Архив Русской Революции. М.: Терра, Республика, 1992. Т. 13. – С. 71–124.
Krishevskij N. V. Krymu (1916–1918 gg.) // Arhiv Russkoj Revoljucii. М.: Terra, Respublika, 1992. Т. 13. – S. 71–124.
23. Крымский вестник. 1917. 9 марта. № 62.
Krymskij vestnik. 1917. 9 marta. № 62.
24. Крымский вестник. 1917. 13 марта. № 65.
Krymskij vestnik. 1917. 13 marta. № 65.
25. Крымский вестник. 1917. 14 марта. № 66.
Krymskij vestnik. 1917. 14 marta. № 66.
26. Крымский вестник. 1917. 16 мая. № 113.
Krymskij vestnik. 1917. 16 maja. № 113.
27. Крымский вестник. 1918. 30 января. № 21.
Krymskij vestnik. 1918. 30 janvarja. № 21.
28. Лебедько В. Г. Вице-адмирал Александр Васильевич Немитц // Гражданская война в России: Черноморский флот / Сост. В. Доценко. М.: АСТ, 2002. – С. 270–289.
Lebed'ko V. G. Vice-admiral Aleksandr Vasil'evich Nemitc // Grazhdanskaja vojna v Rossii: Chernomorskij flot / Sost. V. Docenko. М.: AST, 2002. – S. 270–289.
29. Минц И. И. История Великого Октября. 2-е изд. М.: Наука, 1977. Т. 1. – 784 с.
Minc I. I. Istorija Velikogo Oktjabrja. 2-e izd. М.: Nauka, 1977. Т. 1. – 784 s.
30. Немитц А. В. Недавнее прошлое русского флота (по материалам воспоминаний) // Гражданская война в России: Черноморский флот / Сост. В. Доценко. М.: АСТ, 2002. – С. 290–326.

**ОФИЦЕРЫ И КЛАСНЫЕ ЧИНЫ
В СОСТАВЕ СЕВАСТОПОЛЬСКОГО СОВЕТА (1917–1918)**

- Nemits A. V. Nedavnee proshloe russkogo flota (po materialam vospominanij) // Grazhdanskaja vojna v Rossii: Chernomorskiy flot / Sost. V. Docenko. M.: AST, 2002. – S. 290–326.
31. Павленко А. П. Офицеры Черноморского флота в органах власти в 1917 г. // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2014. Вып. 14. – С. 98–112.
- Pavlenko A. P. Oficery Chernomorskogo flota v organah vlasti v 1917 g. // Dokument. Arhiv. Istorija. Sovremennost'. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta, 2014. Vyp. 14. – S. 98-112.
32. Платонов А. П. Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. Л.: Редакционно-издательский отдел морского ведомства, 1925. – 96 с.
- Platonov A. P. Chernomorskiy flot v revoljucii 1917 g. i admiral Kolchak. L.: Redakcionno-izdatel'skij otдел morskogo vedomstva, 1925. – 96 s.
33. Попов П. Моряки Черноморского флота в борьбе за власть Советов // Военные моряки в борьбе за победу Октябрьской революции. М.: Воениздат, 1958. – С. 168-201.
- Popov P. Morjaki Chernomorskogo flota v bor'be za vlast' Sovetov // Voennye morjaki v bor'be za pobedu Oktjabr'skoj revoljucii. M.: Voenizdat, 1958. – S. 168-201.
34. Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 78. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv voenno-morskogo flota (RGAVMF). F. R-72. Op. 1. D. 78.
35. РГАВМФ. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 10. RGAVMF. F. R-181. Op. 1. D. 10.
36. РГАВМФ. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 13. RGAVMF. F. R-181. Op. 1. D. 13.
37. РГАВМФ. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 15. RGAVMF. F. R-181. Op. 1. D. 15.
38. РГАВМФ. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 17. RGAVMF. F. R-181. Op. 1. D. 17.
39. РГАВМФ. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 32. RGAVMF. F. R-181. Op. 1. D. 32.
40. РГАВМФ. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 44. RGAVMF. F. R-181. Op. 1. D. 44.
41. РГАВМФ. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 45. RGAVMF. F. R-183. Op. 1. D. 45.
42. РГАВМФ. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 46. RGAVMF. F. R-183. Op. 1. D. 46.
43. РГАВМФ. Ф. Р-187. Оп. 1. Д. 333. RGAVMF. F. R-187. Op. 1. D. 333.
44. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 70. Оп. 3. Д. 497. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii. F. 70. Op. 3. D. 497.
45. Смирнов М. И. Адмирал А. В. Колчак во время революции в Черноморском флоте // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о февральской революции 1917 г. М.: Книга, 1991. – С. 77–94. Smirnov M. I. Admiral A. V. Kolchak vo vremja revoljucii v Chernomorskom flote // Strana gibnet segodnja. Vospominanija o fevral'skoj revoljucii 1917 g. M.: Kniga, 1991. – S. 77–94.
46. Список личного состава судов флота, строевых и административных учреждений Морского ведомства. Пг., 1916. – 1231 с. Spisok lichnogo sostava sudov flota, stroevykh i administrativnykh uchrezhdenij Morskogo vedomstva. Pg., 1916. – 1231 s.
47. «С уходом А. В. Колчака закрылась последняя светлая страница истории Черноморского флота». Воспоминания Р. Р. Левговда. 1919 г. / Публ. В. И. Шишкина // Исторический архив. 2008. № 5. – С. 126–160.
- «S uходом A.V. Kolchaka zakrylas' poslednjaja svetlaja stranica istorii Chernomorskogo flota». Vospominanija R.R. Levgovda. 1919 g. / Publ. V. I. Shishkina // Istoricheskij arhiv. 2008. № 5. – S. 126–160.
48. Тушков А. А. Флот России в годы Гражданской войны: историческое исследование. Дис. ... докт. ист. наук. [М.], [2004]. – 633 с. Tushkov A. A. Flot Rossii v gody Grazhdanskoy vojny: istoricheskoe issledovanie. Dis. ... dokt. ist. nauk. [M.], [2004]. – 633 s.

49. Участники Белого движения в России. URL: <http://погибшие.пф/архив/uchastniki-belogo-dvizheniya-v-rossii/uchastniki-belogo-dvizheniya-v-rossii-f.html> (24.06.2016)
- Uchastniki Belogo dvizhenija v Rossii. URL: <http://погибшие.пф/архив/uchastniki-belogo-dvizheniya-v-rossii/uchastniki-belogo-dvizheniya-v-rossii-f.html> (24.06.2016)
50. Хесин С. С. Октябрьская революция и флот. М.: Наука, 1971. – 488 с.
- Hesin S. S. Oktjabr'skaja revoljucija i flot. M.: Nauka, 1971. – 488 s.
51. Шрамченко Я. В. Жуткие дни... Агония Черноморского флота // Морские записки. 1961. Т. 19. № 1/2. – С. 41–80.
- Shramchenko Ja. V. Zhutkie dni... Agonija Chernomorskogo flota // Morskie zapiski. 1961. T. 19. № 1/2. – S. 41–80.
52. Юрковский Н. К. Из истории Севастополя в 1917–1918 гг. // Клио. 2000. № 1. – С. 211–216.
- Jurkovskij N. K. Iz istorii Sevastopolja v 1917–1918 gg. // Klio. 2000. № 1. – S. 211–216.

Pavlenko A. P. Officers and class ranks in composition of the Sebastopol soviet (1917–1918).

The article considers the activities of the officers in composition of the Sebastopol Soviet in 1917 – early 1918, designates the place and the role of representatives of the command staff in this body. Officers were the active minority in the Sebastopol Soviet, they managed to take important leadership positions. Most officers-deputies were young people, there is parity between staff officers and officers of wartime. The majority of delegates from the officers were nonparty. Thanks to their activities the process of decomposition of the Black Sea Navy was slowed down at the beginning of the revolution. The deputies-officers, as a rule, have played an important constructive role in the political life of the Black Sea Navy, stabilizing relations of the commanders with the sailors and soldiers. As the crisis deepened, the results of their activities have been revoked in many respects. The most active part of the officers was involved in the activities of elected bodies in 1917. Most of the command staff remained apolitical. Motives of the officers participating in the activities of the Sebastopol Soviet were different. The part of officers has responded to the changes occurring in the country and tried to adapt to the new political reality. The command of the Navy and part of the officers would affect the operation of the Sebastopol Soviet from the inside, that would send his activities in a constructive direction. There were career considerations of some individuals.

Key word: the revolution of 1917, the Black Sea Navy, the Sebastopol Soviet, the officers, prosopography

УДК 94(470)»16/18»

**«ЗАПИСКИ О ПУТЕШЕСТВИИ НЕИЗВЕСТНОГО ЛИЦА ПО КРЫМУ,
НОВОРОССИИ И КАВКАЗУ. 1818–1820»
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О КРЫМЕ
(ОПЫТ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)**

Петерс Т. П.

*Издательство «Русский мир», Москва, Российская Федерация
E-mail: peters13@yandex.ru*

Вводится в научный оборот неизвестный архивный документ мемуарного жанра, написанный на французском языке и датированный 1818–1819 гг. Он представляет собой воспоминания о путешествии в южные регионы России. В переводе на русский язык представляются обширные сведения о путешествии по Крымскому полуострову. Рассматриваются вопросы атрибуции (имя и биография автора воспоминаний) и личные наблюдения путешественника об этническом, географическом и социально-экономическом состоянии Крымского полуострова в указанный период. Документ отличается новизной и актуальностью, представляется еще одним историческим источником сведений о Крыме двух первых десятилетий XIX столетия и позволяет восполнить имеющиеся пробелы историко-биографического характера.

Ключевые слова: мемуары; записки путешественника; исторический источник.

Предметом исследования является архивный документ «Записки о путешествии неизвестного лица по Крыму, Новороссии и Кавказу. 1818–1820», который хранится в архиве в личном фонде Воронцовых [РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 1–242 об.]. Он переведен нами с французского языка, подготовлен к публикации и находится в производстве в издательстве.

Документ представляет собой рукопись на французском языке объемом 242 листа с оборотами. Текст написан чернилами на разлинованных листах большого формата, подписи автора не имеется. Рукопись имеет вид чистового варианта, переписанного с черновика, составлявшегося путешественником во время его поездки по указанному в заголовке маршруту. В ней имеются два временных пласта: 1) 1818–1819 – годы путешествия и 2) последующие за ними годы вплоть до 1833. Сведения о положении дел в указанных регионах за эти последующие годы путешественник брал, по его словам, из рапортов, донесений, отчетов градоначальников Крыма и управляющих на Кавказе. Второй пласт дополняет первый и оформлен в виде постраничных сносок, которые путешественник вносил на протяжении 1820–1833 гг.: в 1820–1821 гг., 1827 г. и в 1833 г.; есть также и пометки, которые вписаны им одновременно с созданием рукописи. Документ никогда не переводился на русский язык, не публиковался и до настоящего времени историкам не известен.

Цель статьи – впервые ввести в научный оборот (с элементами источниковедческого исследования) неизвестный архивный источник, который

содержит, наряду с информацией о Черноморском побережье Кавказа, большой пласт сведений о Крымском полуострове.

Ближайшее знакомство с этим материалом показало, что перед нами довольно интересный памятник мемуарного жанра, который, хотя и не лишен субъективного взгляда (что вполне естественно для мемуаристики), является живым источником разнообразнейших сведений, замечаний, описаний, наблюдений и авторских умозаключений о географии, сферах экономики, культуре, общественной жизни южных территорий Российской империи, традициях и быте населяющих его народов.

Мемуарные памятники по признанию специалистов являются важным компонентом общего культурно-исторического процесса. Документ, оставленный путешественником, будучи произведением мемуарного жанра, объединяет в себе и дневник, и воспоминания. Записи в рукописи расположены по годам, с 1818 по 1819 гг., зачастую без указания числа и месяца. Обозначив, например, число, месяц и год выезда из Одессы с группой татарских купцов, путешественник, отвлекшись на описание рельефа, климата, способа передвижения путников по степи, их обычаев, отмечает, что «на четвертый день пути мы добрались до Коренихи, большой деревни на берегу Буга, что расположена напротив Николаева...» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 1.].

Помимо этого, в поденных записях дневника обыкновенно фиксируется не прошлый, а настоящий «непредреженный процесс жизни, с еще неизвестной развязкой, совсем еще не отстоявшийся». Однако в исследуемой рукописи в ряде случаев путешественник смотрит на события как бы по прошествии определенного времени, дает ретроспективный взгляд на прошедшее, предоставляет «обдуманное воссоздание действительно прошедших событий» [11, с. 12]. В результате налицо имеется неразмежеванность дневникового начала и собственно мемуарного (формы воспоминаний). Являясь личностно-памятным элементом письменной культуры, эти документы «принадлежат к числу тех произведений, которые больше выигрывают, чем теряют от времени..., что именно время и придает им высший интерес: оно делает их необходимым пособием истории, превращая самые обыкновенные вещи в редкости, заслуживающие глубоких изысканий и соображений потомства...» [2, с. 1–3].

При переводе рукописи на русский язык стояла задача как можно точнее передать мысли автора, отразить равноценными средствами русского языка все нюансы лексики и грамматической структуры французского языка, использованные путешественником в описаниях, не прибегая к купюрам и разбирая затертые временем (в целом при хорошей сохранности архивного документа) впечатления и рассуждения. Максимальное использование всех языковых средств оригинала позволило сохранить целостную структуру рукописи.

Анализ рукописи не оставляет сомнения в том, что в ней переданы личные наблюдения автора, что и определяет ценность данного источника. По новизне и актуальности содержащиеся в ней сведения способны заполнить имеющиеся лакуны в социально-экономической и политической истории народов Крыма 1818–

1819 г., расширить и углубить наши знания по нерешенным и даже спорным вопросам истории региона.

В ходе исследования рукописи возникла необходимость в атрибуции архивного источника, поскольку имя автора указано не было. Во внимание принималось то обстоятельство, что каждый из памятников мемуарного жанра имеет свою историю, каждый занимает особое место в обстоятельствах своего времени. «Их авторы не просто носители определенных общественных тенденций, а неповторимые личности с индивидуальным складом биографии и со своим строем чувств, воззрений, установок, сквозь призму которых преломляются общие для эпохи побуждения...» [11, с. 9].

Имя автора безымянной рукописи «Записки о путешествии неизвестного лица по Крыму, Новороссии и Кавказу. 1818–1820» определилось при ее сравнении с содержанием другой рукописи, которая также хранится в фонде Воронцовых и имеет подпись автора – «Paul Guibal» (Поль Гибаль) [РГАДА. 1261. Оп. 1. Д. 2896. Л. 1–111]. В ней повествуется о втором путешествии из Одессы в Тифлис, которое, как сообщается в предисловии, происходило в 1821–1822 гг. П. Гибаль сообщал: «В декабре 1819, вернувшись из путешествия в Абхазию, совершенного мною в течение всего этого года и в последние месяцы 1818, я застал в Одессе кавалера Гамбу с его братом и сыном». Как раз именно в этот период (до декабря 1819 г.) и в эти регионы происходило путешествие, отраженное в безымянной рукописи. Путешественник упоминал о «мемуарах, написанных о странах, которые посетил» во время этого путешествия, т. е. о рукописи, которая является предметом исследования.

До настоящего времени имя Поля Гибалья остается загадкой, вот почему любые его контакты, имена людей, с которыми он встречался, его личные записи, а также дополнительные архивные документы и печатные источники были использованы для составления, хотя бы в общих чертах, его биографии. Из рукописи следует, учитывая многочисленные ссылки путешественника на годы вплоть до 30-х гг. XIX столетия, что он жил в Одессе в 1816–1833 гг. Согласно сведениям, обнаруженным в библиотеках и архивах России, которыми мы теперь располагаем, известны три человека с фамилией Гибаль. Все они связаны, так или иначе, с Одессой конца XVIII – начала XIX вв.: Поль Гибаль, Огюст Гибаль и Александр Гибаль.

Имя Огюста Гибалья удалось обнаружить в документах Архива Воронцовых за 1791 г. [1]. Эти документы относятся к периоду русско-турецких войн 1769–1774 и 1788–1791 гг., и в них упоминается русская флотилия, которая в годы 1-й русско-турецкой войны 1769–1774 гг. была направлена из Балтийского моря в Эгейское море, называвшееся «Греческим архипелагом», а сама экспедиция русского флота получила наименование «Архипелагская экспедиция». В списке штаб- и обер-офицеров этой флотилии на 34 имени, «начиная от полковника и кавалера Ламбро Качони среди прапорщиков под № 23 значится «Огюст [Auguste] Гибаль, лекарь» [1, с. 243]. Сообщалось также, что после роспуска флотилии часть состава пожелала остаться в службе, а «другие просят места к поселению и именно, желали бы назначения к тому пристани Хаджибейской». Вполне возможно, что Огюст Гибаль таким вот образом появился в Одессе.

Два человека с фамилией Гибаль упоминаются в публикациях о Ришельевском институте в Одессе, например, в записи, что в 1816 г. «...отец и сын Гибали хорошо известны администрации института» [3, с. 348–349]. Отсюда следует, что они, вероятно, были в Одессе старожилами, известны в Одесском обществе и отмечены какими-то добродетельными поступками.

Из истории газетного дела в Одессе первой четверти XIX столетия до нас дошло имя Александра Гибалья. Александр Варфоломеевич (Богданович) Гибаль родился в Петербурге в 1794 г., происходил из дворян, был сыном коллежского советника. Разница в возрасте с Полем Гибалем, на наш взгляд, составляла не менее 10 лет; он получил образование во Франции; окончив 1811 г. учебный курс в лицее г. Меца, вернулся в Россию до начала Отечественной войны 1812 года, в 1813 г. для получения звания преподавателя подтвердил свое образование в Нижегородской гимназии. В последующие годы А. Гибаль принимал участие в издании (вместе с Ж. Д. Даваллоном, Феррарини, Соронем и Элканом) первой Одесской газеты «*Messenger de la Russie Méridionale*» («Вестник Южной России»), печатавшейся на французском языке. Первый ее номер вышел 1 апреля 1820 г., а первый номер на русском языке под редакцией А. Гибалья – 1 июня 1821 г. [4, с. 5–7].

Некоторые страницы его жизни представляют интерес с точки зрения биографии Огюста и Поля Гибалей. Так, до 1816 г. Александр Гибаль учительствовал в Москве, но затем был вызван Одесским местным начальством для преподавания французского языка в благородном институте «с воли графа Ланжерона». Просить графа Ланжерона о проявлении подобной воли мог, среди других и, возможно, прежде других, Огюст Гибаль, который знал Ланжерона по русско-турецкой войне 1788–1794 гг. К тому же Поль Гибаль отмечал в черновой рукописи, что кавалера Гамбу в путешествии «сопровождал мой брат в качестве переводчика и рисовальщика». Как раз в период 1817–1820 гг. А. Гибаль оказался без должности в связи с закрытием благородного института и вполне мог отправиться вместе с кавалером Гамбой вдоль Кавказской линии, в Астрахань и на Дон. Также он был неплохим рисовальщиком, о чем свидетельствуют его рисунки, сохранившиеся до нашего времени, в том числе его автопортрет; помимо этого прекрасно владел русским языком.

Исходя из гипотезы, что Поль и Александр Гибали являлись братьями, которая, собственно говоря, находит подтверждение в приведенной записи П. Гибалья, можем считать Огюста Гибалья их отцом.

Помимо этих сведений удалось откорректировать годы, в течение которых совершалась поездка, описанная в «Записках о путешествии неизвестного лица по Крыму, Новороссии и Кавказу. 1818–1820», сократив их до периода 1818–1819.

Поль Гибаль оставил о себе мало конкретных сведений, однако некоторые его замечания, разбросанные, буквально, по крупницам в рукописи, представляются довольно интересными для установления в общих чертах его образа. Француз по национальности, он, отлично владея родным языком, превосходно знал русский и итальянский языки, в общении на которых мог обходиться без переводчика, считал себя русским, служил чиновником в ведомстве губернатора Одессы Н. Я. Трегубова.

Николай Яковлевич Трегубов (1756–1845) происходил из дворян Владимирской губернии, дослужился до звания генерал-аншефа, участвуя в сражениях на Кинбурнской косе (1787), под Килией (1790), в кампании 1794 г. Он вышел в отставку в 1798 г., но остался служить по гражданской части на юге России: был членом Таганрогского комитета (1805), градоначальником Одессы (1820–1822). В годы, которыми датируется описанное путешествие, Трегубов исполнял должность председателя Одесского коммерческого суда и состоял главным попечителем купеческого судоходства по Азовскому морю (с 1811 г.)

Поль Гибаль, получив приглашение кавалера Гамбы отправиться с ним во второе путешествие, согласился не сразу; он указал, что «...отбивался долгое время, потому что, будучи при должности на службе, не мог распоряжаться собой без приказа начальства...». При этом отметил, что кавалер, «не сыскав себе никого в попутчики... мне вновь сделал предложение, которое Генерал Трегубов, губернатор Одессы, дозволил мне принять» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2896. Л. 1].

Из приключений, в которые Гибаль попадал в своем путешествии и которые красочно описал в воспоминаниях, можно заключить о том, что внешне он был небольшого роста, сухощав, имел около 40 лет, был физически крепок, вынослив, имел военную выправку, владел оружием, ездил верхом. Помимо этих навыков, столь необходимых в поездке, он обладал обширными знаниями по химии, медицине, навигации, географии, истории и культуре народов, с которым встречался в путешествии. Он мог оказать медицинскую помощь, опреснить морскую воду, подсказать капитану судна розу ветров в регионе и направление подводных течений у побережья. У него был немалый опыт путешествий, об этом можно судить, когда он мельком ссылается на путешествие по пескам Египта: учитывая хронологию, события, происходившие в мире до 1818 г., и неизвестные нам обстоятельства появления Гибала в России, можно предположить, что это был Египетский поход Наполеона I (1798–1801), что после разгрома наполеоновской армии и окончательного отречения Наполеона, Гибаль эмигрировал, как это сделали многие его соплеменники.

В Одессе среди его знакомых были путешественники, обосновавшиеся в городе иностранные негоцианты, русские из местного общества, в путешествии он встречался с русскими офицерами из гарнизонов крепостей, управляющими вновь присоединенных губерний. Например, французский купец Карл Яковлевич Сикар, уроженец г. Марселя, который поселился в Одессе в 1804 г. Он был дружен с П. А. Разумовским, внуком гетмана Малороссии К. Г. Разумовского, и хорошим знакомым герцога Э. О. де Ришелье. В среде многочисленной французской диаспоры Одессы, весьма просвещенной в вопросах агрономии, он играл заметную роль. К. Сикар известен также как автор книги об Одессе, которая была издана в Петербурге [10]. Немного позже вышел в свет ее перевод на русский язык, выполненный Н. Я. Трегубовым [9].

П. Гибаль отправился в длительное и опасное путешествие не из чистого любопытства и не из праздности. Он записал, что получил «поручение от господина С. исследовать побережье, на котором проживали Абхазы, и установить с ними

торговлю, основным направлением которой была поставка строевого леса...» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 34].

Французская буква «S.», представленная в русском переводе как «С.», могла означать фамилию уже упомянутого К. Сикара. Здесь прослеживается связь между негоциантом Сикаром, в сферу интересов которого входила морская торговля, и Трегубовым, который, по долгу своих служебных обязанностей, тоже имел отношение к этой области.

Созданная Гибалем рукопись для печати, очевидно, не предназначалась; вероятнее всего автором руководило желание запечатлеть увиденное. Его рекомендации по развитию полуострова дают возможность предположить, что он хотел передать записи, например, генералу Трегубову или графу М. С. Воронцову, строителю Крыма.

В части, посвященной Крыму, рассказывается о поездке из Одессы до Керчи по суше в период 26 мая – 30 сентября 1818 г. За четыре месяца Гибаль проехал вдоль побережья Черного моря через Николаев, лиманы (Хаджибейский, Куяльницкий и Телигульский), острова Тендра и Джарылгач, преодолел реки Южный Буг и Днепр, миновал города Херсон, Алешки в Днепроградской степи, въехал на полуостров через крепость Перекоп. В рукописи отмечается, что «в настоящее время въезд в Крым защищен небольшой крепостью, расположенной на полуострове слева от дороги; она неправильной формы и не приспособлена выдержать длительную осаду. Защитные валы покрыты камнем, и с их вершины четко можно рассмотреть чаши двух морей. В прежние времена жилые дома располагались вокруг крепости, теперь обыватели селятся в других местах. Из Перекопа мы за два часа добрались до города Армянска, расположенного в семи верстах от границы. Город Армянск или, как правильно надо называть, Армянский базар на самом деле является частью города Перекопа. Именно в нем проживают служащие, торговцы и ремесленники. Город процветает, а торговля солью приносит огромные прибыли населению. Живут в нем Русские, Евреи, Армянские Татары и цыгане. Окрестные земли неплодородны, и не возделываются, вместе с тем имеются неплохие пастбища» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 10].

Маршрут путешественника пролегал через Армянский Базар, Сарабуз, Симферополь, Карасубазар, Старый Крым; затем почтовым трактом через селения у основания Арабатской косы он въехал в Керчь, чтобы отправиться далее морем в Сухум: «... я отплыл из Керчи 30 сентября 1818 г. на борту шхуны „Черкешенка“, имевшей на борту восемнадцать человек экипажа, включая Капитана. Помимо них было и нас пять пассажиров, в числе которых один Черкес с побережья П[ицунды], возвращавшийся на родину, один Армянский купец из Сухум-Кале, приставленный ко мне проводником и переводчиком на побережье Абазии, один плотник с морских верфей, второй переводчик и я» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 34 об.].

Задерживаясь в городах полуострова, в которых попутчики-татары улаживали свои дела, он посетил многие крымские города: Бахчисарай, Козлов, Судак, Феодосию, Ялту, Алушту, Геническ, Севастополь, и селения. В результате наблюдений, автор представил в воспоминаниях широкое полотно экономического,

социального развития и общественного быта народов, населявших Крымский полуостров.

Описанное путешествие происходило в период между двумя русско-турецкими войнами 1806–1812 и 1828–1829 гг., когда Херсонским и Новороссийским генерал-губернатором был граф А. Ф. Ланжерон (1815–1822). И без, тем не менее, несмотря на межвоенные обстоятельства, земли Крыма, присоединенного, как известно, к России в 1783 г., не были оставлены без внимания со стороны правительства. Примечательно, что для центральной России Крым 1818–1819 гг. был совершенно неизвестным уголком империи, «мертвым краем». Например, путешественник передал, каким виделся Крым его современникам: «Многие путешественники уже писали о Крыме, все отмечали в воспоминаниях его чарующие ландшафты, его благоприятный климат, плодородие его земли, и почти все они преувеличивали. Однако за последние годы этот край был изъезжен во всех направлениях таким большим количеством путешественников, русских и иностранных, всех классов и сословий, что о полуострове создано более точное представление, чем взгляд, который содержится в поэтических описаниях первых путешественников. И, тем не менее, даже в настоящее время Крым остается во многих отношениях мало изученным... Крым, приблизительно, составляет половину Таврической губернии; другая ее часть располагается в Днепровской Степи... в землях, соседствующих с этой территорией, под словом Крым подразумевают всю Таврическую губернию, несмотря на то, что половина ее лежит за пределами полуострова; некоторые присоединяют к ней еще и Тамань. Мне приходилось видеть письма, пришедшие из континентальной России и из заграницы, с надписью на конверте: «в Одессу. Крым» или даже «в Одессу. Русский Крым» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 16 об., 17].

Даже М. С. Воронцов, назначенный на пост новороссийского генерал-губернатора в 1825 г., указывал, что по его убеждению «Крымский полуостров со всеми его естественными богатствами особенно нуждался в оживлении; с этой богатой страной следовало ближе познакомиться и дать толчок развитию этого обильного и мертвого тогда края» [6, с. XLVI].

Хотя Гибаль полагал полезным «предоставить обзор, быстрый и лаконичный об истории, торговле, сельском хозяйстве и промышленности этого края, отсылая, одновременно, за подробностями к авторам, которые изучили каждый из этих разделов с большой широтой» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 17 об.], представляется возможным в данной статье пожертвовать описанием исторического прошлого края в пользу других не менее важных аспектов. В записках рассматриваются географическое положение, рельеф местности, особенности почвы, растительный и животный мир, природные богатства, климат, численность и состав населения, сельское хозяйство и зарождающаяся промышленность Крымского полуострова.

Местность, которую путешественник увидел за Перекопом, не поражала живописностью: «Попадаются и овраги, такой же ширины и глубины, как прежние; деревень в этих краях довольно много, и все они тянутся в том месте, где проходит дорога; из-за своего темного цвета деревенские дома выглядят пятнами, разбросанными по степи. Деревушки имеют жалкий вид, дома в них маленькие,

низкие, из глины, сформованной в большие высушенные на солнце кирпичи; из этой же глины строят стены ограды, окружающей дома, высота которой доходит всего лишь до уровня груди. Эта ограда состоит из нескольких отсеков, каждый из которых приспособлен под стойло для разного вида домашнего скота. Все настолько узкое, что невозможно не задуматься о том, как бы уменьшить толщину стен ограды наполовину и тем самым значительно расширить пространство скотных дворов. Жители отапливают дома коровьими лепешками и пьют довольно плохую воду из колодцев. Деревни здесь бедные, потому что обыватели предаются лени; однако скота у них достаточно, а если и выращивают какие-либо растения, то только для собственных нужд. Путешественник в этих деревнях не может ничего купить, чтобы обеспечить себя в поездке по краю. Помимо своей бедности Татары, к тому же, не любят пускать чужестранцев в свои дома». Напротив, окрестности Симферополя ласкали взгляд путника: «Город располагается на возвышенности на левом берегу Салгира. Вдоль правого берега тянутся прелестные фруктовые сады, окружающие красивые домики. Открывающийся пейзаж весьма живописен» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 12, 14].

О климате Гибаль писал, что «...возле Сиваша и солончаков распространена перемежающаяся лихорадка. Нередко восточный ветер нагоняет с Сиваша зловонный запах, который разносится на большое пространство; местные жители, однако, уверяют, что запах этот вовсе не вреден, а наоборот, предохраняет от лихорадки. В горах климат более умеренный, особенно, в долинах, выходящих на юг и запад. На Южном берегу Черного моря он такой мягкий, что оливковые рощи, персиковые и гранатные сады занимают там немалые участки. В целом воздух здесь очень здоровый, особенно, на возвышенных местах, но в долинах его целебная сила понижается; большинство водоемов...в период засухи...имеют вид простых луж, превратившихся во многих местах в болота. Вот они и являются источниками перемежающихся лихорадок, которые в прежние времена были совсем не редкостью и плохо поддавались излечению...Некоторые уголки на полуострове отличались столь вредным климатом, что располагавшиеся там войска поначалу теряли много людей из-за болезней, и местные жители не верили в способность Русских надолго удержаться в стране, климат которой с такой жестокостью их убивает. Среди таких уголков было устье реки Бельбек, которое окрестили могилой Русской армии» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 27].

Путешественник подметил одновременно, что Россия уже начала вести преобразовательную хозяйственную политику на полуострове, внедрять и распространять неизвестные, но необходимые местным жителям виды сельского хозяйства. Он, не ошибаясь в именах, перечислил устроителей, которым Крым обязан своему развитию в самом конце XVIII в. и первые десятилетия XIX в.: Андреевский Э. С., Богдановский А. В., Бларамберг И. Ф., Мордвинов Н. С., граф де Мезон. Среди них упомянут также генерал-майор Семен Семенович Жигулин, который был губернатором Таврической области в 1789–1796 гг.: «Генерал Жигулин, губернатор Крыма, приучил Ногайцев заниматься сельским хозяйством, и они превратились в умелых пахарей, однако их дома, пища, обычаи и весь образ

жизни выдают в них кочевников, переменявших юрты на дома» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 20 об.].

По поводу развития хлебопашества в Крыму в рукописи имеется интересное замечание Гибалю. Он был знаком с работами авторов, писавших о Крыме, имена которых, к сожалению, не приводит, но ссылается на них. Он критически относится к их замечаниям о примитивном способе вспахивания земель: «Некий автор, говоря о плодородии земель Крыма, отметил, что Татарский землепашец впрягал свою лошадь в колючки, я привожу эти слова без желанья задеть чье-либо самолюбие, водил по своему полю, разбрасывая немного семян, по истечении двух месяцев собирал урожай, отвозил полученное зерно в ближайший порт и возвращался домой с пригоршней пиастров. Досадно, что подобное описание земледелия Крыма, которое по всему можно отнести к золотому веку, кроме, разве что, пиастров, совсем далеко от наилучшей истины. К несчастью, в Крыму, как и повсюду, нет колючек, на которые специально обращаю внимание, и Татарский или иной пахарь унаследовал умение пахать свое поле хорошим плугом, засеивать его и бороновать, чтобы, в результате всего, получить в среднем урожай в соотношении 5/6:1, за исключением засушливого времени, которое в этих местах случается весьма часто, особенно в степи. Автор статистических сведений, с которым я советовался, со своей стороны утверждал, что в Крыму, точнее в Феодосийском уезде, имеются такие плодородные земли, что посеянное зерно через год дает урожай в соотношении 50/60:1. Участок земли в 10.000 десятин, то есть 1/100 часть края, наделенный таким плодородием, окажется, так или иначе, достаточным, чтобы удовлетворить потребности всего населения Крыма. Так что можно еще раз отметить, что подобное мнение является в корне неверным» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 27 об.].

Относительно мер по оздоровлению губительных мест путешественник уточнял, что «...подобных было немало, они занимали обширную территорию полуострова; но начавшаяся обработка земли превратила их в плодородные поля». Гибаль, увидевший также, что татары не имеют привычки пускать в свой дом на ночлег путников, обратил внимание, что для устранения в интересах приезжих «подобного неудобства, Правительство распорядилось построить через каждые две версты довольно просторные дома, в которых могли бы остановиться 5-6 путников; возле них имеются трактиры, в которых любой найдет продукты в достаточном количестве» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 12 об., 27 об.].

Население полуострова привлекло особое внимание путешественника не только этническим разнообразием, он увидел в нем нравственные черты, на которые русская администрация Крыма должна была опереться в своей преобразовательной деятельности. С одной стороны, он писал, что «население полуострова... состоит из русских, татар, греков, армян, караимов, цыган, немцев, болгар, евреев и представителей других национальностей Европы – французов, англичан, итальянцев и пр. В настоящее время русские являются доминирующей нацией в Крыму, но по своей численности они татарам уступают... На втором месте после них стоят татары... Некоторые исследователи подразделяют всех татар на три группы: ногайские татары, степные татары и горные татары. Ногайские татары являются

прямыми потомками первых завоевателей, пришедших на земли Крыма под предводительством Ногая; их раса сохранилась в чистоте и без примесей другой крови. У них калмыцкий тип лица, живут они, преимущественно, к северу от полуострова в Днепровской Степи в Мелитопольском уезде на реке Молочная вода (Молочные воды)...Степные Татары несколько смешались с Турками, особенно, со знатью и Мурзами, которые внешне похожи на европейцев; тем не менее, лица простолюдинов еще сильно выдают их происхождение. Горных Татар не любят их соплеменники...Чертами лица они более походят на европейцев, чем на жителей Азии; образом жизни они отличаются от Степных Татар,...носят азиатскую одежду, умеют хорошо обрабатывать землю...Татары, проживающие на южном побережье Крыма, по мнению некоторых образованных жителей, являются потомками населения Колоний Греков и Генуэзцев». С другой стороны, Гибаль не оставил без внимания, что «люди этой нации по своему характеру ...мягкие, гостеприимные, и ведут себя кротко перед своими начальниками. Они не подвержены порокам, чрезвычайно умеренны во всем и не предаются пьянству...» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 19 об., 21 об., 22].

В одном татарском доме, в который его любезно пригласил хозяин на ночлег, Гибаль не мог не заинтересоваться необычными на взгляд европейца пищевыми традициями: «Подали большое блюдо из ковanej стали, в середине которого помещалась деревянная миска, полная сваренного в молоке проса, по всей окружности блюда лежали куски хлеба. Затем принесли другое блюдо с бараниной, куски которой были доверху залиты кипящим жиром. Из напитков подали воду, разбавленную кислым молоком, и напиток оказался вкусным. Вот так, приблизительно, выглядит пища степных татар; иногда они еще употребляют яйца, из которых готовят омлет, добавляя в него один ливр жира на 3–4 яйца, теплое молоко, сыр и иногда конское мясо». Неприхотливость татар, выработанная веками простота их быта поразили Гибаля: «Образ жизни татар более чем простой. Днем они преспокойно сидят в своих кибитках, вожжи в руках, и, кажется, не думают ни о чем; в течение дня съедают кусок хлеба; вечером, когда распрягут и спутают своих лошадей, отправляются за сухим навозом и им разжигают костер; их ужин состоял из хлеба и просяной каши. Небольшой ее мешочек они выкладывают в воду, как следует все перемешивают, после того, как каша хорошо размокнет в воде, они макают в нее пальцы и вытаскивают горстку, которую отправляют в рот, запрокидывая голову назад. Они заедали кашу хлебом, и столь скудная трапеза длилась около десяти минут, после чего усаживались покурить вокруг костра и просиживали за разговорами часть ночи. Они спали, улегшись между оглоблями своих повозок» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 11–11 об.].

В рукописи присутствует описание татарского дома, выполненное весьма живописно и впечатляюще: «Внутреннее его убранство показывало больше достатка, чем внешний вид; дом состоял из трех комнат, первая из них служила прихожей и кухней, и на ее стенах висела кое какая домашняя утварь; вторая комната была отведена для женщин, а третья – для мужчин. Мужская половина оказалась довольно чистой; глинобитная земля служила полом, покрытым сукном и еловыми ветками; мне велели разуться, перед тем как войти в нее. Повсюду лежали

матрасы из простой ткани в широкую полосу, а в каждом углу – 1–2 подушки. В одном из углов стояли сундуки, вмещавшие все богатство семьи, которая, благодаря такой предусмотрительности, наскоро могла собраться, покинуть небогатое жилище и направиться в любую сторону. Горы одеял из грубой хлопковой ткани, набитые шерстью, были сложены возле сундуков. В комнате повсюду свисали платки, салфетки и прочее. Я видел уже татарские дома в городе Байдаре, в которых не разглядишь потолка из-за неимоверного количества свисавших по сторонам платков и полотенец, многие из которых были изготовлены весьма искусно; их количество показывало уровень богатства хозяина дома. Стены дома были выкрашены полосами разной ширины в белый, красный тона и в цвет грифельной доски. Жилище содержится в чистоте, однако сами Татары, не заботясь о личной чистоте, покрыты паразитами, и потому их постель и одежда кишат ими» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 12, 12 об.].

Он заметил различия в традиционных занятиях, которые связал с особенностями территорий проживания: степные татары «...уже давно осели на земле, но возделывают и засевают ее только в случае крайней необходимости. Надо сказать, что в Крымской Степи, если не повсюду, то на большом протяжении, земля не пригодна для пахоты, так что основным занятием Степных Татар является разведение домашнего скота»; горные татары «выращиванием хлеба...занимаются настолько, насколько требуют их личные нужды, продают или обменивают собранный урожай только тогда, когда необходимо приобрести товары, без которых они не могут обойтись, и которых сами не производят. Они занимаются скотоводством в той степени, насколько позволяют условия местности, на которой они проживают, но это является их любимым занятием. Они выращивают также овощи и фрукты, однако за своими садами ухаживают плохо, занимаются также разными ремеслами, например, изготовлением телег, выделкой ковров и ткачеством, изготовлением кирпичей, глиняной посуды, причем с той же неторопливостью, которой они отдаются в любом другом деле». Но, несмотря на подмеченные неспешность, пассивность и ритм жизни в унисон с природой, Гибаль верит в потенциал населения и задается вопросом: «А разве не только их усилиями Крым добьется процветания?» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 26, 28].

Пользуясь статистическими сведениями из официальных документов и личными наблюдениями, он с сожалением писал о сокращении численности татарского населения Крыма, опираясь на которое русские могли бы поднимать экономику полуострова: «До того времени, пока Русские не завоевали Крым, государства Ханов в течение многих лет пребывали в состоянии междуусобных войн, в результате которых уничтожалась немалая часть населения. Оно погибало и в частых вооруженных схватках, и в результате разрушения жилых домов и деревень. За внутренними кровавыми распрями следовали чума и голод, вызывавшие страшные опустошения; большое число Татар всех состояний и иностранцы бежали с насиженных мест, чтобы не стать жертвами подобных бедствий и кровной мести...» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 25].

Путешественник отметил результаты политики России по искоренению родовой вражды, неприязни к русским, о и дружеском сосуществовании двух

народов, когда писал, что «...со времени прихода русских обычаи татар во многом изменились самым удивительным образом. При том, я не еще не видел, чтобы татарские женщины ходили по улицам с открытым лицом; но в местах, куда заходят русские, они лицо свободно открывают, а их мужчины не выражают недовольства... [в Симферополе] Русские лавки соседствуют с Татарскими; мечети высятся подле церквей, и когда звон их колоколов призывает православных на божественную службу, голос муэдзина с вершины минарета созывает истинно верующих на молитву. Подобный контраст обычаев, нравов, привычек носит вид братства двух народов, бывших на протяжении длительного времени заклятыми врагами, и принадлежащих таким разным вероисповеданиям, сильно меня поразил, едва я обратил на него внимание. Незаметно для себя я к привык к нему, и воспринял его как что-то вполне естественное» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 15 об., 16].

В сближении двух основных народов, населявших Крым (русских и татар), немалую роль играли татарские муфтии, которые на должность назначались повелением императора (императрицы). Кстати, некоторые из них свободно владели русским языком. Например, в 1802 г. муфтий Таврической области, в которую входил Крымский полуостров, «Сеит Мегмет Еффендий», а в 1808 г. его брат муфтий «Муртаза Челеби Эффендий» «приводили в благоустроенный порядок» обитающий на полуострове народ, отвращали его от «междуусобных мщений», учили и наставляли население [7, с. 188, 252].

Всем национальностям Крыма П. Гибаль уделил внимание в рукописи: греки-предприниматели, занятые в хлебопашестве, рыболовстве, торговле и служащие офицерами в «Императорском Черноморском флоте»; армяне, нашедшие свою нишу в торговле; караимы, которые преуспевали в виноградарстве и выращивании фруктов в долинах вокруг Бахчисарая с «порядочностью и добронравием»; колонии немцев, болгар и молдаван, обрабатывавшие землю «на правах концессии. О русском населении путешественник писал, что они, «...преимущественно, занимают гражданские и военные должности, многие владеют также и землей в Крыму; есть те, кто занимается сельским хозяйством, торговлей, ремеслами и прочими делами. В своем большинстве они живут в городах и деревнях; почти они одни составляют население Севастополя, являясь матросами или служащими Флота». Он встречался с иностранцами, которые «прижились в морских портах, преимущественно, в Феодосии, однако их немало и внутри полуострова, где они вовлечены в торговлю и промышленность, а также занимаются ремеслами. Многие из них в прошлом владели землями. Среди них больше всего французов и итальянцев; попадаются, однако, англичане и немцы» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 19 об., 23].

При этом, отмечая подчинение всех представителей этих наций «законам Империи», он подчеркнул, что правительство императора Александра I уделяло более внимания именно татарам, и указал на некоторые льготы для них со стороны России. Например, разводы и наследование имущества производились среди них по их старым обычаям. Кроме того, они были освобождены от рекрутства и налогов на некоторое время. Также Гибаль с воодушевлением записал о заслугах татар Крыма в 1812 г., когда они собрали четыре полка волонтеров, которые отличились в течение всей войны. Автор имел в виду крымскотатарские полки (конно-татарские полки),

иррегулярные кавалерийские части, сформированные 24 января 1808: Симферопольский, Перекопский, Евпаторийский и Феодосийский. По повелению Александра I командирами полков назначались представители крымско-татарской знати: Феодосийский конно-татарский полк (капитан Али-Мурза Ширинский); Симферопольский (подполковник К. М. Балатуков), Перекопский (подполковник Ахмед-бей Хункалов); Евпаторийский (поручик Ширинский).

К первым десятилетиям XIX в. доходы экономики Крыма поступали, прежде всего, от использования природных богатств. В качестве главного путешественник называет соль: «Соль является основным и наиболее доходным продуктом Крыма. Большие залежи соли Перекопа, Керчи и Козлова, которые принадлежат Казне, приносят ей ежегодно свыше шести миллионов. Несколько более мелких месторождений соли принадлежат частным владельцам, которые имеют от них, однако, немалые прибыли. Значительная часть соли, которая на них добывается, экспортируется морским путем; однако больше всего ее сбывается внутри страны; в Перекоп из года в год прибывает несколько миллионов пустых телег, запряженных парой волов и принадлежащих малороссам, которые перевозят соль внутрь России. Среди соляных озер Крыма следует отметить Сакское озеро, грязь которого обладает целебными свойствами, уже оцененными по достоинству. Его часто посещают немощные люди» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 32].

Соляной промысел был очень доходным для России того времени, в нем было задействована значительная часть населения. Существовали целые селения (слободы) «соляных возчиков», во главе которых стояли назначенные головы; они отвечали не только за перевозку соли, но заботились о «солевозном скоте», а наиболее старательные организовывали оказание помощи «неимущим возчикам». Как отмечал путешественник, «богатые солончаки Крыма...представляют собой высохшие лиманы, наподобие тех, которые я описал. Случается иногда, особенно в годы сильной жары и, если зима была не слишком влажной, что лиманы, на которых обычно солончаки не образуются, неожиданно полностью высыхают; тогда соль открывается и на дне таких лиманов слоями, толщиной в 2–3 дюйма» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 9].

Кроме добычи соли «фруктовые сады являются одной из главных культур Крыма...За последние 15 лет увеличилось количество лучших сортов, а выращивание питомников приобрело большой размах. Крым поставляет в Россию немало яблок, груш, слив, грецких и лесных орехов. Торговля день ото дня возрастает, привлекает в Крым много купцов из Великой России, и составляет одну из отраслей промышленного выращивания этой продукции у татар...Виноградарство является отраслью, на которую владельцы земель на побережье возлагают большие надежды, и с недавних пор оно получило существенный размах» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 28 об.].

Пчеловодство и шелководство не прижилось в Крыму, как сообщал Гибаль, зато скотоводство по-прежнему оставалось главным богатством Крыма, преимущественно в степной его части. Например, из коренных, типичных только для Крыма, пород овец Гибаль упомянул «чудные породы из Козлова, которые называются Астраханский ягненок». По его подсчетам, из Крыма ежегодно

вывозилось на экспорт 30.000 серых и 60.000 черных шкурок; в 1808 г. во всей Таврической губернии имелось 113.101 лошадей, 39.000 голов рогатого скота, 152.900 овец и 5.200 верблюдов, и около половины разводилось в Крыму [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 30].

Путешественник вместе с тем записал: «Мануфактурное производство остается в зародышевом состоянии и не может удовлетворять потребности населения. В Бахчисарае Татары изготавливают ножи и сабли из хорошо закаленной стали; кроме этого выделывают сафьян разных цветов, бурки или накидки из войлока с длинным ворсом, разноцветный войлок, грубого плетения ковры, ткань из хлопка. Все эти товары отличаются высоким качеством. В Карассу-Базаре имеется несколько фабрик по производству грубой ткани, сафьяна, войлока и других материалов. В некоторых местах устроены красильни, мыловарни и прочие незначительные фабрики. В горах население занято производством черепицы, кирпичей и глиняной посуды, также немало тех, кто мастерит телеги и орудия для пахоты, которыми снабжают весь Крым» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 30 об., 31].

Пристальное ознакомление с домашними промыслами населения, с его культурными традициями, природными богатствами исследуемых краев, наблюдение за торгово-рыночными отношениями, привело путешественника к мыслям о необходимости усиления роли собственного ремесленного производства и торговли. В этой связи национальная торговля, не зависящая от турецких купцов, по мнению Гибалья, могла стать залогом развития Крыма. Но он отмечал, что «Внутренняя торговля в Крыму развита слабо, и имеется мало состоятельных купцов. Вместе с тем, рынки изобилуют разнообразием товаров. Татары ведут торговлю внутри страны фруктами и овощами, которые они везут на своих огромных возах до Одессы. Прибрежные татары торгуют на море, развозя товары на своих плохоньких лодчонках в поселения на всем побережье от Севастополя до Феодосии. Внешняя торговля распространяется на более обширное пространство. Она включает, в основном, злаки, большая часть которых поступает из поселений ногайцев, расположенных на реке Молочные Воды, а также из колоний немцев-меннонитов; также экспортируют кожи, сало, соленую рыбу. Эти товары немногим отличаются от тех, что вывозят из прочих мест, расположенных на побережье Черного и Азовского морей. Среди привозных товаров преобладают товары турецких фабрик, которые удовлетворяют потребности татар, армян и другого населения. Торговля с Турцией ведется через порты Феодосии и Козлова» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 31 об].

Вопросу турецкого влияния в Крыму путешественник уделяет достаточное внимание. Сохранявшееся присутствие турок он называл «гнетом», причиной разорения, возникновения эпидемий чумы, экономической отсталости края. По его мнению, турки рассматривали Крым в качестве своей вотчины, поэтому нещадно грабили его богатства. Поэтому он считал необходимым «...подбодрить торговые связи, которые уже установились, и постараться, чтобы Русские взяли торговлю в свои руки». Одновременно, как он считал, уже появились основания к тому, «чтобы торговля Турок сошла на нет» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 221]. Гибаль писал, что «У русских для торговли есть то преимущество перед Турками, что в их

руках имеются товары, которых недостает у населения, причем их множество и все они превосходят качеством турецкие изделия...Вместе с тем Турки не имеют в торговле поддержки со стороны своего правительства; почти все они небогаты и не могут создать купеческие общества, которые могли бы помешать интересам России» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 133].

Прокладка внутренних коммуникаций, сеть которых совершенно не развита на полуострове, в условиях, когда по Южному берегу Крыма путешественник мог с трудом пробираться только верхом, должна стать первоочередной задачей: «Сообщение внутри полуострова развито плохо, и во многих местах, особенно в горах, дорог для проезда телег и вовсе не имеется. На Южном берегу Крыма, как и повсюду на побережье, таких дорог тоже нет. В этом кроется причина того нищенского состояния, в котором прозябает такая прекрасная часть полуострова» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 31 об., 32].

Что касается внешней торговли, то, по наблюдениям П. Гибалья, Россия пока недостаточно использовала Черное море. Так, с княжествами на Черноморском побережье Кавказа она торговала по суше через Грузию караванами из 6–8 лошадей, хотя расцвет ее связан с навигацией по Черному морю; тем более что и здесь у русских также отмечалось преимущество: «...торговый и военный флот России обладает явным превосходством, и одна лодка перевезет больше груза, чем все турецкие суда, вместе взятые. Если до настоящего времени русские не продвинули свои дела в такой области, это можно отнести к их недальновидности, опасениям, которые вызывает до сих пор это негостеприимное побережье, нехватки желания создавать новые учреждения и отсутствию богатых капиталов в России» [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 133 об.].

В целом, личные наблюдения П. Гибалья, обстоятельно отраженные в воспоминаниях, и его аргументированные выводы об отличиях политики России и Турции в отношении Крыма могут свидетельствовать о цивилизаторской роли России, которая преследовала цель интегрировать полуостров в состав империи в качестве полноценной составляющей, развить его потенциал и приумножить его богатства.

Список использованных источников и литературы

1. Архив князя Воронцова / Под ред. П. И. Бартенева. М., 1881. Кн. 20. 531 с.
Arkhirv knyazu Vorontsova / Pod red. P. I. Barteneva. M., 1881. Kn. 20. 531 s.
2. Библиотека для чтения. Журнал. СПб., 1885. Т. 8. Отд. V. 27 с.
Biblioteka dlya chteniya. Zhurnal. SPb., 1885. T. 8. Otd. V. 27 s.
3. Ленц Н. Учебно-воспитательные заведения, из которых образовался Ришельевский Лицей. 1804–1917. Одесса, 1903. VIII, 386 с.
Lents N. Uchebno-vospitatel'nye zavedeniya, iz kotorykh obrazovalsya Rishel'evskii Litsei. 1804–1917. Odessa, 1903. VIII, 386 s.
4. Лернер Н. Первая Одесская газета. Одесса, 1901. 126 с.
Lerner N. Pervaya Odesskaya gazeta. Odessa, 1901. 126 s.
5. Lettres sur Odessa. Par Sicard aîné. St. Pétersbourg, impr. de Pluchart, 1812. 415 с.
6. Одесса. 1794–1894 гг.: К столетию города. Одесса, 1895. 836 с.
Odessa. 1794–1894 gg.: K stoletiyu goroda. Odessa, 1895. 836 s.
7. Петерс Д. И. Наградные именные медали Российской империи за гражданские заслуги (конец XVIII – первая четверть XIX столетия). М., 2007. 397 с.

- Peters D. I. Nagradnye imennye medali Rossiiskoi imperii za grazhdanskie zaslugi (konets XVIII – pervaya chetvert' XIX stoletiya). M., 2007. 397 s.
8. РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Л. 1–242 об.
RGADA. F. 1261. Op. 1. D. 2895. L. 1–242 ob.
9. РГАДА. 1261. Оп. 1. Д. 2896. Л. 1–111.
RGADA. 1261. Op. 1. D. 2896. L. 1–111.
10. Сикар К. Письма об Одессе / Пер. с фр. Н. Трегубова. СПб., 1818. 156 с.
Sikar K. Pis'ma ob Odesse / Per. s fr. N. Tregubova. SPb., 1818. 156 s.
11. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.: от рукописи к книге. М., 1991. 288 с.
Tartakovskii A. G. Russkaya memuaristika XVIII – pervoi poloviny XIX v.: ot rukopisi k knige. M., 1991. 288 s.

Peters T. P. «Not of an unknown person on trip around the Crimea, the Caucasus and new Russia. 1818–1820» as a historical source of information on Crimea (experience of source research).

The article introduces into scientific circulation unknown archival document of the memoirs genre, written in French and dated 1818–1819 gg. It represents the memories of the journey to the southern regions of Russia. Translated into the Russian language are provided extensive details about the journey on the Crimean Peninsula. Discusses issues of attribution (the name and biography of the author of the memoirs) and personal observation of the traveler on the ethnic, geographic and socio-economic status of the Crimean Peninsula in the period. The document is notable for the novelty and relevance, is another historical source of information about the Crimea the first two decades of the nineteenth century and allows you to fill in the gaps of the historical-biographical nature.

Keywords: Memoirs of the 1st half of the XIX century; translated from the French language; introduction to the scientific revolution; historical source about the Crimea.

УДК [001:930] (477.75)–057.4

К БИОГРАФИИ Г. А. БОНЧ-ОСМОЛОВСКОГО: ИСТОЧНИКИ И КОММЕНТАРИИ

Платонова Н. И.

*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: niplaton@gmail.com*

На основании малоизвестных источников, материалов семейного архива восстановлена история формирования архивного наследия выдающегося советского археолога и антрополога, доктора исторических наук Г. А. Бонч-Осмоловского (1890–1943). Обозначены основные проблемы доступности неопубликованного наследия ученого, сосредоточенного в ведомственных архивах Санкт-Петербурга. Проведен подробный анализ состояния личных архивных фондов Г. А. Бонч-Осмоловского, многие сведения дополнены информацией из семейного архива. Вводится в научный оборот неопубликованный очерк А. Ф. Бонч-Осмоловского, дяди ученого, составлены соответствующие комментарии. Также публикуются неизвестные записи из дневника Г. А. Бонч-Осмоловского периода 1916–1918 гг., которые помогают проследить эволюцию общественно-политических взглядов ученого, формирования его отношения к революционным событиям. Сформулирован вывод о необходимости монографического освещения жизни, научного пути и анализа наследия Г. А. Бонч-Осмоловского.

Ключевые слова: Г. А. Бонч-Осмоловский, Н. В. Тагеева, А. Г. Бонч-Осмоловский, А. Ф. Бонч-Осмоловский, семейный архив.

1. Архив Г. А. Бонч-Осмоловского: современное состояние

Значение работ Глеба Анатольевича Бонч-Осмоловского (1890–1943) далеко выходит за рамки региональных исследований Крыма. Но именно с Крымом связаны его крупнейшие открытия в области палеолитоведения. Сейчас в литературе имеется уже значительная серия публикаций с анализом различных источников о жизни и деятельности выдающегося ученого-энциклопедиста (Васильев, 1994; Платонова, 1995; 2005; 2009 и др.). Давно уже назрела необходимость их полного обзора и монографического обобщения. Однако архив Г. А. Бонч-Осмоловского, разделенный между двумя хранилищами – Рукописным архивом ИИМК РАН и Архивом Российского Этнографического музея, до сих пор остается не до конца обработанным. Это делает его закрытым – согласно современному российскому законодательству – для исследования и ссылок.

Археологические и антропологические коллекции Г. А. Бонч-Осмоловского, сосредоточенные в МАЭ РАН, ныне полностью доступны для исследования и активно изучаются учеными. Документальному и рукописному его наследию повезло значительно меньше. Судьбу материалов, переданных в архивы, я постаралась уточнить в середине 2000-х гг. (Платонова, 2005). Они были сданы на ответственное хранение еще в начале 70-х гг. XX в., но обработка фондов затянулась на десятилетия. Причиной тому с самого начала послужило отсутствие в архивах ЛОИА АН СССР и ГМЭ (ныне – ИИМК РАН и РЭМ) необходимого количества научно-технического персонала. Так было в 70–80-х гг. XX века, но,

разумеется, ни в годы «перестройки», ни в период сменявших друг друга «кризисов» никаких перемен к лучшему тут не произошло.

В сущности, сейчас сложилась «патовая» ситуация. Хотя в последнее время руководство Научного архива ИИМК РАН старается интенсифицировать обработку фондов, трудно рассчитывать на то, что в ближайшие годы именно материалы Г. А. Бонч-Осмоловского будут полностью систематизированы, а опись фонда утверждена в Архивном комитете Санкт-Петербурга и Ленинградской области (без чего теперь невозможны официальные ссылки на эти источники). Но высокая актуальность научного наследия Г. А. Бонч-Осмоловского в контексте современной науки заставляет искать выход из создавшегося положения. В какой-то степени выход был подсказан недавно, когда трудами Е. А. Бонч-Осмоловской и ряда ее помощников¹ в Москве увидела свет книга «Бонч-Осмоловские. Воспоминания» (Бонч-Осмоловская (ред.-сост.), 2015).

Эта книга – прекрасно изданная, хотя и не имеющая справочного аппарата – представляет собой интереснейший сборник мемуарных и эпистолярных свидетельств, сохранившихся в домашних архивах различных ветвей рода Бонч-Осмоловских. Первоначально она задумывалась как узко семейный проект – публикация «для своих». Однако сейчас уже видно: ее значение шире. Опубликованные источники представляют интерес не только для потомков, но и для историков. Они дают информативный хронологический срез жизни русского провинциального дворянства с 1840-х до 1910-х гг. Они показывают в динамике особенности бытового уклада и менталитета нескольких поколений русского образованного общества, помогают понять механизмы нарастания в нем противоречий и т. д.

В сборнике представлена переписка родного деда Г. А. Иосифа (Осипа) Александровича Бонч-Осмоловского (1831–1879) с целым рядом родственников; воспоминания отца и матери Г. А., двух его братьев и т.д. Материалов, непосредственно касающихся Г. А. и его деятельности, книга почти не содержит – они туда попросту не вместились. Их следует публиковать только отдельным томом (скорее, томами) и только с научным комментарием. Однако уже осуществленная публикация обширного комплекса документов, характеризующих среду, из которой вышел ученый, должна иметь большое значение на новом этапе работы.

Соответственно, первоочередной задачей сегодня становится анализ и публикация документов той части архива Г. А., которая осталась в распоряжении его родных и не может быть закрыта ни от них, ни от других исследователей². Опыт создания первой книги уже показал, как много может дать такая работа, если семейное собрание богато. В данном случае сомневаться в том не приходится.

¹ *Бонч-Осмоловская (урожд. Формозова) Елизавета Александровна (род. 1951)* – доктор биологических наук, профессор, заведующий Лабораторией гипертермофильных микробных сообществ Федерального исследовательского центра РАН «Фундаментальные основы биотехнологии» (Москва). Внучатая племянница Г.А. Бонч-Осмоловского.

² После смерти сына Г. А. Бонч-Осмоловского Андрея Глебовича (1929-2001) распорядителями архива являются автор этих строк и наша дочь Ольга Андреевна Бонч-Осмоловская. На документы этого собрания (включая копии тех, что были сданы в архивы) делается ссылка: «Арх. авт.».

2. Н. В. Тагеева – систематизатор архива Г. А. Бонч-Осмоловского

Появление личных фондов Г. А. Бонч-Осмоловского в архивах ЛОИА и ГМЭ в 1970-х гг. явилось результатом самоотверженных трудов вдовы ученого Надежды Викторовны Тагеевой¹. Именно ею все оставшиеся от него материалы были разобраны, систематизированы, частично скопированы и переданы на хранение.

В фонде Г. А. Бонч-Осмоловского в ГМЭ/РЭМ, помимо материалов к биографии, подготовленных Н. В. Тагеевой (машинописная копия ее очерка «Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский как этнограф-музеевед», с приложениями), хранятся его рукописи, полевые дневники и другие документы, связанные с этнографическими экспедициями к горным хевсурам (1910–1912 гг.) и исследованиями крымских татар (1920-е гг.).

В архиве ЛОИА/ИИМК РАН основу фонда Г. А. Бонч-Осмоловского (№ 71 по описи фондов) составляют наброски и черновики научных работ по археологии, конспекты публичных выступлений, докладные записки, деловая и научная переписка и т.д. Неразборчивые рукописи Г. А., как правило, сопровождаются машинописными копиями, сделанными Н. В. Тагеевой. Письма к нему зарубежных коллег были переведены ею на русский язык. Наряду с этими материалами, в фонде хранится другой неопубликованный очерк Надежды Викторовны – «Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский как археолог-доисторик».

В ГМЭ приемка фонда Бонч-Осмоловского была поручена научному сотруднику Э. Г. Торчинской. В марте 1976 г. она написала Н. В. Тагеевой в Москву: «...примерно, месяц тому назад, в связи с осложнениями по линии строительства экспозиции „Азербайджанцы“ (отсутствие оборудования и т.д.), у меня появился просвет, и я срочно занялась архивом. Не было бы счастья, да несчастье помогло. По мере работы, я все более и более убеждаюсь, что проделанная Вами работа достойна не только уважения, но и восхищения. По сути дела, Вы сделали доступными все записки Г. А., потому что прочесть их смог бы не каждый. Но, несмотря на то, что материал прекрасно подготовлен, приходится, выполняя требования нашего заведующего архивом, все размещать по специально для этого дела предназначенным папкам и конвертам, подшивать, прошивать, пронумеровывать листы. [...]. Все это заняло довольно много времени...» (Арх. авт.).

«В свою очередь, в 1978–1979 гг. мне самой довелось, по окончании кафедры археологии ЛГУ, некоторое время работать в Рукописном архиве ЛОИА. Там я имела возможность ознакомиться с недавно принятым (на тот момент) фондом Бонч-Осмоловского. На мне лежала обязанность сличить машинописные экземпляры с публикациями, выявить дублиеты и т.п. По ходу этого я впервые

¹ Тагеева Надежда Викторовна (1904–1994) – жена Г. А. Бонч-Осмоловского (1939–1943). Геохимик, доктор геолого-минералогических наук. Родилась в Крыму, в семье известного инженера В.Л. Тагеева. Среднюю школу окончила в Феодосии. В дальнейшем окончила географический факультет ЛГУ (1922–1929 гг.). В 1929–38 гг. работала в Ленинграде, в Геохимическом (с 1932 г. – в Нефтяном) институте. В ноябре 1941 г. эвакуирована в Казань вместе с Г. А. Бонч-Осмоловским. С 1945 г. – докторант, в 1949–1963 гг. – научный сотрудник Радиевого института в Москве. Скончалась в Санкт-Петербурге, в доме своих племянниц Семёновых-Тянь-Шанских.

прочла очерк о Г. А., скромно названный Надеждой Викторовной «материалами к биографии». Знакомство с ним произвело на меня сильное впечатление и, во многом, обусловило мой последующий интерес к личности и творчеству этого выдающегося ученого.

Значительно позднее, в 1990 г., я узнала, что, помимо очерков «Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский как археолог-доисторик» и «Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский как этнограф-музеевед», Н. В. Тагеевой был написан третий – «Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский на Воркуте». Однако его она не рискнула в 70-х гг. XX в. передать на хранение в государственный архив. Несколько машинописных копий осели в семейных собраниях.»

В середине 80-х гг. XX в. Надежда Викторовна, предвидя свою кончину, передала все оставшиеся у нее документы и материалы Андрею Глебовичу Бонч-Осмоловскому. Среди них оказалось немало материалов к биографии Г. А., которые она не стала сдавать в государственные хранилища, а также машинописные копии подготовленных ею биографических очерков и копии многих других документов.

Сразу отметим: очерки Надежды Викторовны о Г. А. Бонч-Осмоловском начисто лишены «мемуарной составляющей». Она стала его женой достаточно поздно и не являлась свидетельницей его увлекательной исследовательской эпопеи на Кавказе и в Крыму, которая оборвалась в 1933 г. в связи с арестом ученого. Так что писать ей пришлось о чужой жизни, о людях, которых сама она едва знала. Но безусловно это первая серьезная попытка создать научную биографию Г. А. Бонч-Осмоловского.

Если бы ее тексты были изданы в 1970-х гг., для современников они стали бы откровением. С высоты нашего времени, они уже несколько устарели: слишком много фигур умолчания бросается в глаза. Будучи по природе человеком «закрытым», вдобавок сформированным сталинской эпохой, «Эн Вэ, эта железная женщина» (так называл ее пасынок!) привыкла о многом не откровенничать. В ее очерках нет живых воспоминаний даже о последнем периоде – пяти годах их совместной жизни с Глебом (1939–1943). О себе самой она не говорит ни слова. А ведь могла бы рассказать!

Она была моложе его на 14 лет, училась у него в 1920-х гг. на географическом факультете. Должна была помнить, как проходили занятия. Вероятно, наблюдала, что творилось в университете в знаменательный период его коренной перестройки 1929 г., когда ее будущий муж и другие палеоэтнологи были вынуждены оставить преподавание... Ни слова.

Она стала женой Глеба после его освобождения из Воркутинских лагерей, когда еще не была снята судимость и не было права въезда в Ленинград. Она прятала его в своей квартире в дни его нелегальных приездов, пользуясь тем, что ни дворник, ни соседи не догадывались о «сто первом километре». Тогда же она дала ему обещание: *в случае его смерти довести до конца его труд о палеолите Крыма...* И об этом у нее тоже – ни слова.

Г. А. Бонч-Осмоловский

*Г.А. Бонч-Осмоловский – студент
СПб университета. 1909–1910 г.*

Она была с ним в пору его величайшего триумфа – накануне войны Академия наук все-таки пропустила в печать первую монографию бывшего зэка (Бонч-Осмоловский, 1940). Этому предшествовал бесконечный сбор рекомендаций, характеристик, отзывов... В результате судимость была снята, ИИМК распахнул перед ним двери и даже успел в сентябре 1941-го года провести его докторскую защиту... Ни слова.

Она ехала с ним, больным, в эвакуацию, когда в ноябре 1941-го их обоих вывезли самолетом из блокадного кольца. Потом, как могла, налаживала жизнь в Казани в 6-метровой комнатке с построенным сверху «вторым этажом» для его тринадцатилетнего сына Андрея¹. Тогда же и сама начала активно работать в геологии... Ни слова.

После кончины Г. А. в ноябре 1943 г. она три дня и две ночи провела наедине с его телом, отправив Андрея к знакомым и не пуская в комнату никого... Потом достойно похоронила мужа и стала выполнять то, что обещала ему еще в довоенном Ленинграде. Выполнила. Разобрала, перепечатала и подготовила к публикации целую

грудю совершенно неудобочитаемых черновиков – материалов к третьему тому серии «Палеолит Крыма». Не будь ее упорства, издание этой книги под редакцией В. В. Бунака (Бонч-Осмоловский, 1954) оказалось бы попросту невозможным. От гонорара – весьма солидного – она отказалась в пользу Андрея... Но обо всем этом тоже – ни слова.

«Я помню ее сухонькой старушкой, вполне разумной и деятельной. Это было в начале 1991 г. На тумбочке стояла бронзовая статуэтка молодой женщины –

¹ В самом начале войны отец категорически настоял на отправке мальчика из Ленинграда в эвакуацию. Мать Андрея Ольга Георгиевна оставалась в блокадном Ленинграде, работала медсестрой в госпитале. Выехав сам в эвакуацию, Г. А. в 1942 г. нашел сына в Сибири, в детдоме, и забрал его к себе в Казань.

изумительно стройной и напряженной, как струна. Такую фигуру не могли испортить ни штормовка, ни высокие сапоги, которые угадывались в бронзе... Мне сказали: «Это Надежда Викторовна...»

Мне очень хотелось узнать хоть что-то из ее прошлого, связанного с Г. А. Как случилось, что тогда, в конце 1930-х гг., они все-таки нашли друг друга? Ведь учеба на геофаке – это было так давно. А приезды его в Ленинград по необходимости бывали очень короткими... Мне казалось, мое любопытство удивляет ее и смешит. «Он сам нашел меня... – сказала она мимоходом, – это была его инициатива...» И все! Никаких подробностей!».

Так или иначе, ее труд уникален. «Железная женщина» не ограничилась составлением биографических очерков, которым, конечно, предстояло устареть достаточно быстро. Она сопровождала их целыми томами «Приложений», куда вошли перепечатки газетных публикаций, связанных с работами Г. А., копии писем, справок, заявлений, многочисленные фотографии и т. д. В наши дни, когда подлинники этих документов, по большей части, оказались недоступными для исследователей, значение таких подборок трудно переоценить.

Вторая, не менее важная часть семейного собрания – это материалы личного архива разведенной жены Г. А. Бонч-Осмоловского – Ольги Георгиевны (урожд. Морозовой), матери Андрея.¹ Сохранилась обширная переписка Г. А. с ней и с другими людьми. Наиболее ранние письма датируются 1918 годом. Среди них присутствуют и не менее 36-ти его писем из Воркутинских лагерей (1934–1936 гг.) к жене и пасынку Георгию (с их ответами). Самостоятельный интерес представляют собой ее воспоминания, из которых пока опубликована лишь часть, посвященная дореволюционному периоду (Морозова, 1964; 1976). Редкостным документом эпохи являются личные дневники Ольги Георгиевны, которые она вела всю жизнь и в которых фигура Г. А. отразилась тысячекратно.²

Все эти материалы, взятые вкуче, вполне могут стать основой научной биографии ученого. В контексте других источников, а именно – проработанных мною ранее документов Архива ФСБ, связанных с Г. А., а также – материалов фондов ГАИМК и ИИМК АН СССР в архиве ИИМК РАН, источниковая база обобщающего научно-биографического исследования может считаться вполне удовлетворительной.

3. Три документа из семейного архива Г. А. Бонч-Осмоловского: публикация и комментарий

После общего обзора ситуации мне хотелось бы вновь обратиться к конкретике и рассмотреть ряд свидетельств о жизни и деятельности Г.А., которые до сих пор

¹ *Бонч-Осмоловская Ольга Георгиевна (1895–1975)* – жена Г.А. Бонч-Осмоловского (1921–1938). Художник и педагог. В 1920-х гг. сотрудничала с Детгизом. На рубеже 1920–1930-х гг. работала в области монументальной живописи. Исполняла росписи музейных залов (экспозиции этнографического отдела Русского музея, Музея революции, Четвертичной выставки АН СССР и пр.). С 1934 г. начала преподавать в художественных студиях и школах Ленинграда. Талантливый писатель-мемуарист.

² Выборочную публикацию дневников см.: (Бонч-Осмоловская, 2010).

явно недостаточно попадали в поле зрения историков. На эти документы неоднократно делались ссылки, но они никогда не анализировались в целом. Фактически имело место «выдергивание» отдельных фактов вместо комплексного анализа источника по содержанию.

Первый из трех публикуемых документов представляет собой небольшой очерк, озаглавленный «Несколько слов о Г. А. Бонч-Осмоловском». Его автор – Александр Фёдорович Бонч-Осмоловский (см. коммент. 1) – приходился Г. А. двоюродным дядей, хотя по возрасту был немногим старше своего племянника¹. Свои воспоминания он написал в старости, живя во Владимирской области после 10-летней отсидки в лагерях. Поэтому о многом в них говорится осторожно; не обошлось и без ряда привычных идеологических штампов того периода. И все же эти воспоминания представляют огромный интерес. Мемуары Александра Фёдоровича о его гимназической юности, об отце, матери и братьях недавно увидели свет в упомянутом выше сборнике (Бонч-Осмоловская (ред.-сост.), 2015: 469–572). Очерк о Г. А. так и остался неопубликованным; в семейном архиве представлены его рукописный автограф (с правкой) и машинописная копия. В настоящей статье текст приводится полностью, без сокращений (исключены лишь фрагменты, вычеркнутые самим автором).

Второй публикуемый документ – очерк «Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский», написанный Николаем Павловичем Анциферовым (см. коммент. 10). В семейном архиве представлен рукописный автограф автора с правкой и машинописная копия, сделанная, возможно, Н.В. Тагеевой. Другая авторская копия очерка находится в личном фонде Н. П. Анциферова в ОР РНБ (ф. 27, ед. хр. 21). Его содержание кратко пересказано в именном указателе к изданным посмертно воспоминаниям Н. П. Анциферова, в разделе «Бонч-Осмоловский Глеб Анатольевич» (Добкин, 1992, с. 464). Но полной публикации очерка до сих пор не появлялось. Поэтому я привожу его здесь, в едином комплексе предыдущим.

Как можно предположить, оба очерка были написаны в конце 40-х – начале 50-х гг. XX в. по просьбе старшего брата Г. А. – Ивана Анатольевича, много занимавшегося историей семьи. Вероятно, он передал их Н. В. Тагеевой, когда узнал о ее работе над биографией Глеба.

Третий публикуемый документ – письмо, написанное самим Г. А. зимой 1914/1915 г. и адресованное тому же Н. П. Анциферову – ближайшему другу всей его жизни. Данный текст уникален, ибо вся довоенная переписка Анциферова, по его собственным словам, погибла в 1942 г. (см. ниже). Но это письмо каким-то образом уцелело и было передано Бонч-Осмоловским. Оно тем более интересно, что других документов, отражающих мировоззрение и внутренние искания Г. А. в период до 1917 г., практически не сохранилось. В семейном архиве хранится автограф письма, а также его фотокопия и машинописная копия, сделанные мною в 1990 г.

¹ Отцом его был Фёдор Александрович Бонч-Осмоловский (1836–1900) – двоюродный дед Г. А., профессиональный военный, начавший службу вольноопределяющимся во время «турецкой кампании» на Дунае 1854 г. (унтер-офицер, затем юнкер Полоцкого пехотного полка). Настоящее боевое крещение он получил в Севастополе в 1855 г. За бой на Черной речке был награжден солдатской бронзовой медалью и произведен в офицеры. Под конец жизни дослужился до генерал-майора.

Г. А. Бонч-Осмоловский на фронте. 1915–1916.

По содержанию все три текста прекрасно дополняют один другой. Поэтому сопровождающий их комментарий имеет единую сквозную нумерацию. При публикации документов в них была внесена минимальная редакторская правка (расстановка пунктуации и перевод из дореволюционной системы орфографии в современную; отдельные орфографические исправления оговорены в примечаниях).

3.1. А. Ф. Бонч-Осмоловский¹ Несколько слов о Г. А. Бонч-Осмоловском

Глеб Анатолиевич Бонч-Осмоловский происходил из старинной белорусской фамилии, в течение нескольких столетий проживавшей на границе между Могилевщиной и Смоленщиной, губерниями в полосе многовековой борьбы между Москвой и Польшей за право обладания коренными русскими землями, завоеванными Литвой. Фамилия эта всегда была православной и считала себя русской, несмотря на то, что находилась под властью Литвы и Польши².

Отец и мать Г. А. оба принадлежали к слою передовой революционной интеллигенции, и, хотя обладали земельной собственностью, но были активными борцами за Землю и волю для всего народа и подвергались репрессиям со стороны царского правительства³. После Октябрьской революции родители Г. А. оба

получили за революционные заслуги персональные пенсии, отец был членом Общества Политкаторжан и Ссылнопоселенцев.

Благотворные семейные влияния наложили с самого раннего детства определенные отпечатки на душевный склад Г. А. Семья была трудовая и всегда близкая к крестьянству, деревенские ребята были равными участниками детских игр Г. А. Глубочайший психологический, а не надуманный и теоретический демократизм стал характерной чертой его нравственного облика. С этим соединялась и само собой развивающаяся ненависть к самодержавию, душителью прогресса и неприкрытому представителю помещичьих и капиталистических интересов, к самодержавию, которое репрессировало родителей и братьев юного в то время Глеба Анатолиевича.

С начала первой империалистической войны Г. А. поддался общему течению, охватившему русское общество, и почел себя обязанным, не ожидая мобилизации, стать активным защитником Родины против немецкой агрессии. Он пошел добровольцем в армию⁴. Служил шофером в танковых войсках⁵, ходил в опасные разведки и, простудившись, заболел туберкулезом. Он с восторгом принял февральскую революцию. Вследствие большой отчужденности офицерства царской армии от солдат, с началом революции солдатская масса осталась почти без руководства. Офицеры попрятались, были в своем большинстве политически неграмотны, рабочая и культурная прослойка среди солдат была незначительна. Солдатская масса, предоставленная сама себе и не разбиравшаяся в сложном политическом положении, нуждалась в руководстве, требовалось организовать ее и придать неосознанному революционному порыву какие-то организационные формы. Стал, прежде всего, вопрос о форме власти, монархические иллюзии еще находили себе сторонников среди отсталых деревенских парней, одетых в солдатские шинели.

Г. А. решил, что нужно побороть этот традиционный монархизм и внедрить в сознание солдат необходимость радикальных политических перемен.

Со всем пылом молодости и со всей своей кипучей энергией приступил он к организации «Союза солдат-республиканцев»⁶. По делам этой организации он приезжал ко мне в Ораниенбаум в апреле 1917 г., в Первый пулеметный полк, сыгравший решающую роль в февральской революции. Союз солдат-республиканцев на первых порах в марте–апреле 1917 г. собрал многих сторонников, но в ходе революционной борьбы это эфемерное соединение было сметено могучей волной движения «За власть Советов», движения, имевшего под собой и ясные классовые корни, и гениальное руководство. Ныне о «Союзе солдат-республиканцев» приходится вспоминать только в связи с биографией Г.А. и, может быть, кое-кого из его друзей того периода.

С победой Октябрьской революции Г. А. стал в ряды активных деятелей нового режима. Борьба с туберкулезом привела его в Крым. Здесь он принял горячее участие в охране художественных и исторических ценностей этого уголка страны. Он стал руководителем «Крымохрист»а, организации по охране в Крыму памятников искусства. С захватом Крыма белыми ему пришлось, как активному советскому работнику, скрываться, чтобы избежать репрессий, которым он был бы, несомненно, подвергнут⁷.

Г. А. Бонч-Осмоловский в кратковременном отпуску с фронта. Март–апрель 1916.

Мне пришлось встретиться с Г. А. в Москве в 1924 году по должности ученого секретаря Главнауки Наркомпроса РСФСР. Он явился в это учреждение, чтобы хлопотать об ассигнованиях на научную археологическую и этнографическую работу в Крыму. Он поражал меня своей энергией, настойчивостью и завидным умением подходить к людям и добиваться успеха у людей даже весьма далеких от его интересов. Только этим можно объяснить то, что молодой ученый с первых же годов советской власти (когда Академия Наук была в стороне от основного течения) сумел привлечь внимание на свою, такую далекую от текущих злоб дня, область своих научных интересов. В этом сказались быть может его исконный демократизм, умение располагать к себе людей и находить правильный путь в сложной обстановке, создаваемой жизнью.

Покойный президент Академии Наук В. Л. Комаров очень ценил научные заслуги Г. А. и много сделал для того, чтобы создать необходимые условия для его труда и продвинуть его работы в печать. Прочитав в отдаленной глуши работу Г. А. о кисти открытого им в Крыму неандертальца, я написал на последней странице этого труда:

«Как жаль, что безжалостная смерть помешала автору довести до конца свой труд, который, в результате тщательного анализа фактов, кажущихся на первый взгляд мелкими и незначительными, приводят к выводам столь важным и замечательным»⁸.

Комментарий:

1. *Бонч-Осмоловский Александр Фёдорович (1882–1951)* – юрист и востоковед. Родился в г. Симбирске (совр. Ульяновск), в семье полковника Ф. А. Бонч-Осмоловского. Окончил гимназию в г. Верном (совр. Алма-Ата, Казахстан) и юридический факультет Санкт-Петербургского университета. До революции жил и работал в Симбирске. В 1920-х гг. – сотрудник Главнауки Наркомпроса (Москва). Область научных интересов – Дальний Восток, Япония. В 1937 г. репрессирован, 10 лет провел в лагерях. По освобождении жил в д. Пенкино Владимирской обл.

2. Этим объясняется экономический упадок рода Бонч-Осмоловских в XVIII в. «В Литовско-Польском государстве лица греческой православной веры считались схизматиками, не имели права занимать должности на государственной службе и участвовать в сеймовых собраниях...» (Бонч-Осмоловский, 2015, с. 6). Таким образом, православные дворянские семьи, не желавшие переменить веру по конъюнктурным соображениям, обрекались на прозябание и постепенное обнищание. Лишь

после раздела Польши и присоединения западнорусских губерний к Российской империи все грамотные дворяне, независимо от вероисповедания, получили право поступать на государственную службу. Однако нехватка средств на образование, обычная в таких старинных, но обедневших православных семьях, приводила к тому, что дворянские отпрыски начинали карьеру с самых нижних ступеней, порою с «нижних чинов». Лишь природные способности, самообразование и упорство позволяли им в ряде случаев достичь определенных высот. Именно так сложилась судьба родного деда Г. А. Иосифа (Осипа) Александровича и его брата Фёдора. Начав с самых низов, оба они дослужились до генеральского чина.

3. *Анатолий Осипович Бонч-Осмоловский (1857–1930)* – революционер-народник, член организаций «Земля и Воля» и «Черный передел». Впоследствии – эсер. Его жена *Варвара Ивановна (урожд. Ваховская) (1855–1929)* до конца жизни не изменила народническим убеждениям своей юности. Их дети (кроме Глеба Анатольевича) до октября 1917 г. активно участвовали в революционном движении, состояли в партиях эсеров (различных толков) и социал-демократов (меньшевиков). После большевистского переворота все они полностью отошли от политики. Подробнее о революционной деятельности Бонч-Осмоловских см.: (Клейн, 1986; Бонч-Осмоловская /ред.-сост./, 2015, с. 239–464).

4. О добровольном уходе Г. А. Бонч-Осмоловского на фронт Первой Мировой войны значительно полнее говорится в воспоминаниях Н. П. Анциферова (см. ниже).

5. В моторизованных войсках.

6. Об организации «Союз солдат-республиканцев» см. прим. 18 и раздел 4.1.

7. Здесь налицо некоторая путаница. Г.А. Бонч-Осмоловский стал советским работником и руководителем Крымохриса уже после окончательной победы красных, в конце 1920 г. Поэтому он никак не мог быть репрессирован за это белыми. Однако его участие в красном подполье при Врангеле – бесспорный факт.

8. Данный пассаж в оригинале вписан по-французски и затем переведен на русский язык самим автором.

3.2. [Н. П. Анциферов]⁹ Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский¹⁰

При Эрмитаже в 1910 году был создан кружок, поставивший себе целью подготовку руководителей экскурсий с рабочими. Нельзя до революции откладывать усиление культурно-просветительной работы среди широких масс. Революция нуждается в повышении культуры пролетариата. Кружок состоял из студентов университета и курсисток Бестужевских курсов. Увлекательная работа по изучению собраний Эрмитажа, вдохновляемая высокой целью, вскоре сплотила группу молодежи. Из-за опасения нарушить быстро и хорошо определившийся характер кружка его члены замкнули свои ряды, и прием новичков стал затруднителен. Один из членов «Эрмитажного кружка», Левко Чикаленко¹¹, много позднее предложил принять нового сочлена – Глеба Анатольевича Бонч-Осмоловского. «Я за него ручаюсь, он очень хорош со своей ясной и открытой улыбкой. К тому же он сын народовольцев. И отец, и мать его – участники процесса 193-х¹²». Рекомендация казалась солидной. Бонч был принят. Мы сразу узнали его в вестибюле Эрмитажа по ясной и открытой улыбке умного лица.

Бонч не походил на обычного студента тех лет. В нем не было ничего размашистого. Он не носил длинных волос. Брил усы и бороду. Одевался скромно. Костюм его не выделялся ни небрежностью, ни франтовством. Бонч не был, как большинство нашего кружка, историком. Он был студентом естественно-исторического факультета¹³ и занимался этнографией. Впрочем, выбор специального вопроса казался нам, его товарищам по кружку, весьма

своеобразным – он занимался кавказским племенем Хевсуров, которое сохраняло свой рыцарский быт средневековья и считалось племенем, образовавшимся из потомков крестоносцев, осевших при отступлении из Азии в Кавказских горах.

Бонч долее других не срослся с нашим кружком. В нем был скепсис, «охлажденный ум». Он не разделял нашей веры в близость революции. Смущала нас и вольность его суждений о женщинах, не нравилось и то, что он единственный из нас курил. «Наш Бонч слегка подпорчен, как сыр рокфор». Левко начинал каяться, что ввел его в нашу среду: «Что я наделал! Он чужой! Теперь „отцы и дети“ наоборот. Дети пламенных отцов – усталые, маловерные. Выросшие в революционной среде они с детства к ней привыкли, она лишена в их глазах возвышающей романтики». Так рассуждал Левко. Однако наши опасения не оправдались. Вскоре мы оценили Бонча и полюбили его¹⁴. Мы ощутили в нем большую скрытую энергию, мы убедились, что он талантлив, умен, что его научные интересы и своеобразны, и глубоки. Он стал желанным нам и деятельным членом Эрмитажного кружка, работа которого началась неожиданно не с рабочими, а с учителями, съехавшимися на всероссийский съезд в декабре 1913 года.

В 1914 году вспыхнула I-ая германская война. В Эрмитажном кружке начался разброд. Позицию пораженческую занял один Левко. Отец Т[атьяны] С[ергеевны]. Стахевич¹⁵, одного из самых ярких сочленов кружка – С[ергей] Г[ригорьевич] Стахевич (близкий Н.Г. Чернышевскому, автор воспоминаний о нем) считал желанным исходом войны поражение России и Германии. «Как же это возможно! Ведь эти страны в смертельной схватке. Не может же один из членов Антанты быть разбитым в то время, как другие сделаются победителями». «Поживем, увидим», – отвечал мудрый старик. Отец имел влияние на нашу Татьяну Сергеевну. После одного горячего спора она сказала про Чикаленко (после его ухода): «У вас интеллигентские разглагольствования, а у него кровь кипит». Эти слова запомнил Глеб, который был в те годы очень увлечен Т. С. Стахевич. Из нашего кружка только один пошел добровольцем на войну – А[ндрей] В[ячеславович] Тищенко, очень талантливый начинающий ученый, оставленный при университете¹⁶. Он был убит в первых же боях в Восточной Пруссии.

Мы ждали своего часа, но не торопили его. Бонч стал по-новому задумчив. Неудачи русских войск все сильнее и сильнее действовали на его сознание. Одним вечером он пришел ко мне со странною улыбкой, словно смущенный: «Коля, я иду на фронт. Я не могу больше ждать призыва. И я пойду на передовые позиции. Воевать, так воевать. Я буду разведчиком». Я понял эту его милую, смущенную улыбку. Бонч не хотел предстать передо мной героем. Я попрощался с ним, мало веря в возможность новой встречи. Он писал мне часто и подробно. Я берег эти письма, в которых было столько мужества, простоты, силы и скромности. Все эти письма погибли со всем моим архивом в пожаре, уничтожившем Детское Село в дни блокады Ленинграда.

Весной 1917 года Бонч вернулся с фронта в Ленинград¹⁷. Он заболел туберкулезом, но не хотел лечиться: «Не время!»

Глеб занялся организацией культурно-просветительной работы, насколько она была возможна в те лихорадочные месяцы¹⁸. Но болезнь взяла свое: Глеб свалился и

был помещен в Обуховскую больницу. Я навестил его и был потрясен, как быстро изменилось лицо больного. В бессильном гневе на свою болезнь Бонч был очень хорош. Он порывался вернуться к начатому им делу, столь увлекавшему его, но сил уже не было. Нужно набраться новых сил, и Глеб согласился уехать на уютный берег Крыма. Пожимая ему на прощанье руку, я опять думал: «Увижу ли еще?»

Прошло несколько решающих лет. Не помню, в каком году Бонч вернулся в Ленинград¹⁹. В Крыму он произвел переоценку своих верований. Горячий патриот, любивший Россию «нутром и чревом», Бонч резко повернул в сторону большевиков. В них он теперь чтит подлинных патриотов, единственную силу, способную восстановить мощь России²⁰. В Крыму он работал в подполье. Движение белых он осознал как враждебное русскому народу. Как грустно мне сознаться, что я не запомнил его интереснейших рассказов о том времени!

Теперь начался новый период жизни нашего Глеба. Он со свойственным ему энтузиазмом, который всегда сопровождал его деятельность, обратился к науке. Романтическое увлечение «рыцарственными» хевсурами уже давно прошло бесследно. Бонч занялся палеолитом. Его пребывание в Крыму, где с особой силой ощущается глубь веков, сложность и обилие культурных отношений, направило интерес Бонча к прошлому Тавриды. Как геологи, изучая напластования различных горных пород, доходят до архейской эры, так мысль Бонча остановилась на самом древнем, начальном периоде человеческой культуры – палеолите.

Из рассказов Глеба о своих работах, приведших его к открытиям большого научного значения, я заключил, что в нем счастливо сочетался историк с естественником и даже с математиком. Ум Бонча при всей горячности темперамента был трезвый, даже холодный. Обычно холодность и трезвость сочетаются с осторожностью. Но Бонч сумел их сочетать с большой смелостью, научным дерзанием. Я помню Глеба на конференции археологов в Херсонесе (в дни грозного землетрясения)²¹. Его доклад (на который я опоздал приехать из Гаспри) вызвал бурю со стороны консерваторов в науке. Бонч защищался стойко, с полным сознанием своей правоты. И он победил своих противников и заслужил всеобщее признание.

То, что мне приходилось слышать о нем даже от близких ему людей, не совпадает с моим восприятием старого друга. Мне говорили о его властности, граничащей с суровостью. Если в многогранной натуре Глеба и была эта черта – она обуславливалась его беззаветной преданностью своему делу. В общении со мной была другая грань – сердечной внимательности. Я никогда не забуду того выражения нежности на лице Глеба, которое я заметил у него, когда он играл с моей старшей дочерью. Это были дни его временного возвращения с фронта на побывку в Петроград.

Трезвый ум Глеба иногда подрывал его иллюзии, и в нем пробуждался былой скептицизм. Я знал эти периоды его грустного раздумья. Но деятельная натура и его увлечения помогали Бончу преодолевать приступы скептицизма. Я любил беседу с ним. Он умел рассказать, умел и выслушать. Его суждения меня всегда интересовали. Столько в них было ума! Часто мы расходились, спорили. Но я всегда уважал мнения Глеба: они вытекали из его сущности, которую я любил.

Бонч ведет дискуссию...
 Карикатура Елены Георгиевны Морозовой. 1918 – нач. 1919 г.

Помню нашу последнюю встречу. Это были годы войны в Европе, еще не перенесенной на родные поля. После вялых боев на Западном фронте наступил *furor teutonicus*. Франция была накануне поражения. Глеб верил уже тогда, что в ней пробудятся силы сопротивления. Он умер уже в те месяцы, когда силы гитлеровских полчищ были надломлены на полях его родной земли. Но ему не удалось дожить до торжества победы, не довелось ему довести до конца свои труды над таврическим палеолитом.

Комментарий:

9. *Анциферов Николай Павлович (1889–1958)* – историк, педагог, культуролог, стоявший у истоков отечественной урбанистики. Окончил Петроградский университет (1915), был оставлен при кафедре всеобщей истории. Член Эрмитажного кружка, ближайший друг Г. А. Бонч-Осмоловского, с которым они общались и вели переписку на протяжении всей жизни. В 1920-х гг. Н. П. Анциферов сыграл большую роль в развитии краеведческого движения в стране. С 1921 г. работал в Экскурсионном институте (гуманитарный отдел). Вел семинарии по градоведению, готовил руководителей экскурсий по Петрограду и пригородам. Уволен оттуда в связи с первым арестом и высылкой, оказавшейся кратковременной (1924). В дальнейшем – научный сотрудник Центрального бюро краеведения при АН СССР (Ленинград). Параллельно читал лекции в Институте истории искусств и 2-м Педагогическом институте. В 1929 г. вновь арестован по делу религиозно-философского кружка А. А. Мейера; отправлен на Соловки. В 1930 г. получил дополнительный срок по «Делу Академии наук». Отбывал его на строительстве Беломоро-Балтийского канала (1930–1933). После освобождения жил в Москве, заведовал Водным отд. Музея коммунального хоз-ва (совр. Музей истории и реконструкции Москвы). С 1936 г. работал в Гос. литературном музее. Весной 1937 г. вновь арестован, отправлен в Уссурийский лагерь. В 1939 г. освобожден и восстановлен в Лит. музее, где проработал до 1956 г. Автор воспоминаний «Из дум о былом», опубликованных посмертно с рядом пропусков. Научные работы Н. П. Анциферова, в основном, посвящены проблемам градоведения и экскурсионного дела, в котором он выступил как один из ведущих теоретиков.

10. В рукописном оригинале имя автора отсутствует. В верхней части первой страницы имеется надпись карандашом, рукой Н. В. Тагеевой: «Это написал Н. П. Анциферов в Москве за несколько лет до своей смерти. В 1950–1955 гг.».

11. *Чикаленко Лев Евгеньевич (1888–1965)* – археолог, этнограф, политический и общественный деятель. Друг юности Г. А. Бонч-Осмоловского и Н. П. Анциферова. Окончил Петроградский университет по естественному отделению физико-математического факультета (1915). Один из любимых учеников Ф. К. Волкова; по поручению Волкова в 1910-х гг. вел раскопки Мезинской

палеолитической стоянки близ Чернигова. Украинский националист. В 1917–1920 гг. – член Украинской РСДРП, секретарь Центральной Рады и Малой Рады. В 1920 г. эмигрировал. Жил в Польше, Чехословакии, Франции, Германии. С 1948 г. – в США, преподавал в Украинском университете в Нью-Йорке. Автор ряда работ по первобытному искусству.

12. Неточность: родители Г. А. Бонч-Осмоловского были народниками, а не народовольцами. Участницей «процесса 193-х» являлась только В.И. Ваховская, еще до замужества. Террористических методов борьбы супруги не признавали никогда.

13. Неточность, надо: *естественного отделения физико-математического факультета.*

14. Об этом несколько иначе рассказывается в опубликованной главе воспоминаний Н. П. Анциферова «Содружество Эрмитажного кружка»: «Вскоре Левко (так я стал называть Чикаленко, не переходя с ним однако на «ты») раскаялся в приглашении им Бонча: «Он другого покроя, чем мы. [...] Бонч отошел от традиций семьи, он утратил веру родителей, он скептик, даже циник. Если бы вы слышали, как он говорил с нашими девушками. О Кавальери [оперная певица. – Н. П.] он сказал: «Она все еще красива, но кожа у нее уже дряблая...». Меня рассказ Левко обеспокоил. Надо поговорить с Бончем. Чикаленко взял на себя эту миссию. «Или – или». Он мне рассказал после объяснения, что Бонч смутился; свое неладное поведение объяснил тем, что не сразу понял стиль нашего кружка. С этого дня всякие трения с ним прекратились...» (Анциферов, 1992: 208).

15. *Стахевич Татьяна Сергеевна (1890–1942)* – историк-антиковед, ученица М. И. Ростовцева. Окончила Высшие женские Бестужевские курсы (1914) по историко-филологическому факультету. Была оставлена при курсах. Член Эрмитажного кружка. В 1916 г. вышла замуж за Л. Е. Чикаленко и уехала с ним на Украину. После эмиграции мужа вернулась с детьми в Петроград. Поддерживала дружеские связи с Г. А. Бонч-Осмоловским и его семьей. Работала в Музее Революции, позднее преподавала латынь в 1 Медицинском институте. Умерла в блокаду. В воспоминаниях Н. П. Анциферова о ней, в частности, говорится: «...блестяще одаренная, столь много обещавшая ученица Ростовцева, побледневшая, постаревшая, должна была искать случайные заработки, вплоть до частных уроков. Ее научная специальность – древний Рим – ей не пригодилась. [...] Она сохранила свою гордую замкнутость. О Левко Татьяна Сергеевна никогда не говорила. Она посвятила себя своим детям, которых вела по жизни неслабеющей рукой...» (Анциферов, 1992, с. 211).

16. *Тищенко Андрей Вячеславович (1890–1914)* – археолог и историк, ученик А. А. Спицына, С. Ф. Платонова, А. С. Лаппо-Данилевского. Окончил Санкт-Петербургский университет (1913); оставлен при кафедре русской истории для подготовки к профессорскому званию. Член Эрмитажного кружка. В армию был призван по первой мобилизации 1914 г. Теоретически имел возможность получить освобождение от службы, но отказался хлопотать об этом. Погиб в бою под Августовым. По словам Н. П. Анциферова, А. В. Тищенко «...был звездой нашего семинария. Им гордились. Его любили. Тищенко совмещал в себе какую-то собранность, сосредоточенность, с русской удалью. [...] Его хоронил весь университет на Смоленском кладбище...» (Анциферов, 1992: 206).

17. Описка, надо: *Петроград.*

18. В отличие от А. Ф. Бонч-Осмоловского, Н. П. Анциферов вовсе не упоминает «Союза солдат-республиканцев», ограничиваясь общими словами о «культурно-просветительной работе». Однако причина не в забывчивости, а в том, что он сам являлся активным деятелем этой организации. Ворошить память об этом в сталинскую эпоху было небезопасно (см. ниже). В работе Союза принимали участие и другие члены Эрмитажного кружка (Ф. А. Фиельструп, А. А. Гизетти, А. П. Смирнов, сам Г. А. Бонч-Осмоловский). Однако в 1950-х гг. Н. П. Анциферов оставался среди них единственным живым. Это помогает понять намек А. Ф. Бонч-Осмоловского: «Ныне о «Союзе солдат-республиканцев» приходится вспоминать только в связи с биографией Г. А. и, может быть, кое-кого из его друзей того периода [курсив мой. Н.П.]».

19. Г. А. Бонч-Осмоловский вернулся в Петроград осенью 1922 г.

20. Подробнее об этом см. раздел 4.2.

21. Имеется в виду Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе, состоявшаяся 10–13 сентября 1927 года.

3.3. Г. А. Бонч-Осмоловский – Н. П. Анциферову (январь 1915 г.)²²

Дорогой Николай Павлович,

Перед праздниками на меня навалилось так много дела, что не имел ни минутки времени собраться с мыслями и написать Вам. Теперь уж три дня свободен, много ездил на санях, а никогда так хорошо и спокойно не думается, как при поездках зимою по лесу.

Разумеется, меня обрадовало Ваше несогласие с эрмитажниками во время разговора на Ваших именинах; но не сердитесь за эту радость – она понятна, и к тому же это не злорадствие. Ведь Ваши разногласия, должно быть, не выходили из пределов требования аскетизма, с одной стороны, и предпочтения его в связи с теоретической терпимостью – с другой. Так что я, по всей вероятности, нашел бы по существу вопроса еще меньше поддержки, чем Вы в вопросе о терпимости. Рад же был практическому выводу, сделанному, не знаю верно ли, из письма: Вы теоретически нетерпимы, но часто делаете исключения в отношении людей, более или менее известных Вам (а может быть и всегда?). Конечно, эту маленькую непоследовательность я только приветствую. Ведь прямолинейность есть уозсть и т. д. Но от других этого трудно ожидать, в особенности от Т[атьяны] С[ергеевны]²³. Мне кажется, что, приди она к выводу о необходимости «требования», для нее не могло бы быть никаких исключений, разве только по отношению к любимому человеку. В этом случае женская душа становится особенно понимающей, чуткой и прощающей, и хотя с большой болью, но все же должно быть она примирилась бы. Помните и Вы говорили «проплакала бы шесть ночей»...

Не то с друзьями – к ним менее строги, но и менее терпимы, и второе, конечно, играет большую роль. Тем же приблизительно я наделяю по Вашим рассказам и А[лексея] В[икторовича]²⁴. Таким образом, их терпимость меня очень утешает, я ведь не претендую и не желаю приобщения к своей «вере» других; самое большое, к чему стремлюсь²⁵ – это признание (правда, и полное оправдание, первой ступенью к чему служит терпимость).

Теперь очень хочется сказать Вам несколько слов о деревне.

Недавно пришло известие, что убит сын одного из рабочих. Через час он пришел ко мне спросить, выдадут ли ему пособие. Лицо было серьезное, сосредоточенное и печальное, но уже была видна полная примиренность. Станным казался такой скорый и большой интерес к пособию и то огорчение, с которым он встретил мое сомнение в его выдаче. С первого взгляда должна была удивить его черствость и эгоизм. Но как понятно это здесь! Ведь деревня стыдится жизни индивидуальным чувством. Любовь, ненависть, красота – это баловства, которые²⁶ всегда должны²⁷ уступать место борьбе за существование, стремлению к куску хлеба, к достатку. Даже жалость и честность стоят не на одном с ним уровне.

По крайней мере, наиболее уважаемые крестьяне и наиболее понимаемые народом помещики – это живущие ради хозяйства и дела. Других лишь любят больше. Это приспособление – то условие, при котором возможна крестьянская жизнь. И если она в общем не выходит за пределы моральности, если корыстные преступления не находят себе оправдания и если крестьянство все же живет общественной жизнью, т. е. чувствует свою связь с миром, то причины этому

*Г. А. Бонч-Осмоловский с женой
Ольгой Георгиевной и пасынком Георгием.
Ленинград, 1925.*

приходится искать в незаметных и неуловимых, а, главное, очень мало сознаваемых самим народом побуждениях общественных инстинктов²⁸.

То же и в отношении войны: трудно найти следы ее в жизни деревни, кроме простого любопытства да «жалоб»⁺, носимых родственниками и невестами солдат. И если Вы спросите крестьянина, почему он желает победы России, он замнется и не сможет ответить и даже, если начнете убеждать его, не все ли равно, «под ком» жить – русскими или немцами, то, пожалуй, согласится.

Но если необходимость заставит перейти от рассуждений к делу, то они в массе всегда просто и определенно, без всяких колебаний пойдут по верному пути. Именно в массе, так как общественный инстинкт здесь еще не осознан, не разошелся по индивидуальностям, и каждый отдельный человек не представляет, зачем он должен ему следовать.

Собирались ко мне приехать Т[атьяна] С[ергеевна] и М[ария] Мих[айловна]³⁰, да что-то не едут – должно быть раздумали. Боюсь, что сам в этом виноват, благодаря своей нетактичности. Перечисляя в письме к Вам особо приглашаемых ко мне, я, кажется, не упомянул М[арию] М[ихайловну]. Сделал это только потому, что почему-то не представлял возможности ее приезда. Сейчас же постарался исправить свою ошибку, но, пожалуй, уже поздно.

Буду очень рад Вашим письмам
Всего хорошего
Ваш Бонч

⁺ «Носить жалобу» значит горевать о ком либо, быть в трауре – нельзя танцевать, петь, веселиться. Отличается от траура тем, что «жалобу носят» и по живым. Это не обряд, а выражение, определяющее горе.

Комментарий:

22. Письмо без даты; по содержанию может быть датировано очень точно. Оно написано Г. А. Бонч-Осмоловским зимой, во время Рождественских каникул, в момент, когда Первая Мировая война уже началась, но об уходе его на фронт добровольцем (1915) речи еще не шло. Таким образом,

письмо могло быть написано только в январе 1915 г. Место написания по косвенным признакам также определяется точно – это его родительское имение Блонь под Минском.

23. Т. С. Стахевич.

24. *Шмидт Алексей Викторович (1890–1935)* – историк, археолог, финноугровед. Окончил Петроградский университет (1916), ученик Б. А. Тураева, М. И. Ростовцева, И. М. Гревса. Член Эрмитажного кружка, где его называли «мальчик-Шмидт все знает» (Анциферов, 1992, с. 207). В 1917–1924 гг. работал в Перми (преподаватель Пермского университета, хранитель музея древностей, заведующий Пермским археологическим отделом). С 1924 г. – в Ленинграде. Сотрудник Коллегии востоковедов, заведующий отделом Африки в Музее антропологии и этнографии АН СССР (МАЭ). Уволен во время «чистки» АН СССР в 1929 г. Тогда же был принят в ГАИМК научным сотрудником. Скончался в Ленинграде. Труды А. В. Шмидта посвящены этногенезу финно-угорских народов и их связи с государствами Древнего Востока, а также происхождению и развитию древнего искусства и религии народов Урала. Он разработал классификацию и хронологию пермского звериного стиля в искусстве, выделил большую серию новых культур от бронзового века до средневековья, разработал передовую для своего времени методiku их классификации и периодизации. Большой вклад А. В. Шмидта в науку и в первую очередь в уральскую археологию, стал очевиден специалистам лишь много лет спустя. При жизни его недоценивали как враги, так и друзья. Этим объясняется характеристика, данная ему Н. П. Анциферовым: «...Алексей Викторович, как и все «вундеркинды», больше обещал, чем смог дать...» (Там же).

25. В оригинале: «*стремюсь*»

26. В оригинале зачеркнуто: «*которую можно позволить себе сверх*»

27. В оригинале: «*должна*»

28. Это замечание и последующее рассуждение указывают на то, что мировоззрение молодого Г. А. Бонч-Осмоловского выстраивалось под влиянием философских идей П.А. Кропоткина, который писал: «Всякий, кто возьмет на себя труд серьёзно заняться вопросом о зачатках нравственного в природе, увидит, что жизнь общества привела их к необходимости развития известных инстинктов, т. е. наследуемых привычек нравственного характера...» (Кропоткин, 1995: 39). Здесь же, по-видимому, коренится почти религиозная вера Г. А. в справедливость *конечного народного выбора*, которая впоследствии определила его гражданскую позицию по отношению к советской власти.

29. *Левис Мария Михайловна (1890–1991)* – историк, библиограф, мемуарист. Окончила Высшие женские Бестужевские курсы (1913) по историко-филологическому факультету. Член Эрмитажного кружка, друг Г. А. Бонч-Осмоловского. В годы гражданской войны поддерживала с ним переписку. В 1920-х гг. работала в Музее Революции в Ленинграде. В 1930 г. была арестована и выслана на 3 года в Енисейск. Впоследствии вернулась в Ленинград. После войны работала в ГПБ (совр. РНБ). Автор книги воспоминаний «Мы жили в эпоху необычайную...». В 1970–1971 гг. переписывалась с Н. В. Тагеевой, посылала ей фотографии и другие материалы об Эрмитажном кружке.

4. Обсуждение

Приведенные выше документы требуют обсуждения и анализа в контексте других источников о жизни и деятельности Г. А. Бонч-Осмоловского. Выделим сразу ключевые проблемы, которые могут быть затронуты и рассмотрены заново в свете полученной информации. На первый план тут выступают:

- вопрос о политическом лице «Союза солдат-республиканцев» и о характере деятельности в нем Г. А. Бонч-Осмоловского и его друзей;

- вопрос об основах мировоззрения ученого и той «переоценке ценностей», которую он произвел в период гражданской войны.

4.1. Союз солдат-республиканцев

Воспоминания А. Ф. Бонч-Осмоловского являются главным и, по сути, единственным источником, бросающим свет на деятельность Г. А. в период с марта

до октября 1917 г. Все биографы в конечном счете получали информацию о связи Глеба с «Союзом солдат-республиканцев» (далее: ССР) именно из него – прямо или опосредованно. В личной осведомленности мемуариста трудно сомневаться: он сам находился в тот период в Петрограде, точнее, в Ораниенбауме, в расположении «1-го пулеметного полка, сыгравшего решающую роль в февральской революции». Именно к нему Г. А. приезжал в апреле 1917 г. «по делам союза», т.е. с целью пропаганды республиканских воззрений среди солдат. Не удивительно, что Александру Фёдоровичу было прекрасно известно, кто еще, кроме Глеба, принимает в этом участие. Однако имен он не называет и аккуратно обходит вопрос об установках и программе ССР. Н. П. Анциферов, как уже отмечалось выше, вообще не упомянул об этой организации, ограничившись нейтральным определением: «культурно-просветительная работа».

В семейном архиве сохранилась тоненькая брошюрка, изданная в сентябре 1917 г.: «Первый Матросский Университет Союза Солдат-Республиканцев». На обложке имеется едва заметная карандашная надпись рукой Надежды Викторовны: «Эта брошюра в бумагах Глеба». Видимо, при его жизни она ей не попадалась. Подобно Н. П. Анциферову, Г. А. не особенно распространялся об этом эпизоде своей биографии. Однако брошюрку хранил.

Автор ее П. А. Куликовский¹ – личность достаточно известная. В молодости он являлся членом боевой организации эсеров. После февраля 1917 г. мечтал о

*Портрет Глеба. Карандаш. 1930 г.
Работа Ольги Георгиевны
Бонч-Осмоловской.*

¹ Куликовский Пётр Александрович (1869–1923) – правый эсер, террорист, политкаторжанин. Родом из дворян Новгородской губ. В 1905 г. за убийство московского градоначальника П. П. Шувалова был приговорен к повешению, но затем помилован. «Бессрочная каторга» обернулась пятью годами каторжных работ в Акатуе. Далее последовала высылка на вольное поселение в Якутскую область. Пользовался большим уважением со стороны местного населения. После февральской революции – участник областного съезда якутов и русских крестьян трех округов, проходившего в марте–апреле 1917 г. Приехал в Петроград (вероятно, с поручениями и итоговыми документами съезда). Летом–осенью 1917 г. участвовал в работе Союза Солдат-Республиканцев. В 1918 г. вернулся в Якутию. С 1921 г. – участник якутского повстанческого движения. Попав в плен к красным, покончил с собой (Конкин, 2005).

развитии в России демократических свобод, возлагал все надежды на грядущий созыв Всероссийского учредительного собрания. С большевиками ему, соответственно, оказалось не по пути.

В его брошюре мы читаем: «Возникший в начале февральской революции Союз Солдат-Республиканцев с первых же дней своего существования все свои силы направил на развитие культурно-просветительной деятельности среди широких солдатских масс, подготавливая эти массы к сознательному участию в политической жизни нашей родины и в предстоящих выборах в Учредительное Собрание. С этой целью Союзом [...], при скромных материальных средствах и незначительном числе активных работников, удалось издать свыше 1.500.000 экземпляров брошюр, написанных авторами социалистического направления, распространить свыше 2.000.000 брошюр других издательств, устроить ряд лекций по социальным и политическим вопросам в некоторых воинских частях, организовать ряд концертов-лекций, посвященных творчеству русских музыкальных гениев и, наконец, создать более или менее постоянные курсы агитаторов «Солдатский Университет», а позднее, благодаря содействию почетного члена Союза В. И. Лебедева¹, назначенного Управл[яющим] Морским Министерством, и начальника походного штаба Н. И. Ратькова, открыть «Первый Матросский Университет» для матросов, делегированных почти со всех морей нашего отечества. [...]. Занятия первой очереди начались 5 августа и закончились 30-го августа 1917 г.» (Куликовский, 1917, с. 1–2).

Таким образом, «Первый Матросский Университет» реально представлял собой месячные образовательные курсы для матросов, которым предстояло стать агитаторами – поддерживать на выборах в Учредительное собрание кандидатов «социалистического направления»². В семейном архиве сохранилась страничка из журнала «Нива» (№ 38 за 1917 г.) с фотографиями торжественного открытия этих курсов в Большой физической аудитории ПГУ. В церемонии приняли участие А. Ф. Керенский, В. И. Лебедев, П. А. Кропоткин, ректор университета проф. Э. Д. Гримм и т.д.

Ценностями, к которым старались приобщить солдат и матросов деятели «Союза», были – демократическая республика, верность Временному правительству, созыв Учредительного собрания, война до победного конца. Руководство ССР состояло из людей яркой антибольшевистской направленности... Можно предположить: если бы туберкулез не прогнал Г. А. из Петрограда в Крым до октября 1917 г., он бы нажил себе там крупные неприятности. Отметим, что и книжечка П. А. Куликовского, и выпуск журнала «Нива» № 38 вышли в свет ранее конца

¹ *Лебедев Владимир Иванович (1885–1956)* – русский революционер, член военной организации эсеров. Накануне февральской революции – политический эмигрант. При Временном правительстве в мае-августе 1917 г. – один из руководителей Морского министерства. В 1918 г. – деятель КОМУЧа. В 1919 г. эмигрировал.

² Слушателей первой очереди было 235 человек. Проведенное среди матросов анкетирование показало, что половина их происходила из рабочих, четверть – из крестьян-земледельцев и еще одна четверть – из иных сословий. На этом фоне примечателен партийный состав: 180 человек из 235 позиционировали себя эсерами, 36 – социал-демократами, 17 – беспартийными. Еще был «анархист-коммунист» – 1 и «народный социалист» – тоже 1 (Куликовский, 1917, с. 12–13).

сентября 1917 г. Если предположить, что Г. А. получил их именно тогда, его отъезд на юг, скорее всего, состоялся осенью, буквально накануне Октябрьского переворота.

Стоит обратить пристальное внимание на имена тех, кто лишь вскользь упомянут на страницах брошюры П. А. Куликовского. Эти упоминания оказываются весьма интересными в контексте того, что нам уже известно о семейных и дружеских связях Г. А. Бонч-Осмоловского. Так, например, в числе «членов Совета Союза Солдат-Республиканцев» названы *Вржосек* и *Фиельструп*. В числе преподавателей, читавших матросам лекции, упомянуты *А. П. Смирнов*, *Н. П. Анциферов*, *А. А. Гизетти*. Все они (кроме С. К. Вржосека) являлись недавними членами Эрмитажного кружка, то есть – молодыми историками, много лет сознательно готовившими себя к трудам на ниве просвещения революционных масс. Отметим особо: с Н. П. Анциферовым и Ф. А. Фиельструпом (см. ниже) Глеба связывала тесная дружба. С А. П. Смирновым и А. А. Гизетти – по меньшей мере товарищество.

Что касается *Сергея Карловича Вржосека (1867–1957)*, то он был в семье Бонч-Осмоловских своим человеком. Будучи по возрасту заметно старше Глеба и его друзей, Вржосек до революции успел получить известность, как юрист. Его политические симпатии принадлежали социал-демократам (меньшевикам) и эсерам. В судах он защищал всех, кто оказывался в оппозиции к действующему режиму. По семейному преданию, в число его подзащитных входили даже Ленин и Сталин. В 1909 г. в Минске С. К. Вржосек участвовал в процессе старших Бонч-Осмоловских, которых обвиняли (кстати, вполне обоснованно!) в том, что они превратили собственное имение в «революционное гнездо». Обвиняемые были оправданы, а адвокат стал мужем Ирины Анатольевны Бонч-Осмоловской, сестры Глеба. У них родилось двое детей.

Многочисленные упоминания имени С. К. Вржосека в брошюре П. А. Куликовского позволяют видеть в нем одну из ключевых фигур ССР. В списке «членов Совета» он назван первым. Мы видим его и в числе лекторов-преподавателей, и в списке авторов популярных брошюр, изданных Союзом. В частности, его перу принадлежала книжка: «Почему нужна дисциплина Народной Армии».

Присутствие в Совете ССР этого пожилого юриста, издавна связанного с революционными кругами, кажется вполне логичным. Куда удивительнее выглядит появление там такой личности, как Ф. А. Фиельструп¹. В современной

¹ *Фиельструп Фёдор (Теодор) Артурович (1889–1933)* – выдающийся российский этнолог широкого профиля. Окончил Петроградский университет (1916) по историко-филологическому факультету. Одновременно слушал лекции Л.Я. Штернберга по этнографии в Географическом кружке при университете. Член Эрмитажного кружка. Один из ближайших друзей Г. А. Бонч-Осмоловского и его семьи. Еще в период учебы стал участником российско-американских экспедиций на Кавказ, в Монголию (1912–1913) и в Южную Америку (1914–1915). Собрал и привез в Россию ценные материалы по этнографии латиноамериканских народов. В 1916 г. был принят на работу в МАЭ. В 1918 г. переехал в Приуралье, затем в Томск, занимался составлением этнической карты региона. Был мобилизован в армию А. В. Колчака, служил переводчиком. С 1920 г. – преподаватель Томского университета. В 1921 г. вернулся в Петроград. Работал в Академии наук (КИПС) и Этнографическом отделе Русского музея. Автор ценнейших исследований по этнографии тюркских народов, публикация которых началась лишь на рубеже XX–XXI вв. Был арестован одновременно с Г. А. Бонч-Осмоловским в конце ноября 1933 г. по «Делу Российской национальной партии». На одиннадцатый день пребывания в Доме предварительного заключения покончил с собой – выпил в камере стакан крутого кипятка и умер от отека легких.

историографии он предстает перед нами выдающимся ученым, «подстреленным на взлете». Его главные труды так и остались незаконченными. По дурной русской традиции их продержали на полке 70 лет, прежде, чем выпустить в свет. Но и через 70 лет они поразили ученых своим изяществом, глубиной и фундаментальностью (Кармышева, 1988; 1999; Фиельструп, 2002).

Воспоминания друзей, сохранившиеся в семейном архиве Бонч-Осмоловских, рисуют Фёдора Артуровича человеком исключительной порядочности, цельным и безупречно воспитанным. В кругу близких он звался «Фаф». Ольга Георгиевна Бонч-Осмоловская писала о нем: «...Фаф был наш друг и золотой человек. Золотые были его волосы и его характер. [...]. Его любили, при нём не злословили и не ругались, он же никогда и никого не осуждал. На наших вечеринках, бывало, что кто-нибудь, и чаще всего Глеб, сгоряча отпустит вольную шутку, расскажет двусмысленный анекдот, взглянет на Фафа и сконфузится. Фаф не смеялся, и этого было достаточно. Он был из тех людей, какими чаще всего бывают женщины, похожие на цветы...» (Арх. авт.).

В имеющихся ныне жизнеописаниях Ф. А. Фиельструпа, период между началом работы в МАЭ (1916) и переездом в Приуралье (осень 1918) представляет собой белое пятно. Между тем, сведения о его гражданской активности при Временном правительстве (член Совета ССР) (Куликовский, 1917: 2) позволяют взглянуть на этого молодого ученого с неожиданной стороны. Без сомнения, Фаф был человеком твердых принципов. После Февраля в его многогранной натуре нашлось место серьезному увлечению общественно-политической деятельностью, наряду с научной. Впрочем, для недавнего «эрмитажника» подобное сочетание выглядит вполне логичным.

Последнее следует отнести и к Н. П. Анциферову. Мы видим его в числе лекторов Первого матросского университета (Там же: 22–27), где он вел занятия по истории XIX в. Краткий конспект этого курса был опубликован им отдельной брошюрой, под грифом ССР. Насколько я могу судить, его биографам этот факт неизвестен. Поэтому можно констатировать: материалы архива Г. А. Бонч-Осмоловского позволяют заполнить некоторые белые пятна в истории общественно-политических движений 1917 г. и дают богатую пищу для размышлений на тему «интеллигенция и революция».

Сам Г. А. Бонч-Осмоловский ни разу не упомянут в брошюре П. А. Куликовского. Но это вполне объяснимо: в отличие от своих друзей, давно окончивших университет и готовившихся к профессуре, Бонч в начале 1917 г. представлял из себя недоучившегося студента. Ведь он сорвался на фронт с последнего курса, не сдав экзаменов... Поэтому никак не годился на роль лектора в стенах Петроградского университета. А матросские курсы открылись именно там, и вели их квалифицированные преподаватели.

Однако упоминания П. А. Куликовского о «Солдатском Университете», о лекциях и концертах, проводимых непосредственно в воинских частях, дает нам косвенное указание на характер деятельности Г. А. в рамках ССР. Будучи сам солдатом и окопником (и при этом ярким, находчивым оратором), он был, конечно, незаменим на собраниях такого уровня. О том, что Г. А., действительно, был своим в солдатской среде и прекрасно умел разговаривать с солдатами, свидетельствуют

записи в его личном дневнике за 1916–1918 годы. Пожалуй, это не дневник в полном смысле слова. Это маленькая тетрадка без обложки, заполненная весьма колоритными записями, сделанными для памяти:

Г. А. Бонч-Осмоловский с сыном Андреем в день возвращения из Воркуты. 1936 г.

«1916. I/VI. Из вагонных разговоров. Полное отделение вагона солдат [...]. За неимением другого места, я уселся на своем аппарате на площадке вагона – пол грязный, лечь не решался; скоро один из стоявших в проходе храбро залег рядом со мной. Я крепился, но когда послышалось ровное успокоенное дыхание соседа, не утерпел. Аппарат переместился под голову, и через минуту я дремал, т.к. спать было нельзя: мои ноги загораживали проход, на них поминутно натывались, толкали, наступали и при этом звучно ругались.

Наконец, привык к этому и забылся. Через час почувствовал ноющую боль в ногах, спросонья попытался брыкаться, ворочаться, но ноги были как в тисках; открыл глаза: на нас четверых сидело человек пять дюжих окопников. «Эй, земляк, ты бы полегче!» Ко мне медленно повернулось добродушное, все обросшее густой рыжей бородой, лицо с толстыми, грубыми, но очень добрыми чертами лица и с выдавшими войну глазами. «Да я уж и так... ты бы вот сел лучше, а то как тут уместиться!» Делать было нечего: аппарат опять съехал назад, и мы разговорились. «В отпуск? – В отпуск. – Далеко? – В Тобольскую. – Надолго? – 28 дней...» Потом дальше рассказывал охотно, не бахвалясь, видно прямо из окопов. Побывшие в

тылу или молчат, или бахвалятся, говорят уже рассказанное, заученное, полузабытое.

«Вот есть у нас ребята, с начала войны, все там, опытные, а отличий не имеют. Я хоть шесть месяцев в тылу побыл, а другие так и все время там... – Отчего же так? – А Бог его знает...» Медленно так, задумчиво говорит: «Начальство не жалуется... Вот у меня был случай, трудное раз дело сделал: надо было сторожевое охранение поставить за лес, а он так и кроет пулеметом да шрапнелью, и лес как живой гудёт; ползком лезли часовых менять, и хоть бы одного человека потерял! А пришел назад, ротный не то, что отличия бы, ну, а хоть бы пожалел, али поругал, а то – ничего. – Так ничего и не сказал? – Ничего. Ну, говорю, хоть пожалей али поругай. А так ведь и обидно». [...].

1917. 1/III. «Теперь долго война будет. – Почему? – Да как же, народное пошло, скоро ведь не кончат».

3/III. Набираем кипятку из куба. Заспорили с солдатом из-за очереди; подходит третий: «Тише, ребята, не ссорьтесь, теперь ведь новое министерство, все ладом да миром надо» (Арх. авт.).

Эта последняя запись явно отражает приподнятый настрой, в котором молодой Г.А. принялся за работу в Союзе солдат-республиканцев.

4.2. «Народная правда» и эволюция мировоззрения Г. А. Бонч-Осмоловского

В первом варианте своих воспоминаний об отце, составленном в конце 1980-х гг., Андрей Глебович Бонч-Осмоловский писал: «...Следует еще отметить умение отца разговаривать с так называемым простым народом. И в Оредежи, и потом в Казани я всегда поражался его спонтанным долгим беседам с любым встречным пастухом, огородником, просто соседним крестьянином. Обычно они присаживались около дороги, доставался табак, махорка или папиросы и начиналась долгая задушевная беседа „за жизнь“, я же терпеливо толочся рядом, иногда с интересом прислушиваясь. В какой-то степени эта способность отца оставалась для меня загадкой, но запала в душу...» (Арх. авт.).

Умение Г.А. говорить с людьми и полное отсутствие сословных предрассудков, действительно, составляли его характерную особенность, уходящую корнями в детские годы. Это заметно облегчало ему контакты с самыми разными персонажами, в том числе и с новыми советскими «выдвиженцами», «весьма далекими от его интересов» и нередко вызывавшими неприятие у людей его круга. Это подчеркивает А.Ф. Бонч-Осмоловский, упоминая о собственных контактах с Глебом в Главнауке в ходе подготовки Крымской экспедиции 1924 г.¹

В воспоминаниях Н. П. Анциферова подчеркнуто, что при первом знакомстве с Глебом всем бросался в глаза его «скепсис» и «охлажденный ум». Но скепсис был только маской, точнее – одной из граней одаренной натуры. И это сполна

¹ Последнее, кстати, бросает свет на то, откуда и как добывались деньги на раскопки. Ведь Этнографический отдел Русского музея, где работал Г. А., финансово поддерживал только его исследования по этнографии Крыма. Для оплаты археологических раскопок приходилось задействовать самые неожиданные каналы, используя «личные связи» (одной из которых и являлся его родственник Александр Фёдорович Бонч-Осмоловский).

проявилось в решении Г. А. отправиться на войну добровольцем. В уже упомянутой выше «маленькой тетрадке» под 1916 г. имеется такая запись:

«Я помню то, уже далекое прошлое, когда жизнь размеренная, замкнутая в узком кругу личного, вдруг в несколько дней приобщила к жизни мира, когда сердце страдало и радовалось за него. Помню восторг этого соединения и те надежды на очищение человечества в горниле великой, надвигавшейся тогда трагедии. Мне казалось, что война разрушит круговорот обыденности, поставив человека лицом к лицу со смертью, [...], заставив его сначала помимо воли, а затем и добровольно променять „свое“ на служение общему, необъятному, принести себя в жертву, [...], покажет, что вот она – жизнь истинная, жизнь сушая, человеческая [...]. Это не оправдалось...» (Арх. авт.).

Приведенный отрывок обнажает бездну идеалистического и романтического сознания, скрытого под личиной бывалого, насмешливого скептика. Ясный, холодный, логический ум непостижимым образом уживался в Г. А. с пламенной душой фанатика, жаждущего своей веры. Приведенное выше письмо его к Н. П. Анциферову (документ 3.3) написано именно в период упований на грядущее очищение и выход из «круговорота обыденности». Это письмо лучше, чем любые воспоминания, отражает воззрения Г. А. на историю и на народ как таковой. Оно демонстрирует почти религиозную веру в *справедливость конечного народного выбора*, который делается простыми людьми «в массе», на уровне инстинкта и чутья. Истоки подобных воззрений следует искать в философии Л. Н. Толстого и – в еще большей степени – П. А. Кропоткина (см. коммент. 28)¹.

Все это хорошо объясняет неверие в близость революции. Из откровенных разговоров между родными Глеб с ранней юности знал подноготную многих революционных выступлений и считал, что в массе народ их не понимает и не сочувствует им². Действительно, в первой половине 1910-х гг. «народ безмолвствовал»... Иная ситуация сложилась в конце 1918 г. Но не будем забегать вперед.

Одна из записей в маленькой тетрадке сделана Г. А. Бонч-Осмоловским 7 марта 1918 г. Она неопровержимо свидетельствует, что отмеченная Александром Фёдоровичем «ненависть к самодержавию», якобы отличавшая Г. А., представляла собой не более, чем привычный словесный штамп 1950-х гг. Но и «поворот в сторону большевиков», о котором свидетельствуют оба мемуариста, совершился далеко не сразу. Впрочем, источник говорит тут сам за себя:

«Вот кончается эта грандиозная по своей трагичности эпоха истории, перевертывается этот лист, исписанный кровью и слезами наших надежд, наших падений, догорают развалины величайшей империи – плоти, чьим духом мы жили; умрет ли дух вместе с плотью, умрет ли русская культура вместе со смертью русского царства? Или: „Все грехи выпуклы, как никогда. Начинается эра

¹ Кстати, можно отметить интересную деталь: именно в конце 1914 г. Г. А. вместе с Н. П. Анциферовым вступают в Религиозно-Философское общество (в Петрограде). Рекомендовал их туда известный историк церкви, в будущем – последний обер-прокурор Святейшего Синода и первый министр исповеданий Временного правительства А. В. Карташёв (ОР РНБ, ф. 601, д. 1574, л. 1–2).

² Это отнюдь не мешало Г. А. относиться ко многим революционерам (и, в первую очередь, к своим родным) с любовью и уважением.

духовного возрождения русского народа, под знаком религии, народности, государственности. [...]. Узнайте в этих закатных лучах лучи предрассветные. Они слиты. Это белая ночь". Так пишет Анциферов, так думает в глубине души своей каждый любящий Россию. Больше нам ничего не остается. Мы растеряли ее по кускам, мы потеряли любовь к ее плоти, терзающей и истерзавшей нас.

Боже мой! Но как могло так случиться, что крупнейшее государство, живой организм вдруг разлезся по всем швам, оставив только кучу трухи большевизма? Разве не было людей, разве не было у них любви к родине, разве не умирали они три года за нее? Так что же это? Кто виноват? [курсив мой. – Н. П.]» (Арх. авт.).

Этот сакраментальный вопрос вполне понятен. Именно в начале марта 1918 г. Центральная Рада Украины и Советская Россия заключили мир с немцами в Брест-Литовске. По условиям этого мира Россия теряла около миллиона квадратных километров территории, обязывалась уплатить Германии контрибуцию в размере 6 млрд марок и провести полную демобилизацию армии и флота. В юго-западные губернии были немедленно введены немецкие войска, и из страны, без того разоренной войной и безначалием, пошли эшелоны с продуктами – в воюющую Германию.

Данная запись, точно датированная, помогает понять: весной 1918 г. Г. А. был еще очень далек от того, чтобы симпатизировать большевикам. И в этом, кстати, с ним оказались едины все его родственники. Ни один из них не принял участия в революции после Октября.

Возникает вопрос: когда же случилась пресловутая «переоценка ценностей»? Вторую хронологическую веху (хотя и менее надежную) дают нам материалы Ольги Георгиевны. В ее воспоминаниях о Г. А. и в документальной повести «Одна судьба» их первая встреча с ним на корабле, шедшем из Ялты в Севастополь, приурочена к ноябрю или шире – «зиме» 1918 г.:

«...За столом [в кают-компании] веселились солдаты, то ли демобилизованные, то ли бежавшие с фронта. Один из них, бритый наголо, с широкой улыбкой, которая светилась в сумерках, повернулся к нам и попросил нож, чтобы разрезать хлеб. Моя свекровь торопливо подала ножик, он же взглянул на меня – словно просверлил – маленькими умными глазами. Поразил меня голос с вкрадчивыми интонациями и белорусским незнакомым акцентом.

Потом мы стояли у окна. [...]. Мой спутник в лихорадочном возбуждении рассказывал о настроениях солдат на фронте, и о полученном на войне туберкулезе, и о Петербургском университете, и об этнографии, и о путешествиях по Кавказу, где он этой наукой занимался, и о том, что после Октябрьской революции наступит новая эра. Слушать все это было интересно и удивительно...» (Морозова, 1976, с. 133–134).

Таким образом, перемена отношения Г. А. к большевикам произошла в 1918 г., предположительно, во второй его половине, не позднее ноября. Это был период резкого перелома политической обстановки. Действительно, союзники Германии еще в сентябре начали капитулировать перед Антантой, а 11 ноября было заключено Компьенское перемирие. Австро-немецкие войска уходили с Украины. Носились упорные слухи о революции в Германии. Красные, между тем, еще весной-летом 1918 г. начали активно создавать т. н. «завесу» для обороны внешних

границ, выдвинув лозунг защиты Отечества и этим привлекая туда бывших царских офицеров. 8 мая 1918 г. по приказу Л. Д. Троцкого был создан Всероссийский Главный штаб и восстановлено единоначалие в армии (отмена которого Временным правительством развалила старую армию лучше всякого внешнего врага). Нечего особенно удивляться, что уже к концу 1918 г. в РККА пришло на службу более 22 тысяч «военспецов» (Кантор, 2013). Эволюция взглядов Г. А. в подобном контексте не представляет собой ничего удивительного.

Впрочем, до поры до времени все это оставалось для него лишь умозрительными рассуждениями, предназначенными, скорее, для эпатажа окружающей публики, боявшейся большевиков как огня. Напомню: участником Гражданской войны Г. А. так и не стал – ни с той, ни с другой стороны. И это, безусловно, имело глубокие причины. Вступать в партию большевиков он не пытался никогда – даже в тот период, когда ему «светила» карьера крупного советского чиновника. А вот в работе красного подполья при Врангеле он, действительно, участвовал. Хотя толчком, направившим его туда, послужил, казалось бы, случайный эпизод – личная встреча Г. А. с красным командармом И. С. Кожевниковым в Ялте в июне 1919 г. Кожевников был профессиональным разведчиком, создававшим в Крыму красную резидентуру. Он прекрасно умел входить в доверие к интеллигентам... Данный эпизод описан мною в одной из предыдущих публикаций (Сомова, Платонова, 2012: 43–44). Его детальный анализ в контексте истории Гражданской войны в Крыму должен стать темой отдельной работы.

Заключение

Семейный архив Г. А. Бонч-Осмоловского содержит ценные материалы, способные пролить свет на многие проблемы политической и культурной истории России первой половины XX в. С их помощью заполняется ряд «белых пятен» в биографиях видных деятелей отечественной науки и просвещения тех лет. Здесь также содержатся важные источники по истории общественно-политических инициатив и движений в период между февралем и октябрём 1917 г., Гражданской войны и т. д. Обобщение и издание этих материалов в настоящее время стало насущной задачей. Конечной целью работы должна стать монография, посвященная жизни и творчеству выдающегося ученого-энциклопедиста Г. А. Бонч-Осмоловского, рассмотренным в детальном социокультурном контексте.

Список использованных источников и литературы

1. Анциферов Н. П. Из дум о былом. Воспоминания. М., 1992. 510 с.
Antsiferov N. P. Iz dum o bylom. Vospominaniya. M., 1992. 510 s.
2. Бонч-Осмоловские. Воспоминания / ред.-сост. Е. А. Бонч-Осмоловская. М.: Научная книга, 2015. 580 с.
Bonch-Osmolovskie. Vospominaniya / red.-sost. E. A. Bonch-Osmolovskaya. M.: Nauchnaya kniga, 2015. 580 s.
3. Бонч-Осмоловская О. Г. «Документ эпохи редкостный...» / Подг. текста, ред., вступ. ст. и комм. Н. И. Платоновой // Культурное наследие Российского государства. СПб., 2010. Вып. 2, ч. 2. С. 269–288.

- Bonch-Osmolovskaya O. G. «Dokument epokhi redkostnyi...» / Podg. teksta, red., vstup. st. i komm. N. I. Platonovoi // Kul'turnoe nasledie Rossiiskogo gosudarstva. SPb., 2010. Vyp. 2, ch. 2. S. 269-288.
4. Бонч-Осмоловский Г. А. Палеолит Крыма. Вып. 1: Грот Киик-Коба. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 226 с.
- Bonch-Osmolovskii G. A. Paleolit Kryma. Vyp. 1: Grot Kiik-Koba. M.; L.: izd-vo AN SSSR, 1940. 226 s.
5. Бонч-Осмоловский Г. А. Палеолит Крыма. Вып. 3: Скелет стопы и голени ископаемого человека из грота Киик-коба / редакция и дополнения В. В. Бунака. М.; Л.: АН СССР, 1954. 398 с.
- Bonch-Osmolovskii G. A. Paleolit Kryma. Vyp. 3: Skelet stopy i goleni iskopaemogo cheloveka iz grotа Kiik-koba / redaksiya i dopolneniya V. V. Bunaka. M.; L.: AN SSSR, 1954. 398 s.
6. Бонч-Осмоловский И. А. Семейная хроника // Бонч-Осмоловские. Воспоминания / ред.-сост. Е.А. Бонч-Осмоловская. М.: Научная книга, 2015. С. 5-238.
- Bonch-Osmolovskii I. A. Semeinaya khronika // Bonch-Osmolovskie. Vospominaniya / red.-sost. E.A. Bonch-Osmolovskaya. M.: Nauchnaya kniga, 2015. S. 5-238.
7. Васильев С. А. Г. А. Бонч-Осмоловский и современное палеолитоведение // Российская археология. 1994. № 2. С. 202–207.
- Vasil'ev S. A. G. A. Bonch-Osmolovskii i sovremennoe paleolitovedenie // Rossiiskaya arkhologiya. 1994. № 2. S. 202–207.
8. Добкин А. И. Аннотированный указатель имен // Анциферов Н. П. Из дум о былом. Воспоминания. М., 1992. С. 458–510.
- Dobkin A.I. Annotirovannyi ukazatel' imen // Antsiferov N.P. Iz dum o bylom. Vospominaniya. M., 1992. S. 458–510.
9. Кантор Ю. Белые в красном // Российская газета – Федеральный выпуск 2013.– 29 янв. <https://rg.ru/2013/01/29/belye.html>
- Kantor Yu. Belye v krasnom // Rossiiskaya gazeta – Federal'nyi vypusk 2013.– 29 yanv.
10. Кармышева Б. Х. Этнографическое изучение народов Средней Азии и Казахстана в 1920-е годы: Полевые исследования Ф. А. Фиельструпа. – ОИРЭФАМ., 198 . Вып. 10. С. 38–62.
- Karmysheva B. Kh. Etnograficheskoe izuchenie narodov Srednei Azii i Kazakhstana v 1920-e gody: Polevye issledovaniya F. A. Fiel'strupa. – OIREFAM., 198 . Vyp. 10. S. 38-62.
11. Кармышева Б. Х. От тропических лесов Амазонки до центральноазиатских степей: Жизненный путь Ф. А. Фиельструпа // Репрессированные этнографы. Вып. 1. М.: Восточная литература, 1999. С. 152–163.
- Karmysheva B. Kh. Ot tropicheskikh lesov Amazonki do tsentral'noaziatskikh stepei: Zhiznennyi put' F. A. Fiel'strupa // Repressirovannye etnografy. Vyp. 1. M.: Vostochnaya literatura, 1999. S. 152–163.
12. Клейн Б. С. В годину испытаний. Минск, 1986.
- Klein B. S. V godinu ispytaniy. Minsk, 1986.
13. Конкин П. Примечания / Грачев Г. Якутский поход генерала Пепеляева / публикация и примечания П. Конкина // Илин. Историко-географический, культурологический журнал. 2005. № 6 (47). <http://ilin-yakutsk.narod.ru/>
- Konkin P. Primechaniya / Grachev G. Yakutskii pokhod generala Pepelyaeva / publikatsiya i primechaniya P. Konkina // Ilin. Istoriko-geograficheskii, kul'turologicheskii zhurnal. 2005. № 6 (47).
14. Кропоткин П. А. Взаимная помощь как фактор эволюции. – М.: Наука, 1995.
- Kropotkin P. A. Vzaimnaya pomoshch', kak faktor evolyutsii. – M.: Nauka, 1995.
15. Морозова О. Г. Одна судьба // Новый мир. 1964. № 9. С.86–150.
- Morozova O. G. Odnа sud'ba // Novyi mir. 1964. № 9. S.86–150.
16. Морозова О. Г. Одна судьба. Л.: Советский писатель, 1976. 192 с.
- Morozova O. G. Odnа sud'ba. L.: Sovetskii pisatel', 1976. 192 s.
17. Платонова Н. И. Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский: Этапы творческой биографии // Санкт-Петербург и отечественная археология. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 1995.С.121–144.
- Platonova N. I. Gleb Anatol'evich Bonch-Osmolovskii: Etapy tvorcheskoi biografii // Sankt-Peterburg i otechestvennaya arkhologiya. SPb.: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet, 1995.S.121–144.
18. Платонова Н. И. Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский: судьба ученого (по страницам семейного архива) // Археологические вести. 2005. № 12.С. 301–315.

Platonova N. I. Gleb Anatol'evich Bonch-Osmolovskii: sud'ba uchenogo (po stranitsam semeinogo arkhiva) // *Arkheologicheskie vesti*. 2005. № 12.S. 301-315.

19. Платонова Н. И. Г. А. Бонч-Осмоловский: путь в археологию // *Российская археология*. 2009. № 1. С. 166–174.

Platonova N. I. G. A. Bonch-Osmolovskii: put' v arkheologiyu // *Rossiiskaya arkheologiya*. 2009. № 1. S. 166–174.

20. Сомова Л. М., Платонова Н. И. Георгий Павлович Сомов. – Владивосток: Медицина ДВ, 2012. 254 с.

Somova L. M., Platonova N. I. Georgii Pavlovich Somov. – Vladivostok: Meditsina DV, 2012. 254 s.

21. Фиельstrup Ф.А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX в. / Отв. ред. Б. Х. Кармышева, С. С. Губаева. – М. : Наука, 2002. 300 с.

Fiel'strup F.A. Iz obryadovoi zhizni kirgizov nachala KhKh v. / Otv. red. B. Kh. Karmysheva, S. S. Gubaeva. – М. : Nauka, 2002. 300 s.

Platonova N. I. By biographies Bonch-Osmolovsky: sources and comments.

The article on the basis of little known sources, materials from the family archive restored the history of the formation of the archival heritage of the outstanding Soviet archaeologist and anthropologist, doctor of historical Sciences G. A. Bonch-Osmolovsky (1890–1943). The main problem of availability of unpublished heritage of the scientist concentrated in the departmental archives of St. Petersburg. The detailed analysis of the status of personal archives of G. A. Bonch-Osmolovsky, a information, supplemented by information from the family archive. Introduced into the scientific circulation of an unpublished essay by A. F. Bonch-Osmolovsky, uncles scientist, made relevant comments. Also published unknown entries from the diary of G. A. Bonch-Osmolovsky period 1916–1918, which help to trace the evolution of the socio-political views of the scientist, the formation of his attitude towards revolutionary events. Formulated the conclusion about the necessity of monographic coverage of life, scientific way and analyzing the legacy G. A. Bonch-Osmolovsky.

Keywords: G. A. Bonch-Osmolovsky, N. V. Tageeva, A. G. Bonch-Osmolovsky, A. F. Bonch-Osmolovskaya, family archive.

УДК 016: 94(47+57)

**«КРАТКИЙ ОТЧЕТ ПО УПРАВЛЕНИЮ ЧЕРНОВЕЦКОЙ ГУБЕРНИЕЙ»
В 1914–1915 ГГ. ГУБЕРНАТОРА С. Д. ЕВРЕИНОВА
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК**

Раздорский А. И.

*Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: razdor@nlr.ru*

Проанализирована структура и содержание уникального «Краткого отчета по управлению Черновецкой губернии», составленного губернатором С. Д. Евреиновым в 1915 г. Приведены также общая информация о губернаторских отчетах, биографические данные о С. Д. Евреинове, краткие сведения о военно-политической обстановке в Галиции и Буковине в 1914–1915 гг.

Ключевые слова: всеподданнейшие отчеты, губернаторы, массовые источники, источниковедение, археография, библиография, Буковина, Галиция, Черновцы, Черновецкая губерния, Первая мировая война, Евреинов Сергей Дмитриевич, Государственная публичная историческая библиотека России.

ВВЕДЕНИЕ

Всеподданнейшие отчеты губернаторов, начальников областей и градоначальников Российской империи о состоянии вверенных им в управление регионов являются важными и ценными историческими источниками. Эти документы, ежегодно представлявшиеся на рассмотрение императору, известны (за единичными исключениями) по всем губерниям, областям и градоначальствам, существовавшим с начала XIX в. до 1917 г. Отчеты носили секретный характер, предназначались исключительно для внутриведомственного оборота, не подлежали разглашению и открытой публикации (о губернаторских отчетах см., например: [1, 2]).

1. ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В ГАЛИЦИИ И БУКОВИНЕ В 1914–1915 ГГ.

Вскоре после начала Первой мировой войны пространный перечень губерний и областей Российской империи (к лету 1914 г. их насчитывалось 98) пополнился четырьмя новыми губерниями, образованными на территориях восточной Галиции и северной Буковины, завоеванных Русской императорской армией в ходе Галицийской битвы, длившейся с 5(18) августа по 8(21) сентября 1914 г. К сентябрю 1914 г. были учреждены Львовская, Тарнопольская и Черновецкая (sic) губернии, а в апреле следующего 1915 г. к ним добавилась еще одна – Перемышльская. Перечисленные губернии входили в Галицийское генерал-губернаторство, образованное 29 августа 1914 г. Создание административно-территориальных единиц российского образца на землях, принадлежавших до Первой мировой войны Австро-Венгрии, было продиктовано стремлением властей Российской империи исподволь закрепить эти регионы за собой и облегчить по окончании войны дипломатическое решение вопроса об их государственной принадлежности

(восточную Галицию и северную Буковину планировалось инкорпорировать в Российскую империю напрямую, а Западную Галицию, где преобладало польское население, включить в состав Польши, которая должна была получить по окончании войны права автономии в составе Российской империи).

Этим планам не суждено было сбыться. Контрнаступление противника привело к тому, что уже 7 октября 1914 г., то есть спустя всего месяц с небольшим после образования Черновецкой губернии, ее главный город русским пришлось покинуть. 15 ноября Черновцы удалось снова отбить у неприятеля, однако 1 февраля 1915 г. они были оставлены уже окончательно, а затем в результате наступления австрийских и германских войск в мае – июне 1915 г., известного как «Горлицкий прорыв», русская армия была вынуждена отступить и из Галиции.

2. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О ГУБЕРНАТОРСКИХ ОТЧЕТАХ

Основной корпус всеподданнейших отчетов губернаторов, начальников областей и градоначальников Российской империи хранится в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в Санкт-Петербурге. Рассматриваемые документы представлены в РГИА как в рукописном и машинописном виде, так и в виде типографских копий, которые систематически стали изготавливаться с середины 1880-х гг. При этом состав губернаторских отчетов в РГИА не полон: в нем отсутствуют, в частности, отчеты губернаторов Великого княжества Финляндского, которые после 1917 г. оказались в Национальном архиве Финляндии [см.: 3]. Не выявлены в РГИА также и отчеты губернаторов Галиции и Буковины. Тем ценнее оказалась находка в Государственной публичной исторической библиотеке России (ГПИБ) в Москве печатного отчета черновецкого губернатора С. Д. Евреинова за 1914/15 г. Этот документ выявлен нами в ходе фронтального обследования генерального алфавитного каталога ГПИБ, проведенного в ходе работы над сводным каталогом печатных всеподданнейших отчетов губернаторов, начальников областей и градоначальников Российской империи, составление которого ведется с 2016 г. при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № № 16-01-00095).

Надо сказать, что в ГПИБ представлен довольно многочисленный корпус различных печатных отчетных документов российских органов военного и гражданского управления Галицией, изданных в 1915–1916 гг. Это, прежде всего, «Отчет временного военного генерал-губернатора Галиции по управлению краем за время с 1-го сентября 1914 года по 1-е июля 1915 года» (Киев, 1916), выявленный до сих пор только в Национальной библиотеке Украины им. В. В. Вернадского в Киеве. В ГПИБ хранятся также, в частности, такие документы как «Отчет штаба временного военного генерал-губернатора Галиции», «Отчет канцелярии военного генерал-губернатора Галиции в период времени с 28 августа 1914 по 1 июля 1915 г.», «Общий отчет о действиях и расходах управления по квартирному довольствию войск военного генерал-губернаторства Галиции с октября 1914 г. по июль 1915 г.», «Отчет о деятельности жандармского управления военного генерал-губернатора Галиции с 25 ноября 1914 г. по 4 июня 1915 г.», «Отчет о положении податного дела в Галиции за время с 1-го октября 1914 г. по 1-е июня 1915 г.».

«Отчет о деятельности отдела военного генерал-губернатора Галиции по увековечению памяти воинов, павших в Галиции (1915 г.)», «Отчет представителя Министерства торговли и промышленности о нефтяной промышленности Галиции и казенном заводе в Дрогобыче» и др. (заглавия приведены по электронному каталогу ГПИБ).

Некоторые из перечисленных документов (в частности, отчет временного военного генерал-губернатора Галиции) были использованы А. Ю. Бахтуриной при подготовке монографий, посвященных изучению военно-политической и религиозной ситуации в Галиции и Буковине в годы Первой мировой войны (см.: [4, 5]). Однако отчет С. Д. Евреинова ей, судя по ссылкам и спискам источников и литературы, остался неизвестен.

Следует отметить, что отчеты губернаторов Львовской и Тарнопольской губерний, на должности которых в августе 1914 г. были назначены, соответственно, М. А. Мельников и И. Л. Чарторижский (первый до этого занимал пост волынского

губернатора, а второй подольского вице-губернатора¹), на данный момент нами не выявлены. Возможно, они не были подготовлены. Судя по всему не был составлен и отчет по управлению Перемышльской губернией.

3. БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О С. Д. ЕВРЕИНОВЕ

Автор отчета по управлению Черновецкой губернией Сергей Дмитриевич Евреинов родился 10 октября 1869 г. в потомственной дворянской семье в Тульской губернии. В возрасте 20 лет он поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию, которую окончил в 1893 г. Тогда же в чине губернского секретаря Евреинов был определен на службу в Государственную канцелярию. В 1894 г. он был назначен помощником делопроизводителя 1-го Департамента канцелярии, а через три года получил чин коллежского секретаря. В апреле 1896 г. Сергей Дмитриевич был командирован в состав временного

Сергей Дмитриевич Евреинов

отделения Министерства юстиции, образованного в Москве по случаю коронавания

¹ В «Отчете временного военного генерал-губернатора Галиции по управлению краем за время с 1-го сентября 1914 года по 1-е июля 1915 года» Чарторижский ошибочно назван волынским вице-губернатором.

императора Николая II и императрицы Александры Федоровны. В июне 1897 г. он получил должность младшего делопроизводителя канцелярии варшавского генерал-губернатора. В апреле 1899 г. Евреинов получил чин титулярного советника, а с 1 октября того же года стал чиновником без содержания с прикреплением к 1-му делопроизводству канцелярии при варшавском генерал-губернаторе. Получив 1 апреля 1902 г. за выслугу лет чин коллежского асессора, Евреинов уволился со службы в Варшавском генерал-губернаторстве и в июне того же года был назначен кандидатом в земские начальники при Тарусском уездном съезде Калужской губернии. С 1 июля 1904 г. он был оставлен за штатом и в течение полутора лет жил в своем имении в Тарусском уезде, а с 22 января 1906 г. был причислен к Министерству внутренних дел. В апреле того же года Евреинова произвели в чин надворного советника. 8 февраля 1908 г. он занял должность калужского уездного предводителя дворянства, 10 ноября 1911 г. срок пребывания его на этом посту был продлен еще на три года. 9 января 1914 г. Евреинов был назначен на должность бессарабского вице-губернатора. 3 июня 1914 г. он удостоен звания камер-юнкера Двора его императорского величества, а 16 июня 1914 г. стал коллежским советником.

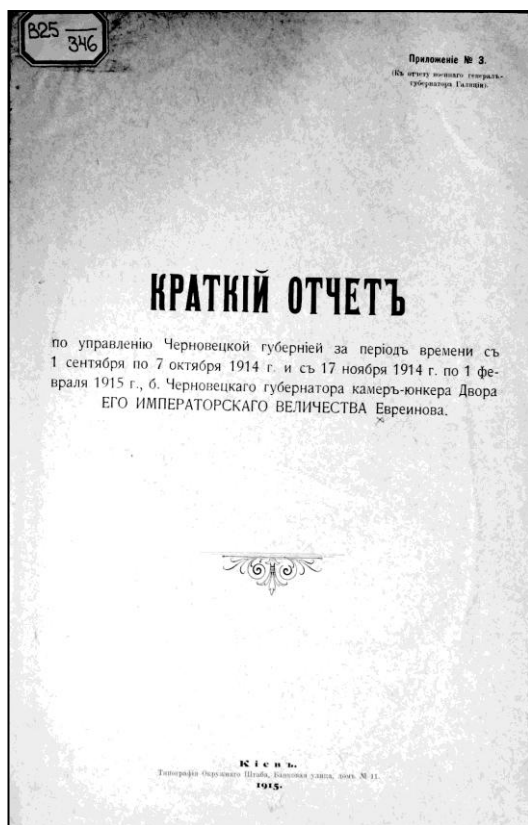
По приказу бессарабского губернатора М. Э. Гильхена от 30 августа 1914 г. Евреинов был откомандирован в распоряжение главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта Н. И. Иванова и военного генерал-губернатора Галиции Г. А. Бобринского. По представлению последнего он был назначен губернатором только что учрежденной Черновецкой губернии. 1 сентября Сергей Дмитриевич прибыл в Черновцы и принял управление городом и регионом от командующего Днестровским отрядом генерала Навроцкого. 1 января 1915 г. черновецкого губернатора произвели в чин статского советника. 1 апреля 1915 г. Евреинову, находившемуся после окончательного оставления Черновцов в распоряжении галицийского генерал-губернатора, было поручено управление вновь созданной Перемышльской губернией.

После отступления русской армии из Галиции Евреинов получил 6 июля 1915 г. назначение на пост исполняющего обязанности самарского губернатора. Окончательно вступил он в эту должность через месяц, когда ему досрочно был присвоен чин действительного статского советника. Но уже 19 октября того же года Евреинов был освобожден от этой должности. Уход с поста самарского губернатора был мотивирован его тяжелой болезнью. 20 октября Евреинов прибыл в Петроград с прошением о предоставлении продолжительного отпуска. Тем не менее уже 13 ноября его назначили на должность ярославского губернатора. На этом посту Сергей Дмитриевич оставался до 16 октября 1916 г., когда получил назначение на должность помощника по гражданской части военного генерал-губернатора занятых по праву войны областей Австро-Венгрии Ф. Ф. Трепова [5, с. 374].

Самарский исследователь, автор биографической статьи о Евреинове В. В. Ерофеев пишет: «Будучи по своим взглядам убежденным монархистом, С. Д. Евреинов без энтузиазма встретил обе революции 1917 года. Родственники настоятельно просили его эмигрировать в Европу, как это сделали его брат и две сестры, но Евреинов по каким-то обстоятельствам задержался в бушующей России.

Как бывшего офицера и к тому же губернатора, его после Октябрьского переворота арестовали и должны были судить. Но в 1918 году Евреинов, сидя в Бутырской тюрьме, перенес инсульт, и в результате стал полным инвалидом, потерявшим возможность ходить и почти полностью лишившимся речи. Хотя его и судили, но по состоянию здоровья сразу же освободили от наказания. Его жена Екатерина Ивановна Евреинова перевезла частично парализованного мужа на квартиру своей бабушки, расположенную в Москве, в Малом Успенском переулке. Здесь Сергей Дмитриевич Евреинов умер в 1931 году в возрасте шестидесяти трех лет (более точная дата его смерти неизвестна)» [6].

4. СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ «КРАТКОГО ОТЧЕТА ПО УПРАВЛЕНИЮ ЧЕРНОВЕЦКОЙ ГУБЕРНИЕЙ»

Отчет, составленный Евреиновым за тот недолгий период, в который ему довелось находиться во главе Черновецкой губернии, имеет следующее заглавие: «Краткий отчет по управлению Черновецкой губернией за период времени с 1 сентября по 7 октября 1914 г. и с 17 ноября 1914 г. по 1 февраля 1915 г., б. черновецкого губернатора камер-юнкера двора его императорского величества Евреинова». Документ напечатан в 1915 г. в Киеве в типографии штаба Киевского военного округа. Издание невелико по объему: оно насчитывает всего семь страниц форматом 34×21,5 см. Впрочем, губернаторские отчеты вообще были, как правило, довольно краткими, ведь согласно положению, утвержденному еще в 1870 г. и действовавшему в целом без каких-либо изменений вплоть до 1917 г., эти документы должны были включать «в краткой и сжатой форме изложение лишь того, что достойно высочайшего внимания» [7, № 48502,

с. 857–858]. На обложке (отчет не имеет титульного листа) и на первой странице в правом верхнем углу напечатано: «Приложение № 3. (К отчету военного генерал-губернатора Галиции)». Отметим в этой связи, что перечисленные выше печатные отчеты по различным частям управления Галицией также обозначены как номерные приложения к общему отчету генерал-губернатора (например, «Отчет о деятельности отдела военного генерал-губернатора Галиции по увековечению памяти воинов, павших в Галиции» является приложением № 21).

Несмотря на свой небольшой объем текст отчета по управлению Черновецкой губернией имеет довольно дробную рубрикацию и разбит на 31 раздел. Вот их перечень: Общие замечания о Черновецкой губернии. Условия, при которых введено было гражданское управление в Черновецкой губернии. Отношение местного населения к русской власти. Еврейское население. Религиозный вопрос и духовенство. Городское управление. Состояние города и торговли. Лазареты и госпитали. Городская полиция. Продовольствие и запасы. Благотворительность. Враждебные русским партии. Австрийские жандармы. Эвакуация Черновцов в октябре. Условия, при которых возобновилась деятельность гражданского управления в ноябре. Отношение населения. Репрессии австрийцев во время отхода наших войск. Религиозный вопрос и духовенство. Религиозный фонд. Евреи. Состояние города и торговли. Городское управление и хозяйство. Благотворительность. Медицинская часть. Введение уездных управлений и их деятельность. Сельское население. Отношения с Румынией. Русские старообрядцы. Беженцы. Личный состав. Деятельность канцелярии губернатора.

При составлении отчета Евреинов уделил основное внимание общественно-политической обстановке в регионе и религиозному вопросу. Экономическая проблематика затронута им вскользь, что естественно, принимая во внимания те чрезвычайные обстоятельства военного времени, в которых доводилось действовать русской губернской администрации.

В самом начале отчета губернатор указывает, что «Черновецкая губерния, предположенная к образованию из австрийской Буковины с присоединением к ней нескольких уездов Галиции, за все время действий гражданской власти в крае, никогда не могла фактически быть организована как одно целое, в силу военных обстоятельств и вместе с тем находилась в совершенно исключительных условиях, не дававших возможности гражданской власти действовать однообразно с соседними губерниями Галиции – Тарнопольской и Львовской. В пределах губернии все время происходили военные действия, благодаря чему она находилась в черте войскового района и следовательно во многих отношениях подчинялась особым правилам и условиям управления. Постоянное передвижение войсковых частей с чередовавшимися занятием и очищением довольно значительных территорий само по себе лишало возможности устанавливать какое-либо определенное и твердое управление, а потому главная и подчас исключительная задача администрации лежала в поддержании возможного порядка в населении и в исполнении требований войсковых частей. Оставление нами Буковины в период времени с 7 октября и до возвращения наших сил в Черновцы 15 ноября положили резкую грань в условиях, при которых приходилось там действовать, и уничтожив все, что так или иначе было начато и заведено в сентябре месяце, заставило работать остальные два с половиной месяца при иных обстоятельствах и при ином отношении к нам населения» (с. 1).

Автор отчета подробно остановился на отношении местных жителей к русским властям, отметив, что «местное население, состоявшее из русин и румын отнеслось вначале к нам с полным доброжелательством и самый приход русских по-видимому был для них приятен, так как с ним они связывали освобождение от того немецко-

еврейского гнета, при котором они жили под австрийским владычеством» (с. 1). Совершенно иным, по словам Евреинова, было отношение еврейского населения Буковины: «Что касается евреев, то с самого начала они ясно и определенно заняли враждебную нам позицию, и не рискуя какими-либо открытыми выступлениями, проявляли свою деятельность всеми доступными им способами. Постоянный шпионаж, о котором единогласно свидетельствовали мне все начальники войсковых частей, чрезвычайно облегченный близостью румынской границы, никем не охраняемой, и довольно редкой передовой линии наших войск, что при характере гористой местности и больших лесных пространств, значительно помогало сообщению с неприятелем, еженощная сигнализация из города, поставка неприятелю необходимых припасов, упорное неподчинение распоряжениям власти и постоянное распространение ложных и тревожных слухов, вынуждало и военную власть и администрацию применять к ним подчас крутые меры», к каковым относились «аресты, заключения в тюрьму за неисполнение обязательных постановлений и высылки из пределов края на время военных действий» (с. 2).

Столь негативное отношение еврейского населения Галиции и Буковины к приходу русских войск и русской администрации не должно удивлять. Генерал-губернатор Галиции Г. А. Бобринский указывал в своем отчете, что «пользуясь полным юридическим равноправием со всем остальным населением и захватив в свои руки экономическое господство в крае, евреи, естественно, не могли благожелательно относиться к занятию этого края Россией, законодательство и общественное мнение которой не обещали им того положения, которое они занимали в Галиции» [8, с. 3].

Но вообще, по словам Евреинова, за период, предшествовавший отступлению русских войск из Буковины в начале октября 1914 г., «характерною чертою было <...> доброжелательное отношение к нам населения и все возраставшее доверие его к русским, конечно, за исключением еврейской его части, а посему не возникало никаких резких трений и никакие остатки украинской или немецкой партий не пытались возрождаться, а скорее стремились тем или иным путем скрыться в Австрию» (с. 3).

В отчете отмечено, что «единственным возмущающим элементом, кроме евреев, являлись австрийские жандармы, проникавшие благодаря малочисленности наших войск и отсутствия наличных сил полиции довольно глубоко в занятые нами местности и творившие расправу с теми, кто оказывал содействие русским войскам или отказывался следовать за жандармами для поступления в ряды австрийской армии. Во всех таких случаях единственными доносчиками и указателями укрывающихся являлись опять таки евреи, а потому и ненависть к ним населения часто прорывалась несмотря на вековой еврейский гнет и вселенный ими страх» (с. 3).

Рассматривая религиозный вопрос в крае, Евреинов отметил факт сближения местного христианского населения с русскими, чему способствовало то обстоятельство, «что господствующей церковью в Буковине была православная, а все инославные исповедания являлись как бы вкрапленными в православную среду и могли иметь значение лишь при искусственной их поддержке австрийским

правительством». Поскольку же «большинство священников из числа ставленников и агентов австрийского правительства бежало, то среди оставшихся, из коих много было искренних сторонников России, я нашел полную готовность идти мне навстречу и сам митрополит Владимир Репта не отказался лично служить молебен о здравии государя императора и издать циркуляр о поминовении Русского царствующего дома в церквях его епархии». «Вообще все время, – продолжает Евреинов, – отношения с митрополитом были вполне корректные и дружелюбные и если возникали некоторые недоразумения, то лишь по вопросу еврейскому, так как он вначале из страха ли, или по другим причинам, оказывал евреям слишком большое покровительство и пытался вмешиваться в распоряжение по этим делам» (с. 2).

К числу первоочередных мероприятий новой губернской власти было отнесено налаживание управления главным городом края. Губернатору и здесь пришлось столкнуться с жестким противодействием со стороны местного еврейского населения: «Большая часть чиновной аристократии и городское выборное управление состояло из евреев, настолько сильно влиявших на жизнь в городе, что в первый же день моего приезда генерал Навроцкий сообщил мне, что он считает безусловно необходимым устранить этих лиц и главных деятелей выслать из края. В ту же ночь командированные начальником отряда офицеры произвели надлежащие аресты, а городским головою мною был назначен местный житель, румын по национальности, доктор прав Фемистокл Боканча. Ему же мною было поручено подобрать себе помощников и устранить по немногу из городского управления всех служащих евреев. Выбор головы <...> я должен признать удачным, так как Боканча проявил энергичную деятельность по ведению городского хозяйства и оказался настолько нам преданным человеком, что оба раза при оставлении нами Буковины, не задумываясь, уезжал в Россию вместе с своей семьей, теряя при этом все свое личное состояние» (с. 2). По словам А. Ю. Бахтуриной, выбор Боканчи в качестве черновецкого городского головы был не случаен, поскольку «вопрос о вступлении в войну Румынии [в 1914 г. – А. Р.] оставался открытым. Последняя была заинтересована в приобретении южной Буковины, населенной преимущественно румынами. Определенное поощрение румын в Буковине должно было продемонстрировать дружеские чувства царского правительства к Румынии» [5, с. 156–157].

Немалые трудности русским властям доставило то, что черновецкая городская полиция была уведена австрийцами и ко времени прибытия Евреинова в городе действовала милиция, сплошь состоящая из евреев, а потому и замененная им немногими местными жителями из христиан в помощь имевшемуся в распоряжении губернатора отряду русских стражников в 50 человек (с. 3).

Сами Черновцы при занятии их русскими войсками в конце августа 1914 г. практически не пострадали, местное население продолжало вести привычный образ жизни «независимо от перехода города во власть русских» (с. 1). Евреинов отмечает, что «город в сентябре месяце имел еще большую часть жителей, так как бежали с австрийскими войсками лишь чиновники и самые богатые евреи, торговля шла полным ходом и недостатка ни в чем не замечалось. Австрийские власти вывезли некоторые правит[ельственные] учреждения, кассы и казначейство, но

разрушений в городе не произвели и оставили даже полную мебелировку казенных зданий» (с. 2).

При отступлении русского гарнизона из Черновцов 7 октября 1914 г. деятельность гражданского управления была прервана, причем губернатором «были взяты два заложника из евреев с предупреждением населения, что если со стороны евреев последуют насилия или доносы на христиан, то заложники за это ответят» (с. 3).

Действия русской гражданской администрации в Черновцах возобновились с 17 ноября после вторичного занятия города русскими войсками. Евреинов, вновь приступивший к исполнению обязанностей черновецкого губернатора, отмечает, что «с первых же шагов пришлось считаться с тем, что самое отношение населения к нам носило уже иной характер и если не было враждебно, то резко сказывалось известное недоверие и боязнь нового очищения нами Буковины, при котором всех расположенных к нам людей ожидали новые репрессии со стороны австрийцев» (с. 3). Далее губернатор указывает, что «эти последние, во время временного своего господства собрали и увели всех годных к военной службе, не успевших куда либо скрыться, реквизировали скот, хлеб, припасы и фураж, а по отношению к населению, подозреваемому в сочувствии русским, применили решительные и крутые меры наказания – вплоть до смертной казни без всякого суда, а лишь по доносам евреев и жандармов. Запуганные этими репрессиями жители весьма неохотно и крайне осторожно относились к русской власти и войскам и стремились как можно менее входить в ними в соприкосновение» (с. 4).

Против русских властей работало и то, что они за время вынужденного отступления из Буковины «утратили поддержку и многих православных священников, увезенных и арестованных австрийской властью, а потому и влиять на настроение населения стало очень трудно» (с. 4).

Подробнейшим образом черновецкий губернатор охарактеризовал отношение местного еврейского населения к русской администрации накануне отступления из Черновцов в октябре и возвращения в ноябре: «За время отсутствия из Буковины русских войск еврейское население более резко и определенно высказало свое враждебное к нам отношение, особенно тогда, когда чувствуя приближение австрийских войск и зная их значительный численный перевес, стало надеяться на совершенное и бесповоротное очищение нами того края. Уже в день, предшествовавший нашему уходу из Черновцов, евреи вели себя крайне вызывающе и несмотря на запрещение собирались большими толпами, что и вынудило меня рассеять их силой; при выезде моем, почти без охраны, из города евреи тоже вели себя крайне нагло, а во время владычества австрийцев объявляли, что христианское население увидит, как с ним расправятся евреи. Это последнее не было пустой угрозой, так как они, пользуясь всяким поводом, нещадно били не только взрослых мужчин, но женщин, детей и стариков, доносили австрийским властям на всех, кто даже поневоле разговаривал с русскими и буквально терроризировали христианское население, предпочитавшее даже бежать от этого преследования. Так как Черновцы вновь были заняты нами без боя, то обстрелу еврейский квартал не подвергался и все его население при новом моем прибытии

находилось на месте и вело себя довольно вызывающе. Это обстоятельство вынудило меня собрать наиболее зажиточных евреев и взять их заложниками впредь до внесения наложенной мною, по распоряжению генерал-губернатора, контрибуции, которая – однако так никогда и не поступила. Вместе с тем мною был конфискован еврейский национальный дом, представлявший из себя ценность около 200,000 рублей. В дальнейшем евреи хотя внешне и присмирели, но тайно всячески продолжали свою работу шпионажа и обхода постановлений власти тем или иным путем. Долгое отсутствие у меня органов городской полиции не дало мне возможности произвести точную регистрацию населения, без которой невозможно было что либо предпринять против постоянных уходов и прибытия евреев через румынскую границу, значительно удлинившуюся и совершенно с нашей стороны открытую» (с. 4–5).

В октябре-ноябре 1914 г. обстановка в Черновцах претерпела по сравнению с предыдущим периодом весьма существенные изменения. Евреинов по этому поводу замечает: «...самый город, хотя опять таки и не пострадал от военных бедствий, но лишенный двух третей своего населения, значительно опустел и замер, торговля сократилась во много раз, а бегство многих хозяев магазинов, особенно евреев, вынудило прибегнуть к открытию тех из них, которые торговали предметами первой необходимости, и передать самую торговлю под контроль городского управления». На выручку губернатору вновь пришел городской голова Боканча, который делал все что было в его силах, чтобы поддерживать порядок в городе, однако «при полном почти отсутствии средств, а также рабочих рук, приходилось мириться с некоторыми недочетами». Тем не менее, отмечает Евреинов, «водопровод был вновь исправлен, город освещался электричеством, трамваи работали, а в начале января, когда стала сказываться нищета, город открыл несколько дешевых и даже даровых столовых для беднейшего люда» (с. 5).

Отношения с сельскими жителями Черновецкой губернии складывались у русской администрации более благоприятно. Губернатор объяснял это тем, что «сельское население, менее волнуемое разными слухами, легче шло навстречу нашим начинаниям и, видя с введением гражданской власти восстановление известного порядка и законности, крайне сочувственно относились и к требованиям власти, и к ее исполнителям, тем более что в них же оно видело и защитников от еврейского гнета и террора» (с. 5). Осенью 1914 г. местные селяне, несмотря на сложную военно-политическую обстановку в крае, продолжали заниматься сельскохозяйственными работами, в частности, уборкой кукурузы.

В заключительной части отчета Евреинов привел сведения о численном и штатном составе чинов черновецкой губернской гражданской администрации: «При введении гражданского управления в Буковине я имел в своем распоряжении пятьдесят конных стражников и следующий личный состав: штаб-офицера для особых поручений, врачебного инспектора, четырех лиц, подходящих на должность помощника начальника уезда, двух чинов моей канцелярии и четырех околоточных надзирателей. В течение сентября были ко мне командированы два лица на должность начальника уезда и пять лиц на должность помощников начальника уезда». В отчете отмечено, что некоторые должностные лица после первой

эвакуации были признаны непригодными для службы в новозавоеванном крае и отчислены к прежним должностям (один начальник уезда, четыре помощника начальника уезда и три околоточных). При вторичном вступлении русской армии в Черновцы вместе с Евреиновым туда прибыли четыре чина губернаторской канцелярии, штаб-офицер для особых поручений, врачебный инспектор, два начальника уезда, семь помощников начальника уезда, два околоточных надзирателя и пятьдесят конно-полицейских стражников. «В течение времени управления губернией постепенно личный состав увеличивался вновь командируемыми лицами, хотя многие из них прибыли почти накануне вторичного очищения Черновцов, а некоторые даже и после этого. К 1 февраля наличный состав по всей губернии состоял: 1) восемь лиц моей канцелярии, 2) штаб-офицер для особых поручений, 3) врачебный инспектор, 4) шесть начальников уезда, 5) девять помощников начальника уезда, 6) девять чинов канцелярий управлений начальников уездов, 7) полицеймейстер гор. Черновцов, 8) четыре пристава, четыре помощника пристава, шестнадцать околоточных надзирателей и сорок городских городской полиции, 9) десять урядников, 10) двести сорок девять стражников» (с. 6).

«По мере прибытия ко мне классных чинов и стражи и поскольку войска наши начали продвигаться на юг и запад, – сообщает в отчете Евреинов, – начали открываться уездные управления в Заставне, Городенке, Коломее и Черновцах, причем главной задачей, кроме, конечно, текущих дел, мною было поставлено начальникам уездов скорейшее ознакомление с условиями жизни, создавшимися в каждом уезде и выяснении количества населения, имеющихся запасов хлеба, скота и лошадей, а также имуществ, подлежащих секвестру с одной стороны и заводов и владений казны, подлежащих конфискации, с другой. Планомерная работа в этом отношении, сильно затрудняемая и зимним временем года, и отсутствием способов передвижения, началась с конца декабря месяца, но была через месяц уже прервана новым натиском неприятеля, а потому и не дала никаких серьезных результатов. Лишь несколько соляных и сахарных заводов успели быть обложенными надлежащим акцизом, и поступившие суммы были внесены в доход казны» (с. 5).

В своем отчете Евреинов затронул такой щепетильный для русской дипломатии вопрос, как контроль над южной Буковиной, на которую имела виды Румыния: «...с движением наших войск на юг и с возникавшим предположением о введении русской администрации и в южной Буковине приходилось считаться с настроением как местного румынского населения, так и зарубежных румын, тем более, что в этом отношении рекомендовалась огромная осторожность и необходимость считаться с общественным мнением Румынии. Тем не менее, благодаря присутствию в Черновцах представителя дипломатического ведомства Муравьева, осведомлявшего меня о направлении нашей политики, а также имея сведения от доброжелательной к нам части румынского общества, никаких трений и инцидентов не возникало, а местные румыны в южной Буковине совершенно откровенно выражали радость по поводу нашего туда вступления» (с. 5).

После занятия русской армией северной Буковины под контролем русских властей оказалось село Белая Криница, в котором находился церковный центр

русских старообрядцев-липован, переселившихся в Буковину в конце XVII – начале XVIII в. после реформ патриарха Никона. По словам Евреинова, буковинские староверы благожелательно отнеслись к приходу русской армии, а белокриницкий митрополит Макарий (Лобов), прибывший к губернатору в Черновцы, «просил повергнуть к стопам его императорского величества выражения любви и благодарности от имени его и всех белокриницких старообрядцев». Императору Николаю II «благоугодно было осчастливить митрополита ответом и благодаря этому, когда наступила необходимость для них уходить из своих мест, по мере очищения нами Буковины, старообрядцы во главе с митрополитом перешли не в Румынию, а в Россию» (с. 5–6).

При отступлении русской армии из Буковины в январе – феврале 1915 г. вслед за отходившими воинскими частями потянулись массы беженцев, «оставлявших свои дома и земли, и это явление не может быть приписываемо исключительно страху перед возвращением австрийцев, а несомненно свидетельствует о сознательном сочувствии к нам и искании помощи и заступничества у родного им по крови и вере народа» (с. 6).

Подводя итоги своей деятельности на посту черновецкого губернатора, Евреинов указывает, что «вся работа администрации второго периода протекала при условиях не менее тяжелых, чем в сентябре, так как, хотя сама территория Буковины, находившаяся в наших руках и была больше, но постоянные передвижения войск вперед и назад, отсутствие железных дорог, условия зимы – все это сплошь и рядом не давало возможности планомерно вести дело и создавать что либо основательное. Этот период русского управления кончился 1-го февраля и засим не возобновлялся. При оставлении Черновцов и губернии мною и начальниками уездов взяты были требуемые приказом заложники и благополучно эвакуированы преданные нам люди, раненые и все имущество управлений, а беженцы были направлены в Бессарабскую и Подольскую губернии» (с. 6).

ВЫВОДЫ

«Краткий отчет по управлению Черновецкой губернией», составленный С. Д. Евреиновым, является важным историческим источником, содержащим ценный фактический материал, раскрывающий сущность политики Российской империи в северной Буковине в период, когда эта территория находилась под контролем русских войск. Данный документ, до сих пор не введенный в широкий научный оборот, должен обязательно использоваться исследователями, которые обращаются к истории Галиции и Буковины в годы Первой мировой войны.

С историко-библиографической точки зрения выявление «Краткого отчета по управлению Черновецкой губернией» позволяет дополнить репертуар печатных всеподданнейших губернаторских отчетов новым уникальным изданием, относящимся к региону, по которому подобные документы до настоящего времени не были известны.

Список использованных источников и литературы

1. Дятлова Н. П. Отчеты губернаторов как исторический источник // Проблемы архивоведения и источниковедения. Материалы науч. конф. архивистов Ленинграда. 4–6 февр. 1964 г. Л.: Наука, 1964. С. 227–246.
- Dyatlova N. P. Otchety gubernatorov kak istoricheskii istochnik // Problemy arkhivovedeniya i istochnikovedeniya: Materialy nauch. konf. arkhivistov Leningrada. 4–6 fevr. 1964 g. L.: Nauka, 1964. S. 227–246.
2. Минаков А. С. Годовые всеподданнейшие отчеты губернаторов : исслед. опыт и источниковед. перспективы // Археографический ежегодник за 2009–2010 годы. М. : Наука, 2013. С. 37–55.
- Minakov A. S. Godovye vsepoddanneishie otchety gubernatorov : issled. opyt i istochnikoved. perspektivy // Arkheograficheskii ezhegodnik za 2009–2010 gody. M. : Nauka, 2013. S. 37–55.
3. Раздорский А. И. Отчеты губернаторов Великого княжества Финляндского как исторический источник // Скандинавские чтения 2012 года: этногр. и культ.-ист. аспекты. СПб. : Кунсткамера, 2014. С. 199–212.
- Razdorskii A. I. Otchety gubernatorov Velikogo knyazhestva Finlyandskogo kak istoricheskii istochnik // Skandinavskie chteniya 2012 goda: Etnogr. i kul't.-ist. aspekty. SPb. : Kunstkamera, 2014. S. 199–212.
4. Бахтурина А. Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М.: АИРО-XX, 2000. 264 с.
- Bakhturina A. Yu. Politika Rossiiskoi imperii v Vostochnoi Galitsii v gody Pervoi mirovoi voyny. M.: AIRO-XX, 2000. 264 s.
5. Бахтурина А. Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2004. 388 с.
- Bakhturina A. Yu. Okrainy Rossiiskoi imperii: gosudarstvennoe upravlenie i natsional'naya politika v gody Pervoi mirovoi voyny (1914–1917 gg.). M.: ROSSPEN, 2004. 388 s.
6. Ерофеев В. В. Евреинов Сергей Дмитриевич [Электронный ресурс] // Историческая Самара [сайт] / Валерий Ерофеев. Самара, 2014–2016. Режим доступа: <http://историческая-самара.рф/каталог/самарская-персоналия/евреинов-сергей-дмитриевич.html> (дата обращения: 13.10.2016).
- Erofeev V. V. Evreinov Sergei Dmitrievich [Elektronnyi resurs] // Istoricheskaya Samara [sait] / Valerii Erofeev. Samara, 2014–2016. Rezhim dostupa: <http://istoricheskaya-samara.rf/katalog/samarskaya-personaliya/e/evreinov-sergei-dmitrievich.html> (data obrashcheniya: 13.10.2016).
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Том 45, отделение 1. СПб., 1874. 896 с.
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 2. Tom 45, otdelenie 1. SPb., 1874/ 896 s.
8. Отчет временного военного генерал-губернатора Галиции по управлению краем за время с 1-го сентября 1914 года по 1-е июля 1915 года. Киев: Тип. штаба Киев. воен. окр., 1916. 49, II с.
- Otchet vremennogo voennogo general-gubernatora Galitsii po upravleniyu kraem za vremya s 1-go sentyabrya 1914 goda po 1-e iyulya 1915 goda. Kiev: Tip. shtaba Kiev. voen. okr., 1916. 49, II s.

Razdorsky A. I. «The short-form report on administration of the Chernivtsi province» in 1914–1915 the governor s. d. evreinov as the historical source.

In article it is told about the «Short-form report on management of the Chernovetsky province» constituted by the Chernivtsi governor Sergey Evreinov in 1915 and printed the same year in Kiev in typography of headquarters of the Kiev military district. This unique historical document which wasn't introduced into wide scientific circulation so far was found by the author of article during inspection of the general alphabetical catalog of the State Public Historical Library of Russia in Moscow. Examination of the catalog of the State Public Historical Library of Russia was conducted in the course of work on preparation of the summary catalog of printing reports of governors, chiefs of areas and city's mayors of the Russian Empire.

The general characteristic of printing reports of governors, chiefs of areas and city's mayors is placed, a geographical framework of these documents is specified. It is noted that reports had confidential character, intended only for interdepartmental turnover, weren't subject to disclosure and the open publication.

Information on a military-political situation is provided in Galicia and Bukovina in 1914–1915. Time of organization of four provinces created in the territory of Galicia and Bukovina is specified (Lviv, Ternopil,

Chernivtsi, Peremyshl). The purposes which were set before itself by the government of the Russian Empire during creation of these provinces are noted. Surnames of governors who were appointed to direct these provinces are specified.

Short information about structure of reports of governors, chiefs of the areas and city's mayors of the Russian Empire who are stored in the Russian State Historical Archive in St. Petersburg are provided in article. It is noted that reports of governors of Galicia and Bukovina in this archive are absent. Also data on various reporting documents of the Russian bodies of military and civil management of Galicia published in 1915–1916 which are stored in the State Public Historical Library in Moscow are provided. It is noted that some of these documents (for example, the report of the interim military governor general of Galicia) were used by the historian A. Bakhturina by preparation of monographs about a military-political and religious situation in Galicia and Bukovina in the years of World War I, however Evreinov's report wasn't known to it.

Detailed biographic data on the author of the report Sergey Evreinov are provided (birth date, the got education, office career, chronology of receipt of ranks).

In article the structure and contents of «The short-form report on management of the Chernovetsky province» are in detail analysed. Bibliographic data on the edition (the title, the place of the edition, the number of pages, a format) are specified. The list of sections into which the text of the report is divided is provided.

It is noted that in case of creation of the report Evreinov paid the main attention to a social and political situation in the region and to a religious question. Economic problems were covered by it in the shortest type.

In article the most important fragments of the text of the report are stated and analysed. Information on a condition of the city of Chernivtsi and the Chernovetsky province in case of the entry into Bukovina of the Russian army is provided. Data on difficulties which the Russian provincial administration had to face after the beginning of the activities in this region are provided.

Data on the relation to the Russian administration from various ethnic groups of the population of Bukovina (Russinians, Romanians, Jews) are in detail provided. Evreinov's opinion on the negative relation to the Russian administration of the Jewish population is given, the reasons which caused such relation are specified.

Data on a condition of a religious question are provided in the region, information on the relation to the Russian power of the Bukovina orthodox clergy and the Russian Old Believers living in this region is placed. Information on the relation to the Russian administration of the population of the southern Bukovina most of which of inhabitants was constituted by Romanians is provided.

Data on actions of provincial administration on ensuring normal functioning of the municipal government and municipal economy in the city of Chernivtsi are provided, the mayor of the city of Chernivtsi is specified.

Data on number and the regular list of officials of the Chernivtsi provincial civil authorities are provided.

Information on a situation is provided in Bukovina during departure of the Russian army in January-February, 1915, information on refugees and routes along which they were directed in the Russian Empire.

Keywords: humbly annual reports reports, governors, mass sources, source study, archaeography, bibliography, Bukovina, Galicia, Chernivtsi, Chernovetsky province, World War I, Evreinov Sergey Dmitriyevich, State public historical library of Russia.

УДК 908:070.482:37.014.52 (477.75)

**ИЗ ИСТОРИИ ЖЕНСКОГО ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ТАВРИДЕ:
К 150-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ ТАВРИЧЕСКОГО ЕПАРХИАЛЬНОГО
ЖЕНСКОГО УЧИЛИЩА**

Агатова М. А.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: agatovamasher@mail.ru*

История церковного образования в Таврической губернии занимает важное место в исследованиях современных авторов. В Таврической епархии с самого ее создания ключевыми вопросами являлись духовно-нравственное образование детей духовенства, а также получение такого образования другими сословиями губернии. Большое место в деле образования уделялось трем главным учебным учреждениям епархии: Таврической духовной семинарии, Симферопольскому (мужскому) духовному и Таврическому епархиальному женскому училищам. В связи с этим, работая с периодическим изданием «Таврические епархиальные ведомости», мною были выявлены новые материалы по истории женского дореволюционного образования в Тавриде. Найденные материалы не были упомянуты современными исследователями. Таким образом, выявленные публикации на страницах периодических изданий Таврической епархии могут являться важным дополнением к истории создания первого в Крыму женского епархиального училища.

Ключевые слова: православие, Таврическая епархия, женское училище, воспоминания, Священный Синод.

В истории Таврической епархии заметную роль играли духовные учебные заведения, активно ведшие свою работу во второй половине XIX – начале XX веков. В 2016 году исполняется 150 лет со времени создания Таврического епархиального женского училища. История его существования насчитывает более 50 лет, с 1866 по 1920 год. За это время женское училище выпустило немало образованных педагогов, преподававших впоследствии в различных духовных и светских учебных заведениях. С 1866 года училище из небольшого женского сиротско-воспитательного заведения переросло в полное образовательное семиклассное училище для девочек духовного звания, по уровню знаний и воспитанию не уступавшее женскому гимназическому образованию. В современных публикациях в основном исследованы механизмы управления и содержания епархиального духовно-учебного заведения, а также профессионально-педагогические вопросы преподавания в Таврическом женском училище. Это научные работы К. В. Шумского, Л. П. Шкарлайт, Е. В. Костылевой [2, с. 56–69; 12; 13]. В нашей работе приводится информация о публикациях в «Таврических епархиальных ведомостях» (далее «ТЕВ»), посвященных истории училища и обойденных вниманием вышеперечисленных исследователей.

Первая публикация принадлежит преподавателю Пензенской духовной семинарии А. Троицкому и опубликована в «ТЕВ» в 1897 году в № 42–44 под названием «Из истории Таврического епархиального женского училища». Очерк составлен на основе документов синодального архива – «Дело об учреждении Симферопольского

училища девиц духовного звания», начато 29.05.1863 и окончено 3 июня 1866 года за № 31(2278). Дело, рассмотренное в данной статье, имеет полное и подробнейшее описание создания в Таврической епархии первого духовного женского образовательного заведения, а также исторические сведения о зарождении женского образования в духовном сословии России. В статье подробно приводится переписка епископа Алексия (Ржаницина) с обер-прокурором Святейшего Синода А. П. Ахматовым, секретарем ее величества императрицы Марии Александровны П. А. Морицем и другими высокопоставленными лицами.

Идея создания женских духовных училищ в 1843 году принадлежала великой княжне Ольге Николаевне, дочери Николая I, с 1864 года королевы Вюртембергской. Княжна в своей записке обер-прокурору Св. Синода Н. А. Протасову, напечатанной в книге «Об училище девиц духовного звания» за 1864 год, высказывает необходимость учреждения таких в России: «Доставление им (учащимся) хорошего воспитания не только составит благополучие их собственных семей, но будет значительно способствовать к распространению просвещения и к улучшению нравов в тех сословиях, на которые священники обыкновенно имеют большее влияние» [9, с. 1124]. За 20 лет эта задумка была успешно воплощена в жизнь, и по всей территории Российской империи стали создаваться образовательные учреждения для девочек сельских и уездных священнослужителей. К 1860 году их насчитывалось уже 25, не считая монастырских приютов. Создание училищ также было неразрывно связано с реформой освобождения крестьян в 1861 году. Выпускницы женских духовных училищ по возвращении в свои уезды становились учительницами сельских школ и народных училищ, тем самым повышая образовательный уровень православного населения страны. Огромную роль в появлении в Таврической епархии женского училища сыграло посещение Крыма в 1863 году Императрицей Марией Александровной. Уже в феврале – мае 1863 года по ее поручению активно стал решаться вопрос о создании училища между Священным Синодом и Таврической епархией в лице Епископа Алексия (Ржаницина). В «ТЕВ» приводится переписка секретаря ее величества господина П. А. Морица с обер-прокурором Св. Синода А. П. Ахматовым, в которой секретарь императрицы подробно объяснял, как и где по поручению ее величества организовать женское училище. В письме говорится о передаче в ведение Таврической епархии земли бывшего ботанического сада Министерства госимущества со всеми имеющимися строениями. По поручению Ахматова этим вопросом стал заниматься князь С. Н. Урусов. Он переслал епископу Алексию для выбора различные уставы, среди которых наиболее приемлемым оказался Могилевский устав [10, с. 1129–1133]. В статье А. Троицкого были опубликованы письма и подробнейшие изъяснительные записки епископа Алексия о состоянии дел в Св. Синод, к князю Урусову. Владыка довольно быстро нашел средства для устройства училища. Но просьба ежегодного содержания училища Св. Синодом не была удовлетворена. Также не были приняты Синодом испрашиваемые некоторые изменения в принятом уставе. Единственно, что сделал Синод, это в конце 1864 года передал Корсунский монастырь в ведение Таврической епархии. С него назначалась сумма для содержания новоустроенного училища. Расход на содержание означался суммой в 3,5 тысячи рублей в год. И 2 февраля 1866 года в праздник Сретения

Господня в Св. Синод поступило донесение от Преосвященнейшего Алексия о торжественном открытии Таврического сиро-воспитательного училища девиц духовного звания. В этот же день в присутствии городского духовенства и городских властей была освящена небольшая училищная церковь в честь Сретения Господня. Почетным блюстителем выбран был евпаторийский землевладелец помещик М. А. Ковалевский, воспитательница по хозяйственной части – вдова протоиерея Петро-Павловской церкви матушка Зеленкевич и еще одна воспитательница, выпускница Одесского училища Н. И. Муралевич. Учителями, по замыслу Владыки, должны были стать симферопольские священники. Однако первым учителем Таврического училища выбран был выпускник Одесской духовной семинарии священник Феодор Синицин, воспоминания которого в полной мере отражают жизнь училища в первые годы его создания [10, с. 1184–1187].

Периоду становления первого в Крыму женского духовного образовательного учреждения посвящена статья епархиального священника Федора Синицина «Мои воспоминания. По поводу исполнившегося 25-летия существования Таврического Духовного женского училища 2 февраля 1891 года», опубликованная в газете «Таврические епархиальные ведомости» в № 9 за 1891 год. Воспоминания включают в себя период с 1866 по 1869 гг., период преподавания и заведывания экономической частью в нем молодого священника Федора Синицина. После окончания Одесской духовной семинарии он был в 1865 году рукоположен в иерея Владыкой Алексием и занял место при женском духовном училище для воспитания детей таврического духовенства. Во время написания «Моих воспоминаний...» в 1891 году он являлся настоятелем Успенской церкви и благочинным Больше-Токмакского округа. Интересна публикация тем, что автор много места уделяет в ней описанию личности Преосвященного епископа Алексия (Ржаницина), первого Таврического архиерея (по факту присутствия и деятельности в новоустроенной епархии). Воспоминания повествуют о деятельности и характере Владыки, возглавлявшего кафедру с 29 августа 1860 по 28 августа 1867 гг. В течение семи лет он открыл свыше ста новых приходов, значительно активизировал деятельность монастырей, смог добиться учреждения Симферопольского духовного (мужского) и первого в Крыму женского духовного училищ. За усердные труды в Таврической епархии в апреле 1866 года был награжден орденом Св. Владимира 2-ой степени [7, с. 166]. В своих воспоминаниях отец Феодор характеризует епископа как человека сердобольного и очень хорошего хозяйственника. Владыка почти каждый день посещал училище и входил во все подробности ведения хозяйства. Он не любил спора и оправданий, надо было слушать и не возражать. Строго не допускались в училище посторонние люди. Епископ Алексей имел доброе сердце, но скудные средства училища заставляли его беречь каждую копейку. С детьми он обращался как с родными, привозил им сладости и подарки. Много Владыка пристроил сиротских девиц духовного звания, выдав их замуж за священников, дьяконов по взаимному согласию. Сам о. Феодор в начале своего служения жил в доме у архиерея и имел возможность близко общаться с Владыкой и участвовать в его делах.

Первой начальницей училища стала А. Ф. Воинова, смотревшая за порядком и преподававшая детям рукоделие. Воспитательница Н. И. Муралевич осуществляла

надзор над ученицами в спальном отделении, а обязанности врача бесплатно осуществлял А. Н. Преображенский. Занятия проводил по всем предметам сам отец Феодор. Он учил детей Священному Писанию, чтению, пению, письму, арифметике и частично географии. Автор пишет о своих чувствах, переживаниях за воспитание детей. Его день начинался так: с раннего утра он закупал провизию на целый день, с 8-ми часов шли занятия с детьми, а с 12 часов обед. Материальное положение училища, как уже говорилось, было очень печальным. Попечители Г. Брюховский, Г. Руднев, М. Ковалевский всегда откликались на просьбы Владыки помочь училищу. Р. П. Ржаницин и его жена решали текущие хозяйственные проблемы. Долгое время активно помогал в плотнических работах церковный староста, купец А. И. Зайцев. Нередко в училище присылались проштрафившиеся дьячки и псаломщики для выполнения различных хозяйственных работ. Однако бесплатные работники плохо работали и доставляли много хлопот. «Воспоминания...» батюшки красочно рисуют простой быт тогдашнего духовного училища, которое не обременяло своими материальными вопросами ни Св. Синод, ни епархиальное начальство [8, с. 389–403].

Статья Ф. Синицина, как отмечалось выше, была посвящена 25-летнему юбилею женского училища. Так к 1891 году училище уже представляло собой прекрасно обустроенное шестиклассное учебное заведение, с достаточно большим штатом учителей и учащихся. Количество последних возросло с 15 в 1866 году до 230 человек к моменту расцвета училища в 1891 году [4, с. 238; 10].

С 1878 г. началась капитальная реконструкция училища. По благословению архиепископа Гурия (Карпова, на кафедре с 1867 по 1882 гг.) решено было построить новый двухэтажный корпус для обучения и проживания воспитанниц. План здания составил епархиальный архитектор А. П. Шестаков. В начале 1877 г. проведены были заготовка материала и избрание строительного комитета. В состав комитета вошли кафедральные протоиереи Александро-Невского собора г. Симферополя Павел Троицкий и Гавриил Руднев, а так же начальница училища Ю. Ф. Артамонова и др. 18 мая этого же года состоялась закладка здания. Летом 1878 г. прекрасное двухэтажное большое здание с новыми просторными классами, столовой и красивыми видами на Симферополь торжественно освятил ректор Таврической духовной семинарии архимандрит Арсений (Брянцев), в сослужении городского духовенства и почетных гостей. Благодаря строительству нового здания число учениц с 70 возросло более чем в 3 раза, а постоянно проживающих в училище насчитывалось более 200 человек [11, с. 767–779]. В истории печатного наследия архиепископа Гурия осталось немало опубликованных его речей, посвященных выпускницам епархиального училища. В своих напутственных словах архиерей поучал своих духовных детей: как усвоенные ими полезные в жизни сведения нести в мир, словом и делом распространять свет веры и знания. В «Речи к воспитанницам женского епархиального училища 4-го курса в 1879 г.» он говорит: «...Путем осторожной христианской жизни вы верно достигните и чести, и уважения от людей, славы и благословения от Бога...Эта слава от Бога, любовь и уважение от людей, при чистой – спокойной совести и сознании исполненного долга составят ни с чем не заменимое и ни с чем не сравнимое для вас благо; в счастье – оно вам будет украшением, среди трудных об-

стоятельств жизни – поддержкою ослабевающему духу, утешением наболевшему сердцу» [9, с. 117–118].

В 1882 году также по завету Владыки Гурия решено было построить новую церковь. При училище с самого 1866 г. располагалась небольшая домовая церковь, размещенная в одной комнате училища и освященная в честь праздника Сретения Господня. Практически единственным помощником в ее обустройстве, вплоть до создания нового храма, являлся церковный староста, симферопольский купец А. И. Зайцев. Еще при жизни архиепископа Гурия на совете по построению храма им был сделан доклад о неизвестном благотворителе, пожертвовавшем 10 тыс. серебром на создание церкви. Этим благотворителем был сам архипастырь. Начало строительства храма и его закладка состоялась в апреле 1881 г. Пожар в старых постройках училища 10 февраля 1882 г. истребил здание со старой церковью. Новый храм почти со всех сторон примыкал к училищу, прекрасно завершая ансамбль нового корпуса училища. Иконостас в новоустроенную церковь выполнил церковный староста А. Зайцев. Однако архиепископ Гурий не смог освятить церковь. В 17 марта 1882 г. любимый всеми пастырь почил (в 2008 г. по многочисленным свидетельствам помощи святителя он был причислен к лику святых). Первого сентября 1882 г. новоустроенная церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы была торжественно освящена епископом Гермогеном (Добронравовым, на кафедре с 1882 по 1885 гг.). В своей речи, напечатанной в «ГЕВ» за 1882, в № 21 епископ Гермоген отметил, что религия принадлежит сердцу, а не уму, а женское начало живет сердцем. Также архиерей пожелал, чтобы служба воспитанниц после выпуска была на благо людям, которые вносили свой материальный и духовный труд в их обучение. В своей речи епископ отметил, что училище должно оставаться всегда скромным, чистым, опрятным и иметь высокий уровень образования, который оно приобрело в ходе своего постепенного становления [3, с. 1115–1025].

В Таврическом женском училище преподавалось более 10-ти различных предметов. Всемирную и отечественную историю воспитанницы изучали с четвертого класса по учебникам Д. Иловайского, С. Рождественского и С. Соловьева, причем изучение более важных исторических событий рассматривалось по дополнительным пособиям, выдававшимся из училищной библиотеки. При училище размещалась прекрасная библиотека. К 1895 г. она располагала 1000 различными наименованиями книг и пособий, в общей сложности составлявших более 3000 тыс. единиц. Помимо этого каждая ученица получала набор учебников к годовому изучению всех дисциплин. Из периодических изданий библиотека выписывала 15 богословских, 8 педагогических и 6 детских журналов и газет. Среди них популярными изданиями считались: «Богословский вестник», «Русский паломник», «Церковные ведомости», «Странник», «Русский вестник», «Русское обозрение», местная газета «Таврические епархиальные ведомости» и многие др. [5, с. 59–76].

При училище с 1887 г. действовала Образцовая начальная женская школа. Обучение в ней проходило по программе одноклассной церковно-приходской школы. Школа подготавливала на практике выпускниц училища к делу учительства в народных школах. Каждая ученица должна была провести не менее 2-х уроков в данной школе. Образцовая школа состояла из двух отделений – младшего и старшего, в

общем количестве 85 человек. Законоучителем школы в 1895 гг. являлся священник кафедрального собора г. Симферополя Иоанн Полетаев, а старшей учительницей – А. Осташевская [6, с. 79–82].

На благоустройство женского училища жертвовали многие начальствующие лица. Почетными блюстителями являлись многие известные крымчане: неустанный попечитель архиепископ Гурий и епископ Алексей, евпаторийский землевладелец М. А. Ковалевский, стоявший у истоков образования училища, симферопольские купцы Г. Н. Христофоров, и, А. И. Зайцев, и многие другие. Таврическое училище посещали известные начальствующие лица, таврические губернаторы, православные архиереи. В 1889 году его посетил обер-прокурор Св. Синода К. П. Победоносцев. Осмотрев корпуса и церковь, он отметил чистоту, благоустроенность и широту помещений. В училище служили и преподавали известные крымские священники: протоиереи Григорий Брюховский, Гавриил Руднев, Алексей Назаревский, Иоанн Тяжелов и др.

С 1899 года инспектором женского училища и настоятелем Покровской церкви был назначен священник Александр Зверев. Под его руководством в 1899 году была образована училищная больница. С 1866 г. должность доктора долгое время бесплатно исполнял коллежский советник А. И. Преображенский, а с 1891 г. врач – доктор медицины Н. Бетлинг. Отец Александр в том же 1899 г. получил назначение на должность председателя Совета Таврического епархиального женского училища. А с 1915 года священник участвовал в работе авторитетнейшей Таврической архивной ученой комиссии. С установлением советской власти в Крыму батюшка активно защищал интересы Русской Православной Церкви и православного населения Таврической епархии. В 1922 году о. Александр возведен был в сан епископа с именем Сергей. За годы правления советской власти он претерпел множество арестов и ссылок, издевательств со стороны большевиков, но твердо исповедовал православную веру. Расстрелян в 1937 году. Прославлен в лике святых новомучеников на Архиерейском соборе 2000 году [1, с. 1–291].

С установлением большевистской власти в Крыму училище прекратило свою деятельность. В годы революции и Гражданской войны на полуострове здание училища использовалось под госпиталь. Имеются сведения, что 27 марта 1918 года на месте этого учебного заведения по улице Вокзальной дом 5/7 располагался 180-ый полевой запасной госпиталь. К 1930 году от здания и церкви остался лишь фасад, о чем свидетельствует сохранившееся фото того времени. На месте разрушенного училища были построены помещения для Медицинского института на бульваре Ленина, 5. С 1904 г. ул. Вокзальная, в 1911 переименована в бульвар Императора Александра II. Последнее название, бульвар В. Ленина, присвоено в 1924 году и остается по сей день. Сейчас здесь продолжает работу один из авторитетнейших медицинских вузов России – Медицинская академия Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. На территории вуза действует храм, освященный в честь праздника Сретения Господня и известного хирурга, Святителя Архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого).

Таврическое епархиальное женское училище, несмотря на большие трудности в своем становлении, смогло достичь высокого уровня и 54 года осуществлять подго-

товку квалифицированных учительских кадров для разного рода светских и духовных учебных заведений. Своему открытию училище обязано епископу Алексию (Ржаницину), который при сложном финансовом положении дел смог зажечь этот очаг культуры на Таврической земле. Благодаря неустанным трудам последующих архипастырей и священства в образовательную систему Таврической губернии был внесен большой вклад в деле духовно-нравственного образования и воспитания православного населения Крымского полуострова.

Список использованных источников и литературы

1. Доненко Н. Наследники царства. – Симферополь, 2004.
Donenko N. Nasledniki Tsarstva. – Simferopol, 2004.
2. Костылева Е. В. Профессионально–педагогическая подготовка в Таврическом женском епархиальном училище (1866–1920) // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Проблемы педагогики средней и высшей школы». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 56–69.
Kostyleva E. V. Professionalno – pedagogicheskaya podgotovka v Tavricheskom zhenskom eparhialnom uchilische (1866-1920) // Uchenye zapiski Tavricheskogo natsionalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriya «Problemyi pedagogiki sredney i vyisshey shkolyi». – 2013. – T. 26(65), № 2. – S. 56–69.
3. Назаревский А. Первое сентября 1882 г. в Таврическом епархиальном женском училище // Таврические епархиальные ведомости. – 1882. – № 21. – С. 1015–1020.
Nazarevskiy A. Pervoe sentyabrya 1882 g. v Tavricheskom eparhialnom zhenskom uchilische // Tavricheskie eparhialnyie vedomosti. – 1882. – № 21. – S. 1015–1020.
4. Отчет о состоянии Таврического епархиального женского училища по учебно-воспитательной работе за 1890–1891 гг. // Таврические епархиальные ведомости. – 1891. – № 21–22. – С. 981–986.
Otchet o sostoyanii Tavricheskogo eparhialnogo zhenskogo uchilisha po uchebno-vozpitateľnoy rabote za 1890–1891 gg. // Tavricheskie eparhialnyie vedomosti. – 1891. – № 21–22. – S. 981–986.
5. Отчет о состоянии Таврического епархиального женского училища в учебно-воспитательном отношении за 1894–1895 учебный год // Таврические епархиальные ведомости. – 1896. – № 3. – С. 57–78.
Otchet o sostoyanii Tavricheskogo eparhialnogo zhenskogo uchilisha v uchebno-vozpitateľnom otnoshenii za 1894–1895 uchebnyiy god // Tavricheskie eparhialnyie vedomosti. – 1896. – № 3. – S. 57–78.
6. Отчет о состоянии образцовой начальной женской школы при Таврическом епархиальном женском училище в учебно-хозяйственном отношении за 1894–1895 учебный год // Таврические епархиальные ведомости. – 1896. – № 3. – С. 79–82.
Otchet o sostoyanii obraztsovoy nachalnoy zhenskoй shkolyi pri Tavricheskom eparhialnom zhenskom uchilische v uchebno-hozyaystvennom otnoshenii za 1894–1895 uchebnyiy god // Tavricheskie eparhialnyie vedomosti. – 1896. – № 3. – S. 79–82.
7. Русские. Всемирная серия: народы и времена. – Симферополь, 2015.
Russkie. Vsemirnaya seriya: narodyi i vremena. – Simferopol, 2015.
8. Синицин Ф. Мои воспоминания. По поводу исполнившегося 25-летия существования Таврического Духовного женского училища 2-го февраля 1891 г. // Таврические епархиальные ведомости. – 1891. – № 9. – С. 389–403.
Sinitsin F. Moi vospominaniya. Po povodu ispolnivshegosya 25-letiya suschestvovaniya Tavricheskogo Duhovnogo zhenskogo uchilisha 2-go fevralya 1891 g. // Tavricheskie eparhialnyie vedomosti. – 1891. – № 9. – S. 389–403.
9. Слова и речи Высокопреосвященнейшего Гурия, Архиепископа Таврического. – Симферополь, 1883.
Slova i rechi Vyisokopreosvyaschenneyshego Guriya, Arhiepiskopa Tavricheskogo. – Simferopol, 1883.

10. Троицкий А. Из истории Таврического епархиального женского училища // Таврические епархиальные ведомости. – 1897. – № 42. – С. 1129–1133. – № 43. – С. 1155–1164. – № 44. – С. 1184–1187.

Troitskiy A. Iz istorii Tavricheskogo eparhialnogo zhenskogo uchilisha // Tavricheskie eparhialnyie vedomosti. – 1897. – № 42. – S. 1129–1133. – № 43. – S. 1155–1164. – № 44. – S. 1184–1187.

11. Т[ро]ицкий П. Освящение нового двухэтажного корпуса для Таврического епархиального женского училища // Таврические епархиальные ведомости. – 1878. – № 18. – С. 767–779.

T[roi]tskiy P. Osvyaschenie novogo dvyh-etazhnogo korpusa dlya Tavricheskogo eparhialnogo zhenskogo uchilisha // Tavricheskie eparhialnyie vedomosti. – 1878. – № 18. – S. 767–779.

12. Шкарлат Л. П. Организация учебно-воспитательного процесса в Таврическом женском епархиальном училище (1871–1872г.) // «Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии»: сб. ст. по матер. XLVI Международной научно-практической конференции. (12 ноя. 2014 г.)

Shkarlat L. P. Organizatsiya uchebno-vospitatelnogo protsessa v Tavricheskom zhenskom eparhialnom uchilische (1871–1872g.) // «Lichnost, semya i obschestvo: voprosyi pedagogiki i psihologii»: sb. st. po mater. XLVI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. (12 noya. 2014 g.)

13. Шумський К.В. Духовно-навчальні заклади Таврійської Єпархії (1859–1920 рр.): дис. ...кандидата іст. наук: 07.00.01/ Костянтин Володимирович Шумський. – Сімферополь, 2004. – 242 с.

Shumskiy K.V. Duhovno-navchalni zakladi Tavriyskoyi Eparhii (1859–1920 rr.): dis. ...kandidata Ist. nauk: 07.00.01/ Kostyantyn Volodimirovich Shumskiy. – Simferopol, 2004. – 242 s.

Agatova M. A. From the history of women's spiritual education in tavrída: to 150-anniversary of tavrída diocesan women's school // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University.

Spiritual education establishments which conducted an active work in the second half of the XIX-beginning of the XX centuries played an essential role in the history of Tavrída eparchy. In 2016 we'll celebrate 150 anniversary from the time of establishment of Tavrída diocesan women's school. Its history accounts to more than 150 years, from 1866 till 1920. During this period of time many well-educated teachers who worked then in different spiritual and secular educational establishments graduated from the women's school. When Bolshevik power was proclaimed in the Crimea the school stopped its activity. The building was destroyed and on its place Medical University which exists up to nowadays was built. In the article the information about publications in «Tavricheskie eparhialnyie vedomosti» devoted to the history of Tavrída diocesan women's school is given. These publications haven't been studied by modern scientists.

Keywords: history of the Crimea, Tavrída eparchy, women's school, recollection, bishop.

УДК

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ В КРЫМ: НАЧАЛО НОВОЙ СТРАНИЦЫ В ПОСЛЕВОЕННОЙ ИСТОРИИ РЕГИОНА

Сеитова Э. И.

ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет»

E-mail: elvina_seitova@mail.ru

В ходе Великой Отечественной войны Крым понес значительные людские потери. Для восстановления демографического потенциала, инфраструктуры и народного хозяйства Государственный комитет обороны признал необходимым переселить в Крым из различных областей РСФСР и УССР трудоспособных колхозников. Однако их хозяйственно-бытовое обустройство было крайне плачевным, поэтому большинство организовано переселенного населения в 1944 году не смогло закрепиться на новых местах. Так, в конце 40-х годов началась новая волна заселения Крыма.

Ключевые слова: Крым, переселенцы, демографический потенциал, народное хозяйство.

Изучение истории того или иного региона во многом заключает в себе исследование процессов миграции то есть – вида, способов и форм перемещения людей без гражданства или граждан во внутригосударственном или транснациональном пространстве, что обуславливается на практике социально-экономическими и политико-культурными причинами, но не естественными факторами. Крым всегда был и есть мультикультурным, следовательно, познание механизмов движения населения в рамках данного региона позволит расширить возможности получения адекватного знания в демографическом спектре.

Мобилизации в армию, эвакуация населения, проведенная в 1941 и 1942 годах, насильственное выселение граждан немецкой национальности в августе 1941 года, а затем крымских татар, крымских армян, крымских болгар и крымских греков в мае – июне 1944 года, уничтожение оккупантами десятков тысяч жителей полуострова привело к тому, что население Крыма с 1127 тыс. на 1 января 1940 года (в том числе городского – 586 тыс., сельского – 541 тыс.) к лету 1944 года сократилось до 351 тыс. человек. В связи со сложившейся ситуацией жизненно важной проблемой для полуострова явилась крайне острая потребность в населении. В опустевшие районы по решению Президиума Верховного Совета и Совнаркома Крымской АССР на первых порах было направлено 15 тыс. человек из городов Крыма. А уже 12 августа 1944 года Государственный Комитет Оборона СССР принял постановление «О переселении колхозников в районы Крыма». В свою очередь Совет народных комиссаров Крымской АССР и областного комитета ВКП(б) приняли 18 августа постановление «О заселении Ялтинского, Алуштинского, Судакского, Старо-Крымского, Карасубазарского, Бахчисарайского, Балаклавского и Куйбышевского районов Крымской АССР» [1, с. 50]. Помимо этого шла подготовка к приему населения, насильно угнанного оккупантами в Германию. 20 марта 1945 г. Совнарком АССР принял специальное постановление «О приеме и размещении репатрируемого населения». На эти цели выделялось

5764 тыс. руб. Некоторая часть крымчан в 1944–1945 годах возвратилась из эвакуации. Многие прибыли по государственным и комсомольским мобилизациям на помощь в возрождении разрушенных городов. Так, к 1 сентября 1945 года в Крыму проживало 589 тыс. в том числе в городах – 281 тыс., в селах – 308 тыс. человек [2, с. 183].

Успех реализации переселения в первую очередь зависел от оперативной и качественно организованной хозяйственно-экономической деятельности организаторов данного процесса. В частности, вовремя построенные и отремонтированные дома, кредитная система, помощь новоселам в приобретении домашнего скота и удовлетворение прочих надобностей вновь прибывшего населения.

Постановлением ГКО от 12 августа 1944 года было разрешено переселяющимся колхозникам в местах выхода сдавать имевшийся в их личном пользовании скот под обменные квитанции органам Наркоммясомолпрома (Народный комиссариат мясной и молочной промышленности) и получать равноценный скот в местах вселения [3].

Для обеспечения перевозки организованно переселяемого населения по железной дороге было необходимо 1012 вагонов, в том числе 523 пассажирских и 489 грузовых вагонов [4]. От каждой станции формирования и отправки рейсов поезда следовали до станции назначения в сопровождении специально выделенных начальников эшелонов и врачей [5].

На местах были созданы областные комиссии по переселению в составе: первого секретаря Обкома, председателя Исполкома Облсовета и начальника Облземотдела, а в районах – районные комиссии. После определения районов, из которых должно было проводиться переселение, необходимо было довести задания по отбору переселенцев. Отбор колхозных хозяйств должен был осуществляться на основе проведения массово-разъяснительной работы среди населения, ознакомления людей со льготами, суммами, предусмотренными постановлением ГОКО для выдачи единовременного пособия переселенцам и оплату проезда, командировочных, а также других расходов [6].

Все хозяйства были обеспечены выдачей единовременного пособия по 2500 рублей, а также необходимыми документами и справками для безкоровных хозяйств. Переселению, в первую очередь, должны были подвергаться семьи, пострадавшие от немецкой оккупации, в частности те, у кого были уничтожены постройки, имущество и скот [7].

Все семьи колхозников, переселенных, например, в Куйбышевский район Крымской АССР, были полностью рассчитаны колхозами, каждой семье была выдана единовременная денежная помощь по 2500 руб., а также соответствующие документы. Каждая семья имела возможность вывезти на новое место жительства скот, продукты и т. д. Для этих нужд было выдано необходимое количество вагонов [8].

Однако, судя по всему, то, как себя чувствовали переселенцы на новых местах жительства, разительно отличалось от их первоначальных чаяний. Так, в адрес Новоград-Волынского Райкома КП(б)У и Райисполкома Житомирской области

поступило несколько писем от бывших колхозников, переселенных в Крым. В них значилось, что их обманули, и они находятся в тяжелых материальных условиях. При этом местное население считало новоселов семьями полицейских. К тому же, сданную ими картофель по квитанции с правом возвращения ее после переселения получить они не могли. Такого же содержания письма переселенцы отправляли и своим односельчанам [9].

Видимо, для того, чтобы поддержать вновь прибывшее на полуостров население, по поручению заместителя председателя СНК А. Н. Косыгина 4 мая 1945 г. СНК СССР распорядился выделить для них сверх установленных рыночных фондов 200 тонн зерна [10].

В 1945 году колхозники-переселенцы Крымской АССР находились в довольно тяжелом положении с продовольствием. Основным продуктом питания для них являлся хлеб, так как ни картофеля, ни овощей с осени заготовлено не было. Полученные ранее продукты были полностью израсходованы. К тому же из 64852 человек переселенцев большая часть привезла с собой незначительное количество запасов продовольствия и размещены они были в колхозах, организованных на базе подсобных хозяйств в местах бывшего расквартирования воинских частей. Где урожай с полей, садов и огородов был полностью убран и израсходован еще до приезда новоселов. Многосемейные хозяйства, получившие от государства по два центнера зерна, истратили его в течение осенне-зимнего периода и в это время испытывали крайнюю нужду в продуктах питания [11].

В соответствии с решением ГКО, нуждающиеся переселенческие семьи на местах вселения имели право получить ссуду в сумме 5000 рублей на хозяйственное обзаведение. Так на 1 января 1946 года было выдано 61192 тысячи рублей. Было продано хлеба в порядке помощи нуждающимся колхозникам за 1945 год 3062 тонны по государственным закупочным ценам. За 1945 год было продано промтоваров на сумму 5714,5 тысяч. Помимо этого рекомендовалось продать в течение 1945 года по одной корове или телке на каждое хозяйство, немевшее скота в местах прежнего жительства, по государственным закупочным ценам. Таких семей было зарегистрировано 10000. На первое января 1946 года было продано 6722 головы коров и телок [12].

В 1945 году материальное положение колхозников-переселенцев ухудшилось тем, что вопреки решению ГКО, они не были рассчитаны за трудодни на местах прежнего жительства. Большинству переселенцев поручили сдачу продукции с приусадебных участков, но они не получали не только обменных квитанций, но и ответов на свои запросы. Денежная ссуда была начислена не всем новоселам. Большая часть из тех, которым удалось ее получить, израсходовали эти средства не на хозяйственное обзаведение, как это предполагалось, а на покупку продуктов питания. Этот факт являлся одной из причин выезда переселенцев за пределы области и в другие районы Крыма. Кроме того, местные организации подбирали на заселение в Крым колхозников, которые не соответствовали рекомендациям властей. Решение комитета обороны предусматривало переселение семей, которые имели не менее двух трудоспособных. Однако на полуостров направлялись семьи, в которых не было ни одного способного трудиться человека [13].

По мнению их коллег-колхозников, таких людей прислали для того, чтобы «избавиться». Председатель колхоза, член ВКП(б) т., Чуприков переселившийся из Красненского района Орловской области, свидетельствовал, что ему было дано задание отобрать из колхоза 4 семьи. Так как он и сам собирался ехать в Крым, то выбрал на отселение четыре хороших семьи, но когда они прибыли в райисполком, их не отпустили, заявив, что «они нужны и здесь». Вместо них отобрали вообще не работавших в их колхозе людей. Кроме того председатель того же Красненского райисполкома т. Кобанцев выдавал переселенческие документы случайно оказавшимся на станции во время погрузки людям. В Балаклавский район из Воронежской области прибыло 2015 семей, из них 250 семей, не имевших ни одного трудоспособного в семье, большинство из них не могли работать по состоянию здоровья (инвалиды 2 и 3 группы). Например, гражданин Шашлов – инвалид 2 группы. Жена была больна пороком сердца, ребенок болен туберкулезом. Гражданин Шамраев – инвалид 2 группы. Семья в составе трех человек была больна малярией. Такое же положение было и в других районах. Все эти семьи просили разрешения на выезд в прежние места жительства, мотивируя свое желание тем, что там у них остались родственники, которые могли оказать материальную помощь, тогда, как здесь в колхозах они из-за своей физической несостоятельности не имели трудодней [14].

При таких обстоятельствах совершенно естественно, что Коллегия Переселенческого управления при Совете Министров РСФСР в начале 1947 года расценила работу Переселенческого отдела при Крымском Облисполкоме, который возглавлялся М. Е. Ворониным, как неудовлетворительную. При этом подчеркивалось, что начальник отдела не осуществлял надлежащего контроля над использованием кредитов на переселенческие мероприятия (речь шла о свыше 60 миллионах рублей) и не имел сведений о движении данных кредитов [15].

На заседаниях Коллегии на протяжении 1947 года подчеркивалось, что Крымский отдел действовал очень плохо, не решал главных вопросов переселенческой работы. Акцентировалось внимание на том, что методы и стиль работы Отдела не соответствовали тем задачам, которые Центральный Комитет партии поставил перед организациями Крымской области по устройству переселенцев. Работа Областного отдела в основном сводилась к регистрации случаев обратничества, к сбору некоторых статистических сведений, касающихся переселенцев, а коренными вопросами их хозяйственного устройства, анализом причин, вызывающих обратный выезд людей, изучением экономического положения колхозов и колхозников-переселенцев, практическими мероприятиями по организационно-хозяйственному укреплению переселенческих колхозов Отдел занимался недостаточно [16].

Коллегия строго рекомендовала своему региональному отделу коренным образом улучшить работу, перестроить методы и стиль деятельности, заняться главными и основными вопросами организационно-хозяйственного укрепления переселенческих колхозов и хозяйственным устройством новоселов [17].

Уже буквально через год Коллегия Переселенческого управления при Совете Министров РСФСР отметила некоторые успехи в работе Переселенческого отдела

при Крымском Облисполкоме. Так, подчеркивалось, что посевная площадь колхозов в сравнении с 1944 годом возросла с 43670 до 61983 га, или на 42 %. поголовье общественного скота увеличилось: по рогатому скоту – с 7765 до 10267 голов, овец и коз – с 22274 гол до 34469 голов, свиней – с 466 до 900 голов и лошадей – с 4234 до 4795 голов. Однако в тоже время было отмечено, что, несмотря на указанное увеличение общественного хозяйства, переселенческие колхозы Крымской области в результате засухи 1946–1947 годов экономически не окрепли, при этом задолжали государству 12625 тонн семенной и продовольственной ссуды, 7969 тыс. рублей денежной ссуды и за переселенцами числилась задолженность Сельхозбанку – 32215 рублей. Кроме того, с колхозов причиталось 1211 тонн недоимок по сдаче табака за 1947 год, в том числе с переселенческих колхозов 689 тонн [18].

В сложившейся ситуации, в первые годы после переселения в Крым, вновь прибывшее население массово не желало закрепляться на новых местах жительства. По этой причине 5 марта 1947 года Совет Министров РСФСР принял постановление «О хозяйственном устройстве переселенцев», в котором предусматривались меры по борьбе с обратничеством и были прописаны мероприятия по улучшению хозяйственного устройства новоселов прошлых лет [19].

В ноябре 1947 года Переселенческим управлением, по договоренности с Министерством сельского хозяйства СССР, в Крымскую область была командирована бригада специалистов в составе: старшего инспектора Переселенческого управления, специалистов Министерства сельского хозяйства СССР, инженера гидротехника и инженера-землеустроителя для проверки состояния переселенческих колхозов и разработки мероприятий по оказанию им помощи. При поддержке Обкома ВКП(б) и Облисполкома бригада обследовала восемь основных переселенческих районов, а в них – 76 колхозов (38% от общего числа). Контролеры выявили ряд серьезных недостатков в организации колхозного производства, в выполнении агротехнических мероприятий, организации труда, помощи со стороны МТС и хозяйственном устройстве вновь прибывшего населения. Результаты проверки и выводы бригады обсуждались в районах на заседаниях райкомов ВКП(б) и райисполкомов, дважды заслушивались в Обкоме ВКП(б) с вызовом первых секретарей РК ВКП(б). Обследованием были выявлены недостатки в работе районных, областных организаций по обслуживанию колхозов и установлена необходимость оказания помощи переселенческим колхозам для их дальнейшего организационно-хозяйственного укрепления [20].

В переселенческих районах Крыма отмечалось неудовлетворительное выполнение плана внутривосхозяйственного землеустройства и введение севооборотов, план по этим работам был выполнен на 64%. При этом имелся падеж скота, вследствие чего наблюдалось невыполнение плана развития животноводства [21]. При такой обстановке Совет Министров РСФСР посчитал, что крайне необходимо было провести инструктивное совещание с начальниками переселенческих отделов центральных областей РСФСР. На нем обсудили мероприятия по устранению недостатков, имевших место быть в работе по переселению и улучшению качества отбора населения [22].

Таким образом, опустевший после войны Крым стал критически нуждаться в населении. Ситуация усугублялась еще и колоссальной разрухой в экономике и хозяйстве региона. В таких условиях Государственный комитет обороны принял решение начать переселять на полуостров колхозников из различных областей России и Украины. Однако, утвердив решение заселить Крым новыми поселенцами, власти не сумели организовать их качественное жилищно-бытовое устройство. Это привело к тому, что большинство колхозников-переселенцев не смогли закрепиться на полуострове. Тем временем регион по-прежнему нуждался в демографическом потенциале, поэтому уже в 1949 году была инициирована новая волна организованного набора населения для колхозов и совхозов Крыма.

Список использованных источников и литературы

1. Сеитова Э. И. Миграционные процессы в Крыму в 1944–1953 годах: к постановке проблемы / Э. И. Сеитова // Актуальні питання історії науки і техніки: матеріали 8-ї Всеукраїнської наукової конференції/ Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПІК. – К., 2009. – С. 49–51.
- Seitova E. I. Migratsionnye protsessy v Krymu v 1944–1953 godakh: k postanovke problemy / E. I. Seitova // Aktual'ni pitannya istorii nauki i tekhniki: materialy 8-i Vseukraïns'koï naukovoï konferentsii/ Tsentр pam'yatkoznavstva NAN Ukraïni i UTOPIK. – K., 2009. – S. 49–51
2. Акулов М. Р. Восстановительные работы в Крыму в 1944–1945 годы // Отечественная история. – 1993. – № 1. – С. 182–190.
- Akulov M. R. Vosstanovitel'nye raboty v Krymu v 1944–1945 gody // Otechestvennaya istoriya. – 1993. – №1. – S. 182–190.
3. ЦДАГО (Центральный государственный архив общественных объединений Украины), ф. 1, оп. 23, д. 1318, л. 25.
4. TsDAGO (Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv obshchestvennykh ob'edinenii Ukrainy), f. 1, op. 23, d. 1318, l. 25
- Там же, л. 141
- Tam zhe, l. 141
- Там же, л. 144
- Tam zhe, l. 144
- Там же, л. 151
- Tam zhe, l. 151
- Там же, д. 1320, л. 87
- Tam zhe, d. 1320, l. 87
- Там же, л. 112.
- Tam zhe, l. 112.
- Там же, л. 107.
- Tam zhe, l. 107.
- ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации), ф. 327, оп. 2, д. 601, л. 7
- GARF (Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii), f. 327, op. 2, d. 601, l. 7
- Там же, л. 9-10
- Tam zhe, l. 9-10
- Там же, д. 598, л. 38
- Tam zhe, d. 598, l. 38
- Там же, л. 39
- Tam zhe, l. 39
- Там же, л. 49.
- Tam zhe, l. 49.
- Там же, д. 445, л. 23.
- Tam zhe, d. 445, l. 23.
- Там же, д. 444, л. 10.
- Tam zhe, d. 444, l. 10.

Там же, д. 632, л. 11–12.
Tam zhe, d. 632, l. 11–12.
Там же, л. 13.
Tam zhe, l. 13.
Там же, д. 443, л. 59–60.
Tam zhe, d. 443, l. 59–60.
Там же, л. 92–93.
Tam zhe, l. 92–93
Там же, л. 96–97.
Tam zhe, l. 96–97.
Там же, л. 31.
Tam zhe, l. 31.

Seitova E. I. Resettlement to the Crimea: the beginning of a new page in the postwar history of the region

As a result of the Great Patriotic War, Crimea had major human losses. To restore the demographic potential, infrastructure, and national farming, the Governmental Committee of Defense recognized the need to resettle able-bodied collective farm workers to Crimea from different regions of Russia and Ukraine. But their economical condition was very difficult. Because of this fact the majority of resettled people in 1944 were not able to **stay here, so they went back. That was the reason for the new wave of populating Crimea.**

Keywords: Crimea, resettlers, demographic potential, national farming,

УДК 908(047.2) : 929.7

НЕОЖИДАННЫЙ ВИЗИТ: АМЕРИКАНСКИЙ ГОСТЬ М. С. ВОРОНЦОВА

Твердохлебов Н. И.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь,
Российская Федерация
E-mail: tverdohlebov-nikolay@rambler.ru*

Проанализирован малоизвестный источник – мемуары американца Генри Викоффа, посетившего в 1835 г. имение С. М. Воронцова Алупка. Мемуарист подробно излагает обстоятельный разговор с генерал-губернатором Новороссии, позволяющий представить его взгляды на политическую систему США, отношения с европейскими державами и политику России в Восточном вопросе. Практически все замечания М. С. Воронцова не потеряли своей актуальности, позволяют провести исторические параллели и во многом объясняют корни современных событий как российской, так и международной жизни.

Ключевые слова: М. С. Воронцов, имение Алупка, внешняя политика России, политическая система США первой половины XIX века.

Жизнь и деяния Михаила Семеновича Воронцова в последние десятилетия получили достойное отражение в отечественной историографии. Появились многочисленные научные труды, основанные на разнообразных источниках. Особый интерес представляют свидетельства современников, которым удалось запечатлеть определенные эпизоды из богатой событиями жизни светлейшего князя, отразить его взгляды по различным проблемам и отметить определенные черты его многогранной личности. В этой группе источников можно выделить публикации встречавшихся с М. С. Воронцовым иностранцев, которые, как правило, менее предвзяты и более точны в деталях и подчас поднимают совершенно неожиданные темы.

В 1880 г. в Нью-Йорке была издана книга Генри Викоффа «Воспоминания бездельника» [1]. В предисловии автор отмечает, что написал воспоминания по настоянию друзей, поскольку «во время моей карьеры я встречался со многими знаменитыми людьми самого разного рода» [1, с. IV]. Действительно в течение своей весьма бурной жизни Г. Викофф обретался во многих странах Европы, где был вхож в высший свет и правящие круги, а также принимал деятельное участие в политической жизни США в 30–70 гг. XIX века.

Генри Викофф – Henry Wikoff – (ок. 1811–1884) известен в США как путешественник и писатель (Рис. 1). Точная дата его появления на свет неизвестна. В различных источниках указываются разные года рождения – от 1809 до 1813, поскольку он был незаконнорожденный сын врача. Учился в колледже Нью-Джерси, степень не получил, но был принят в коллегию адвокатов в Филадельфии в 1834 году. Унаследовав значительное состояние, осенью того же года Викофф отправляется путешествовать по Европе, где в последующие десятилетия он выступал в качестве дипломатического агента для Соединенных Штатов, Великобритании и Франции.

В 1860 г. Генри Викофф стал близким другом Мэри Тодд Линкольн, жены президента, что привело к громкому политическому скандалу. Он был дружен с королевской семьей Наполеона III во Франции, а король Испании наградил его орденом Изабеллы Католической в 1871 году, что дало ему право на титул «Кавалер». Умер в Англии в 1884 году [2].

A handwritten signature in cursive script, which reads "Henry Wickoff". The signature is written in dark ink and is positioned below the portrait.

Рис.1. Портрет Генри Викоффа, опубликованный в первом издании «Воспоминаний бездельника».

Колоритные характеристики Викоффа, данные современниками, приведены в материале о его взаимоотношениях с женой президента США на сайте Института Линкольна: «Кавалер Генри Викофф был космополитом, рыскающим по миру мошенником, профессиональным сплетником...» [3]. По словам журналиста Генри Вилларда, миссис Линкольн «приняла Викоффа как управителя всеми своими делами, в качестве советника по вопросам социального этикета, домашнего хозяйства и личных потребностей, включая туалеты, и как неизменного компаньона в ее салоне и при выездах» [3]. При этом он успешно сливал информацию из Белого дома в самую популярную газету США того времени New York Herald. В результате последовавшего разоблачения Викофф был арестован и некоторое время провел в

тюрьме, что не помешало ему вернуться в узкий круг конфиденентов жены президента. Задолго до этого, в пору своей бурной молодости, которая проходила в разъездах по европейским столицам, Викофф провел пятнадцать месяцев в заключении в Италии по обвинению в похищении американки Джейн С. Гэмбл, наследницы большого состояния. Он должен был жениться на ней в Лондоне, но невеста сбежала в Италию. Викофф преследовал ее и был обвинен в похищении в Генуе [3].

Таким образом, богатая самыми разными и зачастую скандальными событиями жизнь Генри Викоффа представляет нам весьма неординарную личность, в которой органично сплелись черты знаменитых авантюристов XVIII века и все атрибуты уважаемого политика, писателя и дипломата века XIX. Во всяком случае, к его мнению прислушивались в высших кругах Европы и США, а книги и газетные публикации вызвали многочисленные отклики и обсуждения. Известный вашингтонский журналист Джон У. Форни писал о Викоффе: «Он видел больше стран мира, чем большинство мужчин, вращается в обществах всех оттенков и сортов, вкусил бедности и достатка, говорит свободно на нескольких языках, знаток этикета, искусства и литературы и является проницательным политиком, который понимает мотивы и мнения других, не высказывая собственных убеждений» [3].

В своих воспоминаниях Г. Викофф подробно описывает свое первое путешествие по Европе, которое продолжалось три года – с ноября 1834 г. по сентябрь 1837 г. Получив значительное наследство, молодой человек устремляется в Старый Свет, в самую гущу тогдашней мировой политики, моды, искусства и литературы. Спутником его является знаменитый американский актер Эдвин Форрест (1806–1872), который прославился в шекспировских ролях. Его талант трагика сформировался под влиянием английского актера Эдмунда Кина, который гастролировал в США в 1820 и 1825–26 гг. и высоко оценил дарование Форреста. Отправляясь в Европу, актер рассчитывал выступить на сценах Лондона, что и удалось ему в 1836 г. [4].

Поначалу путешествие двух приятелей ничем не отличалось от стандартных поездок молодых американцев после окончания университета – Париж, Лондон, Италия. Обычно таким маршрутом большинство путешественников и ограничивалось. Но Викофф и Форрест в августе 1835 г. отправляются из Лондона в Германию, а из Любека отплывают в Петербург. В Государственном архиве РФ в фонде Третьего отделения собственной его императорского величества канцелярии нами были обнаружены записи о прибытии 8 августа 1835 г. в Петербург двух офицеров подданных Соединенных Штатов из Любека [5]. Под номером конторской марки 1815 значится Вилков Генри (в фамилии налицо явная описка чиновника), а под номером 1814 Форрест Эдвин. В графе предмет приезда у обоих путешественников значится «для собственного удовольствия».

Эта запись подтверждает тот факт, что Викофф во время поездки вел подробный дневник, иначе он не смог бы воспроизвести массу деталей и указать точные даты спустя сорок лет. В «Воспоминаниях бездельника» автор редко указывает даты, ограничивается указанием на месяц. Единственной датой, упоминаемой в главах о путешествии по России, является прибытие в Кронштадт из

Любека 17 августа 1835 г. [1, с. 204]. Оформление прибывших в Петербург иностранцев проходило в течение нескольких дней и, учитывая разницу между юлианским и григорианским календарями, архивные документы полностью подтверждают указанную в воспоминаниях дату приезда.

Представление офицерами поясняет сам автор воспоминаний: «...кто-то сказал нам, что иностранцы с воинскими званиями не испытывают никаких затруднений, поскольку армия в большом почете. Эти слова произвели впечатление на моего спутника Форреста, который преобразил себя в офицера корабля ВМС США «Превосходный». Согласно своему новому рангу он надел форменный мундир, богато украшенный аксельбантами, а на голову водрузил фуражку с золотым шитьем. Я боялся, что это может поставить его в некое неловкое положение, но он так профессионально привык к перемене персонажей и костюмов, что это его совершенно не заботило» [1, с. 212].

Однако этот маскарад привел к обратному результату и вызвал определенные подозрения: «В течение нескольких дней мы готовились покинуть Санкт-Петербург. Формальности были неисчислимы, и было ясно, что путешественники нежеланны в России. Паспорта стоили нам кучу неприятностей, и нас снова и снова выспрашивали о мотивах посещения России» [1, с. 212]. В России друзья не собирались долго задерживаться, их целью была Греция, только недавно завоевавшая независимость. Поэтому, посетив Петербург и Москву, они прибывают в сентябре в Одессу с целью сесть на ближайший корабль.

Здесь их ждет известие об эпидемии чумы, из-за которой все прибывающие суда остаются в карантине на две недели. Это не сильно расстроило Викоффа, поскольку он был в полном восторге от Одессы, которая напоминала ему Неаполь: «Здесь было мало или вообще ничего русского. Его жители были в основном итальянцами или греками, говорящими на французском, немецком и английском» [1, с. 231].

На следующий день после приезда в гостиницу к друзьям явился Джордж Зонтаг, американец, служивший в российском флоте и армии, а после отставки долгие годы работавший в администрации М. С. Воронцова. В России его звали Егор Васильевич [6]. Полиция сообщила ему о прибытии двух американцев, что для Одессы тех лет было событием невиданным. Даже консул США мистер Фэлли, «грек по национальности, неважно изъяснявшийся по-английски», сказал Викоффу и Форресту, что они были первые американские путешественники, с которыми он повстречался [1, с. 234].

Когда Джордж Зонтаг узнал, что два приятеля прибыли из Филадельфии, он прослезился и сказал: «Позвольте мне сесть и поговорить о моей дорогой старой родине, которую я оставил более тридцати лет назад. Вы первые филадельфийцы, которых я встретил с тех пор» [1, 233]. В последовавшем разговоре речь зашла о графе М. С. Воронцове, и Зонтаг заявил, что путешественники должны обязательно с ним встретиться: «...я напишу, что вы мои друзья, и я уверен, что он вас радушно примет. Он в своем дворце в Крыму, это одно из самых прекрасных здешних мест, пароход с его депешами выходит в пятницу, я забронирую служебные каюты, и вам будет оказан самый радушный прием. Это всего лишь день пути» [1, с. 233].

Через несколько дней Зонтаг любезно проводил путешественников в порт Одессы, и в два часа пополудни они отчалили на пароходе «английской постройки, небольшом, но обустроенном с большим изяществом» [1, с. 236]. Безусловно, это был пароход «Петр Великий», который как раз летом 1835 г. впервые открыл регулярную линию Одесса – Ялта – Феодосия – Керчь [7, с. 57].

На следующий день в пять вечера пароход прошел Алупку, что было отмечено салютом с борта и ответным – с берега. В семь часов он стал на рейде Ялты, а на берег путешественники попали, когда уже совсем стемнело. Поэтому было принято решение заночевать и отправиться в Алупку рано утром. Ночевать пришлось в «ужасном доме», где пришлось спать на скамье, поскольку кровать кишела «ползучими насекомыми». Наконец наступило утро: «Живописная красота местности, пение птиц, аромат полевых цветов, и ласковое солнце, постепенно восстановили наше душевное равновесие, и к тому времени, когда мы достигли Алупки, мы окончательно пришли в себя» [1, с. 238].

Гостей поселили в прекрасной гостинице в имении Воронцова и, поскольку хозяин уехал по делам, им предоставили лошадей и провожатого для ознакомления с окрестностями. На следующий день они получили приглашения на обед и во время прогулки по парку в сопровождении секретаря Воронцова встретили самого хозяина и имели с ним краткую беседу.

Перед обедом в парадных комнатах дворца собрались многочисленные гости. Путешественники были представлены хозяйке дома Е. К. Воронцовой, которая в свою очередь познакомила Викоффа с «мадам Нарышкиной, родственницей императорской семьи», «дамой зрелого возраста». Мария Антоновна Нарышкина, знаменитая фаворитка императора Александра I, в 1835 г. поселилась с мужем Дмитрием Львовичем Нарышкиным в Одессе и была там одной из самых заметных фигур высшего общества [8, с. 200].

Викофф пишет: «В ходе беседы она отметила, что я первый американец, которого она когда-либо видела, и откровенно призналась, что была удивлена светлым цветом моего лица, так как всегда считала американцев смуглыми. Она призналась в безграничном восхищении романами Купера, которые постоянно перечитывала...» [1, с. 240].

Следует отметить, что книги Фенимора Купера в 20 – 30-е годы 19 века были основным источником информации о США в России. Образованная публика зачитывалась вышедшими к тому времени романами «Шпион» (был издан в Москве в переводе с французского в 1825 г), «Пионеры», «Последний из могикиан», «Прерия», которые читали как в оригинале, так и в переводах на французский язык. Особой популярностью они пользовались у дамского общества, которое видело в отважных охотниках совершенно новый тип героя, необычный для европейской литературы. Поклонницей Ф. Купера была и императрица Александра Федоровна, которая в 1837 г. «интересовалась у только что прибывшего посланника Дж. М. Далласа, не написал ли Купер новую книгу» [6, с. 69–70].

Провожать к столу Генри Викоффу выпало даму лично знакомую с Ф. Купером – княгиню Марию Аркадьевну Голицыну, внучку А. В. Суворова и

жену князя Михаила Михайловича, который с 1833 года состоял чиновником для особых поручений при Новороссийском генерал-губернаторе [9, с. 173].

Викофф был поражен ее красотой и безупречной фигурой, но более всего его привлекло другое: «Ее манеры были вполне парижские в изяществе и живости, что вскоре было объяснено, когда она сказала мне, что прожила некоторое время во французской столице, которую превозносила до небес. Эта тема была наиболее близка нам обоим, и мы все время обеда восторженно говорили о дорогом Париже» [1, с. 240]. В 1826–1827 гг. Мария Аркадьевна жила с мужем и дочерьми в Париже в доме свекрови – княгини Прасковьи Андреевны Голицыной, салон которой посещали все парижские знаменитости, в том числе и приехавший в Европу Фенимор Купер. В одном из своих первых писем из Парижа писатель сообщал в ноябре 1826 года: «Княгиня Голицына по-прежнему весьма любезна, что очень нам полезно, так как у нее собирается лучшее французское и русское общество в Париже... Ее невестка, княгиня М. А. Голицына, внучка фельдмаршала А. В. Суворова, очень преуспела в музыке. Поверьте мне, что они устраивают прекрасные небольшие вечера» [10, с. 88].

Великолепие обеденного зала, собравшаяся публика и сам обед чрезвычайно поразили молодого американца: «Обед был роскошным, и все во французском стиле. Наш хозяин прислал мне попробовать шампанского, которое было изготовлено в его поместье в Крыму, вполне достойное лучшего французского вина, которое я когда-либо пил. Среди всего этого великолепия и роскоши, я едва мог осознать тот факт, что я пирую на острове в Черном море, который я всегда считал за пределами цивилизации» [1, с. 240].

Последующие несколько дней Г. Викофф провел в пеших и конных прогулках по окрестностям в компании очаровательной М. А. Голицыной. На пятый день, как пишет Викофф, «мой Элизиум закончился». М. С. Воронцов объявил, что он собирается в Одессу на следующее утро, чтобы встретить графа Дарэма, нового посла Великобритании в Санкт-Петербурге, который едет кружным путем через Средиземное и Черное моря. В связи с этим малоизвестным фактом следует указать на значительную, и до сих пор не получившую должной оценки, роль М. С. Воронцова во внешней политике России в 20–50-е годы XIX века, особенно на важнейшем ее направлении – отношениях с Великобританией. Этот аспект деятельности светлейшего князя практически не изучен и ждет своих исследователей.

Граф предложил американцам поехать с ним, чтобы увидеть фортификационные сооружения в Севастополе, которые он собирался инспектировать. Договорившись с княгиней о встрече в Париже, Генри Викофф и его компаньон отбыли в Севастополь, где вместе с графом осмотрели укрепления, возводимые под руководством англичанина Аптона, и новые корабли Черноморского флота, среди которых особое внимание привлек 120-пушечный парусный линейный корабль Черноморского флота «Варшава».

Вечером командующий Черноморским флотом вице-адмирал Михаил Петрович Лазарев дал обед в честь гостей. В результате общения с офицерами, в том числе с комендантом Севастополя бароном Ф. Ф. Розеном, Викофф делает следующее

замечание: «...русские из высшего общества являются наиболее скромными людьми, которых я когда-либо встречал, что вероятно является следствием хорошего воспитания. У них нет ни капельки церемонной вежливости французов, и еще меньше плохо скрываемого высокомерия англичан» [1, с. 244].

Вечером, когда пароход взял курс на Одессу, М. С. Воронцов пригласил Викоффа на беседу: «Он задал мне много вопросов, касающихся Соединенных Штатов, и, казался озабоченным их судьбой» [1, с. 245]. «Это странный эксперимент, – сказал граф, – передать власть в руки народа. Он может быть удачным в вашем случае, когда вы владеете практически всем континентом, но в Европе, расколота на разные государства с противоречивыми интересами и крупными регулярными армиями, демократическое правительство кажется мне невозможным. Вы можете менять свою исполнительную и законодательную власти через короткие промежутки времени, и, поскольку обе они должны представлять сиюминутные взгляды избирателей, о последовательной политике не может быть речи» [1, с. 245].

Особо Воронцов указал на главную внутреннюю проблему США: «У вас есть тарифная система, поддерживаемая Севером и оспариваемая Югом. У вас есть система рабства, поддерживаемая на Юге и осуждаемая Севером. Эти противоположные взгляды основаны на антагонизме интересов, и как можно избежать столкновения рано или поздно?» [1, с. 245].

На уверения Викоффа, что все коллизии можно решить на выборах, после которых победившее большинство найдет выход из ситуации, последовало замечание, что это было бы возможно, «если бы люди были всегда под контролем разума, но история мира показывает, что человеческие страсти определяют судьбы человечества. Если когда-либо меньшинство у вас посчитает себя несправедливо униженным, чьи интересы принесены в жертву интересам большинства, оно выйдет из ранее заключенного договора и, если большинство воспротивится этому, последует гражданская война» [1, с. 245].

В разговоре М. С. Воронцов демонстрирует прекрасную осведомленность о политической жизни США и на слова Викоффа, что нынешние американцы «не только разумны, но и высокообразованны», и поэтому маловероятно, что «они позволят страсти возобладать над разумом», возразил: «Я часто читаю горячие дискуссии, которые происходят в Вашингтоне, и вижу гораздо больше страсти в дебатах, чем спокойных доводов» [1, с. 246].

М. С. Воронцов показал и отличное знание американской прессы, которую в Европе в те времена практически никто не читал: «Насколько я могу видеть, ваша пресса просто орган партии, и все ее комментарии о происходящем окрашены партийными предубеждениями. Мне кажется, что она вполне под контролем ваших политиков и мало заботится об общих интересах. Я никогда не видел американской газеты, полностью независимой, в которой выражаются мнения, не связанные с партийной целесообразностью или групповой выгодой» [1, с. 247].

«Я очень удивлен, – воскликнул американец, – что Ваше превосходительство так подробно информирован о положении дел в Соединенных Штатах». На что Воронцов ответил: «Я предпринял особенные усилия, чтобы знать, что происходит

в вашей стране, поскольку система правления, введенная у вас, представляет нечто новое в политике... Я опасаясь, что ваше демократическое правительство, – продолжал граф, – подвержено тем же пороками, как и все другие формы правления, потому что не вижу никаких доказательств, что человечество в вашей стране состоит из другой материи, чем в других местах, что оно больше руководствуется разумом и меньше страстью, или более нечувствительно к корысти» [1, с. 247].

Аргументируя свои взгляды, Воронцов привел примеры из английской и французской буржуазных революций, плодами которых воспользовались ловкие политики – «паразиты современного общества» [1, 248]. Не являются исключением, по мнению графа, и США: «...Ваш политический класс, как и везде, достаточно умел, чтобы сбить с толку людей и побудить их зачастую поддерживать политику против их истинных интересов» [1, с. 246].

К счастью, продолжал генерал-губернатор, в России нет политиков: «Мы все еще далеки от того состояния общества, которое порождает политиков, а также парламенты и конгрессы. Наша национальная жизнь очень молода... Организаторский гений царя Петра сплотил нас в государство и дал нам миссию цивилизующего характера. Наша роль – перебороть и привести к порядку воинственное население на востоке и юге. Работа эта так же благодетельна, как и насущна. Это можно сравнить с тем, чем вы занимаетесь на североамериканском континенте... К счастью, в вашем случае, нет окружающих государств, подозрительных к вашим мотивам и ревнивых к вашему росту» [1, с. 249].

На замечание Викоффа, что Англии наличие политиков и парламента не помешало завоевать полмира, граф ответил следующее: «Но миссия Англии отличается от нашей. У нее она коммерческая. Наполеон так ее определил, и это, в основном, верно. Ее целью является торговля. Наша роль является военной, и если она не более бескорыстна, то в равной степени полезна. Наша задача, как я уже говорил, является приведение варварских народов к гражданскому порядку и размеренному образу жизни. Это может быть сделано только с помощью военной силы. Огромный протест вызывает наша война с турками. Это глупо, если не лицемерно. Турки это азиатская орда, которая пришла в Европу как захватчик, и везде, где они утвердились, продолжается варварство» [1, с. 250].

Тут же Воронцов указывает на лицемерие и двойные стандарты европейских стран, особенно Великобритании, в отношении восточной политики России: «Почему нас порицают за войну с турками больше, нежели объединенные силы Венеции, Испании и папства, которые уничтожили турецкий флот в 1571 году, или объединенные военно-морские силы Франции, Англии и России, которые разгромили турецкий флот в 1827 году? Европа рассматривала эти победы как гарантии христианской цивилизации. Мы делаем ту же работу в стремлении изгнать этих варваров из Европы... Кто осуждал Францию за изгнание турок из Алжира в 1830 году и завладение этой территорией?» [1, с. 250].

Когда Викофф отметил, что еще больший шум в Европе сопровождал раздел Польши, граф подробно пояснил свою точку зрения: «Почему Россия должна быть более порицаема за это событие, чем Пруссия и Австрия, которые также

участвовали в нем? Но простая истина состоит в том, что никто не был виноват. Это была явная необходимость. Польша была источником нестабильности, и ее необходимо было утихомирить. В течение многих столетий она всегда была занята внешней или гражданской войной. Она вторгалась к нам снова и снова. Она никогда не могла жить в мире со своими соседями или с самой собой. Анархия была ее нормальным состоянием из-за пороков в ее устройстве. Россия поддерживала последнего короля Станислава II, но внутренняя междоусобица, как всегда, свергла его, и для того, чтобы положить конец этому очагу раздора, Австрия, Пруссия, Россия и потушили его» [1, с. 251].

Беседа, как пишет Викофф, затянулась за полночь. После чего американец спустился в свою каюту, а граф «наоборот, приказал расстелить матрас на палубе; и, сложив свой плащ рядом с ним, лег спать, как солдат, под огромным куполом сверкающих звезд» [1, с. 252].

Разговор М. С. Воронцова с молодым американцем позволяет расширить наши представления о его взглядах и интересах в области государственного устройства и международной политики, еще раз убедиться в многогранности личности этого выдающегося человека, масштаб и результаты деятельности которого мы только сейчас начинаем осознавать. Практически все его замечания не потеряли своей актуальности, позволяют провести некоторые исторические параллели и во многом объясняют корни современных событий как российской, так и международной жизни.

Список использованных источников и литературы

1. Wikoff H. Reminiscences of an Idler. New York: Fords, Howard & Hulbert, 1880. xii, 596 p. front [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=nyp.33433082397682;view=1up;seq=13>. (Дата обращения: 30.08.2016).
2. Henry Wikoff / Wikipedia, the free encyclopedia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Henry_Wikoff. (Дата обращения: 31.08.2016).
3. Mr. Lincoln's White House: Mary's Charlatans: Chevalier Henry Wikoff (1813-1884) / The Lincoln Institute Website [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mrlincolnwhitehouse.org/residents-visitors/marys-charlatans/marys-charlatans-chevalier-henry-wikoff-1813-1884/>. (Дата обращения: 02.09.2016).
4. Edwin Forrest / Encyclopedia of World Biography [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.encyclopedia.com/topic/Edwin_Forrest.aspx. (Дата обращения: 31.08.2016).
5. ГАРФ. – Ф. 109. – Оп. 227. – Д. 2. – Л. 35 об., л. 168 об.
GARF. – F. 109. – Op. 227. – D. 2. – L. 35 ob., l. 168 ob.
6. О Дж. Зонтаге см. Курилла И. Россия и США: история отношений, фантазий, контактов и (не)понимания. – С. 132-135 / Российский гуманитарный научный фонд [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rfh.ru/downloads/Books/154193020.pdf>. (Дата обращения: 04.09.2016).
About G. Sonntag: Kurilla I. Rossiya i SShA: istoriya otnoshenij, fantazij, kontaktov i (ne)ponimaniya. – S/132-135 / Rossijskij gumanitarnyj nauchnij fond: <http://www.rfh.ru/downloads/Books/154193020.pdf>. (Дата обращения: 04.09.2016).
7. Залесский Н. А. «Одесса» выходит в море: Возникновение парового мореплавания на Черном море, 1827–1855 гг. – Л.: Судостроение, 1987.
Zalesskij N. A. «Odessa» vykhodit v more: Vozniknoveniye parovogo moreplavaniya na Chernom more, 1827-1855 gg. – L.: Sudostroeniye, 1987/
8. Нарышкин А. К. В родстве с Петром Великим: Нарышкины в истории России. – М.: Центрполиграф, 2005.

- Naryshkin A. K. V rodstve s Petrom Velikom: Naryshkiny v istoriyi Rossiyi. – М.: Tsentrpoligraf, 2005/9. Русский биографический словарь / Под набл. А. А. Половцова: в 25 т. – Репринт. изд. – М.: Аспект-Пресс, 1995. – Т. 7.
- Russkij biograficheskiy slovar / Pod nabl. A. A. Polovtseva: v 25 t. – Reprint. izd.– М.: Aspekt-Press, 1995. – Т. 7.
10. Иванько С. С. Фенимор Купер. – М.: Мол. гвардия, 1991.
- Ivanko S. S. Fenimor Kuper. – М.: Mol. Gvardiya, 1991.

Tverdokhlebov N. I. An Unexpected Visit: Mikhail Vorontsov's American Guest

The article analyzes a little-known source – the memoirs of US diplomat and writer Henry Wyckoff, who visited in 1835 the Mikhail Vorontsov's estate. Once in Odessa on the road to Greece, Wyckoff happened to be a guest of Alupka. He reports some interesting details about the perception of Russian society of America and the life in the estate of Governor-General of New Russia.

Memoirist recounts a detailed discussion with Vorontsov, allowing to present the views of the latter on the US political system, democratic form of government, relations with the European powers and Russia's policy in the Eastern question.

Almost all the comments of Mikhail Vorontsov has not lost its relevance, allow for a historical parallel and largely explain the roots of current events both Russian and international.

Keywords: Mikhail Vorontsov, estate Alupka, Russian foreign policy and the US political system in the first half of the XIX century.

УДК 327.323.32(497.113):323.281 (491.1)“1948/1952”

ИНФОРМБЮРОВЦЫ ВОЕВОДИНЫ ПО ДАННЫМ ДОКУМЕНТОВ КОМПАРТИИ ЮГОСЛАВИИ

Шахин Ю. В.

*Гуманитарно-педагогическая академия Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского
E-mail: griznica@yandex.ru*

На основе югославских источников партийного происхождения исследуется вопрос деятельности информбюровцев на территории Воеводины в период советско-югославского конфликта, рассмотрены особенности репрессивной политики, способы борьбы информбюровцев против режима, предпринята попытка оценить реальный масштаб их деятельности в регионе.

Ключевые слова: Югославия, Воеводина, информбюровцы, советско-югославский конфликт, политические репрессии.

В 1948 г. отношения Югославии и СССР резко ухудшились. В результате возникших трений советское руководство обвинило лидеров Югославии в оппортунистических ошибках и националистическом перерождении, а затем попыталось их сместить, организовав кампанию комплексного давления. Открытый конфликт в отношениях двух стран начался летом 1948 г., когда Югославию подвергли критике на заседании Коммунистического информационного бюро, и пошел на убыль только после смерти Сталина в 1953 г. Конфликт с СССР вызвал в Югославии разнообразные проблемы, часть из которых носила социально-политический характер. Все предшествующие годы югославские сталинисты воспитывали у масс веру в величие и непогрешимость Сталина. Когда начался конфликт, и Сталин осудил руководство Коммунистической партии Югославии, далеко не всем членам партии было ясно, как можно поддержать свое партийное руководство против советского вождя. Кроме того, в КПЮ в это время шел процесс бюрократического перерождения, когда из вчерашних рабочих и крестьян формировалась номенклатурная верхушка, политика которой приносила трудящимся классам массу неприятностей. Объективное недовольство внутренними процессами и субъективная неготовность переступить через авторитет Сталина толкнули часть югославских сталинистов к поддержке СССР. Так появилось информбюровское движение. Свое имя информбюровцы получили потому, что поддержали резолюцию Коммунистического информационного бюро, осудившую руководителей Югославии.

Югославские сталинисты во главе с Тито увидели в информбюровцах чрезвычайную угрозу. Они считали, что это пятая колонна, которую нужно подавить в зародыше, пока она не нанесла удар в спину. С осени 1949 г. против информбюровцев начались репрессии. Основная волна арестов пришлась на 1949–1951 гг. Обвиняемые в поддержке СССР в основном попадали в лагерь, расстреливали их очень редко. С конца 1980-х гг. выжившие информбюровцы начали публиковать воспомина-

ния о своих мучениях в тюрьмах и лагерях. Эти воспоминания и составляют основной массив доступных опубликованных источников по истории информбюровского движения. Однако этот массив весьма односторонний: он почти не дает представления о работе репрессивного механизма за пределами мест лишения свободы, равно как и о деятельности самих информбюровцев до ареста.

Архивы спецслужб Югославии долгое время были недоступны – лишь в последние годы у историков появилась некоторая возможность в них заглянуть. Особый энтузиазм у исследователя вызывают центральные архивы Управления государственной безопасности, которое по традиции именовали Удбой. Сербские историки недавно получили к ним доступ и занялись упорядочиванием фонда. Эта работа обещает быть длительной, хотя и приносит уже первые плоды [1], поэтому основными источниками данных по деятельности информбюровцев и их преследованию все еще остаются документы партийного происхождения. Парторганизации КПЮ уделяли информбюровцам много внимания, так как считалось, что партия в борьбе с этой опасностью должна быть не менее бдительна, чем спецслужбы. Когда бдительность спецслужб посрамляла усилия партийного актива, это служило основанием для критики со стороны вышестоящих партийных органов [2, s. 48, 144]. Таким образом, сведения об информбюровцах эта группа дает. Иной вопрос, какие? Его мы рассмотрим на основе партийных документов Воеводины, где у автора была возможность поработать с архивными фондами.

Для понимания административных реалий того времени надлежит отметить, что Воеводина всегда отличалась пестрым этническим составом. Поэтому на ее территории была образована автономия, входившая в состав Сербии. Ее столицей как тогда, так и сейчас был г. Нови Сад. В административном плане край делился на срезы, а срезы – на общины. Аналогичной была и территориальная структура правящей партии. В Новом Саде базировался краевой комитет Коммунистической партии Сербии по Воеводине. В каждом срезе действовал местный партийный комитет. Для крупных городов, входивших в срезы, формировались отдельные парткомитеты.

По Воеводине мы располагаем следующей партийной статистикой: до конца 1949 г. были раскрыты 54 информбюровские группы, включавшие 448 человек. Они образовались в основном в конце 1948 – начале 1949 г. Самые крупные из них действовали в Кулском срезе, Сремской Митровице и в Вршце [3, s. 229]. Кулский срез подвергся основательной чистке. Так по данным на июль 1952 г. 468 человек были исключены из партии, а 167 чел. арестованы [4, л. 4]. Отдельные архивные материалы дополняют эту картину для периода 1949–1951 гг. В 1949 г. возникла мелкая группа (4 чел.) в Бегейском срезе. В срезе Бачка Топола образовалось две группы, из них самую крупную создали в сентябре в Ловчене местные черногорцы [5, л. 6; 6, л. 12]. В Новосадском срезе по состоянию на 29 июня 1951 г. выявили 6 групп. В 1949 г. там образовались 5 мелких, численностью не более 5 человек каждая. Зато в октябре 1950 г. черногорцы из племени Братоножичи, проживавшие в селе Равном, образовали группу, продержавшуюся до лета 1951 г. и выросшую до 20 человек [7, л. 2-3]. Весной 1950 г. была раскрыта группа в Белой Церкви, объединявшая свыше 20 членов партии [8, л. 5]. Весной 1951 г. в Бечейском срезе были выявлены ин-

формбюровские группы. Одна из них действовала в селе Турия [9, л. 2; 10, л. 2]. Не позднее мая 1951 г. в Русском селе Кикиндского среза была раскрыта информбюровская организация. Она образовалась где-то в 1950 г. и по ее делу арестовали около 25 человек [11, л. 1-3; 12, л. 2]. Хотя Воеводина была аграрным краем, информбюровские группы возникали там и на промышленных предприятиях. К лету 1950 г. они были выявлены на предприятиях Кулского среза, на «Стакларе» (стекольном заводе) в Панчеве и на заводах Зренянина, но после их разгрома «известно лишь об отдельных лицах, на счет которых есть подозрения, что они информбюровцы» [13, л. 13; 14, л. 13]. После 1951 г. партийные органы не фиксируют сведений об информбюровцах на территории Воеводины.

Как сводные данные партийной статистики, обнаруженные сербским историком М. Митровичем, так и наши эмпирические изыскания приводят к одному похожему выводу – основная часть информбюровцев Воеводины – это члены мелких и мельчайших групп. Так у нас присутствуют сведения не менее чем о 13 группах. Из них лишь 4 были крупными – это группы в Кулском срезе, г. Белая Церковь, селах Равное и Русское. В них по оценкам партийных источников входили от 20 человек и выше. А вот численность мелких не превышает порога в 5 человек. Если же мы подойдем к вопросу, опираясь на данные Митровича, то для одной информбюровской группы получим численность, слегка превышающую 8 человек.

Можем ли мы считать, что все, что названо в источниках группами, на самом деле ими и являлось? Хорватский историк М. Превишич на материалах Славонии пришел к выводу, что понятие «группа» применительно к информбюровцам трактовалось слишком расширительно, и не всё то группа, что так названо даже в документах Удбы [15, s. 396]. Действительно, в опубликованном отчете Удбы о положении в Белградском университете в 1951 г. сперва упомянуты три информбюровские группы численностью 4, 3 и 2 человека, а потом сказано: «В этом году, в отличие от предыдущих лет, не было ИБ организаций, групп и листовок» [16, с. 177]. Очевидно, даже в глазах спецслужб арестованные студенты до статуса группы не дотягивали, а присвоение этого статуса было делом субъективного выбора. Речь в принципе идет об одной и той же мировоззренческой среде, поэтому данный вывод можно распространить и на источники партийного происхождения.

Вторым аргументом против отнесения к группам всего, что названо группами в партийных документах, служит кампания охоты на ведьм. Югославские сталинисты развернули против просоветских сталинистов превентивные репрессии, чтобы обезвредить врага до того, как он сможет что-то сделать. Через центральные комитеты республиканских партий нагнеталась атмосфера шпиономании и подозрительности. Опубликованные документы по Словении и Хорватии показывают, что в ряде случаев Политбюро ЦК КПЮ прямо стимулировало республиканских руководителей к усилению репрессий, а в ряде случаев и сами ЦК республик проявляли инициативу. Всей своей тяжестью это давление обрушивалось на парткомы и первички, приводя к многочисленным эксцессам исполнителей.

Краевой комитет Компартии Сербии по Воеводине проводил ту же линию, что и другие югославские сталинисты. Однако из-за плохой систематизации партийного фонда в архиве курс охоты на ведьм проще проследить по материалам на уровне

срезных парткомов, чем непосредственно на уровне крайкома. Но и там документы изобилуют характерными свидетельствами. Вот протокольная запись о пленуме срезного комитета в Новом Кнежевце 26 апреля 1951 г. На пленуме присутствовал член бюро крайкома Соти Пал «с еще несколькими членами бюро крайкома и инструкторами». Соти Пал выступил с докладом, конспект которого включен в протокол: «В конце он говорит о Коминформе: ошибочно представление думать: есть или нет – не было арестов, да нет и коминформовцев. Этот вопрос Коминформа анализировать и искать глубже, всякая работа, которая направлена против ФНРЮ, это [деятельность] по линии Коминформа (который работает на каком угодно поле, будь то разрушение власти, торможение экономики и т.д.)» [17, л. 3]. То есть практически любая деятельность, приносящая вред обществу с точки зрения правящей партии, может быть объявлена активностью информбюровцев.

Следующий пример нагнетания сверху не так ярко выражен, но зато мы можем проследить, как отреагировала нижестоящая парторганизация. В крайкоме Воеводины на одной аналитической записке, датируемой 20 февраля 1951 г., голубым чернилом сделана пометка, что Кулский срез «самый слабый пункт» в вопросе информбюровцев [18, л. 1]. Основные аресты в Кулском срезе пришлось на 1949 г. Обвиняемых в поддержке Коминформа гражданских лиц обычно наказывали в административном порядке работами в трудовых лагерях на срок до двух лет, поэтому к началу 1951 г. осужденные информбюровцы стали возвращаться по домам. Их было много (как уже сказано, по данным на июль 1951 г. в срезе было проведено 167 арестов). Видимо в этом крайком и усмотрел проблему. В результате протокол заседания срезного комитета Кулы от 7 мая 1951 г. фиксирует очередное обострение шпиономании. Протокол провозглашает уклонение бывших коминформовцев от активной политической жизни одним из проявлений их подрывной работы [19, л. 3]. Не проходит и трех недель, как 27 мая собирается бюро срезного комитета и продолжает нагнетать страсти. Бюро взывает к необходимости борьбы с врагом и критикует «достаточную пассивность» членов партии и Народного фронта в попытках эту борьбу активизировать. Врагов бюро определяет как «реакцию» и «информбюровцев» [20, л. 2].

Аналогичные воззрения на пришедших из заключения информбюровцев насаждались и в других местах края. 7 ноября 1951 г. бюро срезного комитета Белой Церкви констатировало в порядке критики местных парторганизаций: «Также в некоторых партийных организациях не проведена позиция, что информбюровцы могут быть только против нас или за нас, но никак не пассивными» [21, л. 2].

Призывы «искать глубже» вели к печальным последствиям. Вот несколько крайне абсурдных примеров обвинения в информбюровщине. Бюллетень, составленный по итогам годовых собраний срезных профсоюзных веч Воеводины не позднее 25 февраля 1949 г., повествует о таком случае в г. Зренянине: в литейной мастерской железнодорожного депо на одном из бюллетеней какой-то делегат годового собрания написал во время голосования: «Да здравствуют англо-американцы, долой коммунистов». Далее слово источнику: «...Указанный был арестован УДБой. Раньше он был членом КПЮ, а сейчас информбюровец» [22, л. 2]. Несовместимость

поддержки Советского Союза и содержания написанного лозунга составителя бюллетеня не смутила.

В протоколе заседания срезного комитета Панчево от 21 августа 1951 г. содержится еще два характерных примера. Некий Марко Рапаич в Панчеве передал Удбе информбюровские листовки. А поскольку было неизвестно, откуда он их взял, это послужило основой для «подозрения», и он был арестован. Некая Ёванка Ристич в том же Панчеве «пассивизировалась» (стала общественно пассивной), когда ее муж открыто выступил за Информбюро. Потом (видимо после ареста мужа) она перестала быть членом партии, не участвовала в ее работе. Отсюда срезный комитет делает уверенный вывод: Ристич «поколебалась» по линии Информбюро [23, л. 2].

Итак, правящая партия проводила установку, что если информбюровцев не обнаружили, значит их плохо искали. Отсутствие разоблаченных информбюровцев могло навести на подозрение, что местная парторганизация, в которой не было никаких разоблачений, занимается попустительством, а то и прямо скрывает врага. Партактиву в этой ситуации только и оставалось, что копать глубже. В результате информбюровцами провозглашались люди, которые на самом деле таковыми не являлись. Это второй аргумент в пользу критического восприятия партийных сведений о существовании информбюровских групп.

Есть и третий аргумент, который мы получим, рассмотрев деятельность информбюровцев, опираясь на партийные документы. В Воеводине, в отличие от некоторых других регионов Югославии, нет сведений о совершении ими каких-либо насильственных действий типа диверсий и ухода в лес с оружием. Самые смелые физические деяния, которые они предпринимали, – это попытки бегства за границу. Так в Новосадском срезе 4 человека из Сирига неудачно пытались бежать в Венгрию, несколько воеводинских словаков бежали в Чехословакию. Удачливы оказались и 3 человека из Ченты Тамишского среза: в сентябре 1949 г. они пробились в Румынию [3, с. 230; 7, л. 3].

Следующий блок активности информбюровцев – это агитация, которая делится по способам осуществления на устную и листовочную. На рубеже 1940-х – 1950-х гг. в Югославии остро стоял ряд социальных и экономических проблем. Реакцию информбюровцев на них характеризует анонимный отчет, составленный в крайкоме в конце 1950 г. По данным отчета в городах Новый Сад и Кула они вели агитацию, используя недовольство горожан дефицитом потребительских товаров [24, с. 639–640]. Сбои в системе снабжения и дефицит достигли в 1950 г. своего пика, поэтому массовое недовольство горожан объективно имело место, а информбюровцы пытались стать тем сознательным фактором, который придаст недовольству политическую форму. Кроме того, информбюровцы агитировали перед выборами марта 1950 г. против КПЮ, призывали крестьян к выходу из крестьянских трудовых кооперативов (так в Югославии называли колхозы) и отказу от подписки народного займа [24, с. 641]. Намерение информбюровцев разрушить КТК упоминается и в других источниках партийного происхождения [5, л. 6]. Об агитации информбюровцев на почве специфических проблем рабочего класса мы никаких сведений не нашли, хотя их представители и были среди рабочих.

Впрочем, эти сведения об агитации можно интерпретировать и по-другому. Недовольство генерировалось естественным путем, а руку врага партийные функционеры усматривали там только в силу своей маниакальной шпиономании. По-видимому, какая-то часть партийных сведений об устной агитации информбюровцев имеет именно такую природу. Достоверно известны случаи, когда под устную агитацию могли быть подведены распространение слухов, констатация объективного положения дел (например, что Югославия находится в международной изоляции), обсуждение с друзьями тех или иных проблем в информбюровском духе, анекдоты против Тито. Но полностью исключить наличие устной агитации нельзя, хотя бы потому, что существовали информбюровские листовки, то есть агитация в самом деле велась.

Листовки, по-видимому, были самой распространенной формой активности информбюровцев, занимавшей второе место после устных разговоров. В доступных нам источниках они фиксируются в период 1948–1950 гг., но есть один случай относящийся и к 1951 г. [5, л. 6,7; 7, л. 3; 13, л. 13; 23, л. 2]. В основном листовки были малотиражными. В некоторых случаях они изготавливались на печатной машинке. Кустарный способ изготовления не дает возможности приписать их рукам информбюровской эмиграции. Она, как известно, старалась активно забрасывать в Югославию свою печатную продукцию при содействии СССР и советских союзников в Центральной Европе. А Воеводина – пограничная область, соседствующая с Венгрией и Румынией. Обнаружить там листовку заграничного происхождения было гораздо естественнее, чем где-нибудь в Боснии. Однако заграничные листовки не имели кустарного характера, потому в данном случае речь идет именно об активности местного информбюровского подполья.

Все остальные действия информбюровцев были либо пассивными, либо непреднамеренными. Среди пассивных действий особо выделяется прослушивание просоветских радиостанций. Похоже, даже в 1950–1951 гг. это было широко распространенное занятие [7, л. 3; 25, л. 4; 26, л. 2]. В числе других «преступлений» информбюровцев источники отмечают: хранение портретов Сталина, распевание русских песен, «пассивизацию», то есть отказ члена партии или общественного активиста от активной общественной деятельности, терпимость к информбюровцам, вышедшим на свободу после заключения.

Таким образом, с современной точки зрения большая часть того, чем занимались информбюровцы Воеводины, вообще не содержала в себе состава преступления. Разумеется, уголовное законодательство тогдашней Югославии было более суровым. До февраля 1951 г. в стране действовал уголовный кодекс, который предусматривал ответственность за контрреволюционную агитацию, за подготовку к бегству за границу, за доноительство по факту уголовного преступления [2, с. 993; 27, р.277; 28, с. 121]. Но и с этими заимствованиями из сталинского законодательства далеко не все информбюровцы должны были пасть жертвой репрессивной машины, если бы только они не применялись расширительно. Репрессии осуществлялись на основании так называемого вербального деликта, и этого было достаточно, чтобы преследовать людей, если они обнаружили какие-то частные моменты, похожие на информбюровские настроения. Отсюда следует третий аргумент против того,

чтобы все упоминания об информбюровских группах принимать за чистую монету.

По-видимому, подавляющее большинство групп с малым числом участников никогда группами не являлось. Карательные органы туда включали одного-двух людей, чьи отдельные высказывания или особенности поведения почему-то давали основание считать их информбюровцами, а также добавляли к этим главным жертвам людей из круга их общения, которые об этих высказываниях или действиях могли знать, но не донесли, куда нужно. При помощи такой методики легко сконструировать группу максимальной численностью до 5–6 человек.

Если применить эти критерии к Воеводине, то мы можем сделать вывод о существовании лишь шести крупных групп в Кулском срезе, Белой Церкви, Сремской Митровице, Вршце, Равном и Русском. При этом их численность тоже может быть преувеличена за счет включения лиц, которые что-то знали, но не донесли. Ну а реальность большинства мелких групп оказывается под серьезным сомнением. Помимо создания нелегальных групп, информбюровцы Воеводины не совершили почти ничего достойного упоминания: они предпринимали побеги за границу, занимались устной агитацией и распространением листовок. А вот партийные органы занимались охотой на ведьм, всячески преувеличивая масштаб опасности и подвергая репрессиям людей, в чьих действиях не было состава преступления.

С 1980-х гг., когда в Югославии началось научное изучение информбюровцев, возникла проблема достоверности сведений об их активности. На основании проведенного исследования можно утверждать, что данные партийных источников эту активность преувеличивают, особенно когда в их сообщениях фигурируют малые группы. Однако часть сведений оказывается достоверной и выдерживает критику. Тем самым не подтверждается точка зрения, будто все информбюровцы были простыми жертвами репрессивных кампаний по выявлению мнимых врагов.

Список использованных источников и литературы

1. Митровић М. Логораши умрли на Голом Отоку у периоду 1948–1958. године / М. Митровић // Токови историје. – 2013. – № 3. – С. 289-330.
Mitrović M. Logoraši umrli na Golom Otoku u periodu 1948-1958. godine / M. Mitrović // Tokovi istorije. – 2013. – № 3. – S. 289-330.
2. Zapisnici Politbiroa Centralnog komiteta Komunističke partije Hrvatske. – Zagreb, 2006. – Sv.2. – 1088 s.
3. Mitrović M. Ibeovci Srbije 1948-1952. u partijskim izveštajima / M. Mitrović // Jugoslovensko-sovjetski sukob 1948. godine. – Beograd, 1999. – S. 223-234.
4. Архив Војводине. – Ф. 334: Покрајински комитет Савеза комуниста Србије за Војводину. – П. 1440. – Л. 4.
Arhiv Vojvodine. – F. 334: Pokrajinski komitet Saveza komunista Srbije za Vojvodinu. – P. 1440. – L. 4.
5. Архив Војводине. – Ф. 334. – П. 3207. – Л. 6.
Arhiv Vojvodine. – F. 334. – P. 3207. – L. 6.
6. Архив Војводине. – Ф. 334. – П. 3232. – Л. 12.
Arhiv Vojvodine. – F. 334. – P. 3232. – L. 12.
7. Архив Војводине. – Ф. 334. – П. 2145. – Л. 2-3.
Arhiv Vojvodine. – F. 334. – P. 2145. – L. 2-3.
8. Архив Војводине. – Ф. 334. – П. 1791. – Л. 5.
Arhiv Vojvodine. – F. 334. – P. 1791. – L. 5.
9. Архив Војводине. – Ф. 334. – П. 1736. – Л. 2.

- Arhiv Vojvodine. – F. 334. – P. 1736. – L. 2.
10. Архив Војводине. – Ф. 334. – П. 1742. – Л. 2.
Arhiv Vojvodine. – F. 334. – P. 1742. – L. 2.
11. Архив Војводине. – Ф. 334. – П. 607. – Л. 1-3.
Arhiv Vojvodine. – F. 334. – P. 607. – L. 1-3.
12. Архив Војводине. – Ф. 334. – П. 2078. – Л. 2.
Arhiv Vojvodine. – F. 334. – P. 2078. – L. 2.
13. Архив Војводине. – Ф. 334. – П. 4027. – Л. 13.
Arhiv Vojvodine. – F. 334. – P. 4027. – L. 13.
14. Архив Војводине. – Ф. 334. – П. 7755. – Л. 13.
Arhiv Vojvodine. – F. 334. – P. 7755. – L. 13.
15. Previšić M. Djelovanje "ibeovaca" na području Slavnskoga Broda 1948. – 1955. / M. Previšić // *Scrinia Slavonica*. – 2010. – № 10. – S. 391-418.
16. Бонџић Д. Извештај УДБ-е о стању на факултетима Београдског универзитета и великих школа 1951. године / Д. Бонџић // Архив. Часопис Архива Србије и Црне Горе. – 2003. – № 1-2. – С. 172-188.
- Bondžić D. Izveštaj UDB-e o stanju na fakultetima Beogradskog univerziteta i velikih škola 1951. godine / D. Bondžić // *Arhiv. Časopis Arhiva Srbije i Crne Gore*. – 2003. – № 1-2. – S. 172-188.
17. Архив Војводине. – Ф. 334. – П. 1467. – Л. 3.
Arhiv Vojvodine. – F. 334. – P. 1467. – L. 3.
18. Архив Војводине. – Ф. 334. – П. 623. – Л. 1.
Arhiv Vojvodine. – F. 334. – P. 623. – L. 1.
19. Архив Војводине. – Ф. 334. – П. 1432. – Л. 3.
Arhiv Vojvodine. – F. 334. – P. 1432. – L. 3.
20. Архив Војводине. – Ф. 334. – П. 2031. – Л. 2.
Arhiv Vojvodine. – F. 334. – P. 2031. – L. 2.
21. Архив Војводине. – Ф. 334. – П. 1794. – Л. 2.
Arhiv Vojvodine. – F. 334. – P. 1794. – L. 2.
22. Архив Војводине. – Ф. 334. – П. 10892. – Л. 2.
Arhiv Vojvodine. – F. 334. – P. 10892. – L. 2.
23. Архив Војводине. – Ф. 334. – П. 1518. – Л. 2.
Arhiv Vojvodine. – F. 334. – P. 1518. – L. 2.
24. Извештај о Коминформу // Михаиловић Д. Голи оток. – Београд, 1990. – Књ. 1. – С. 636-645.
Izveštaj o Kominformu // Mihailović D. Goli otok. – Beograd, 1990. – Knj. 1. – S. 636-645.
25. Архив Војводине. – Ф. 334. – П. 1501. – Л. 4.
Arhiv Vojvodine. – F. 334. – P. 1501. – L. 4.
26. Архив Војводине. – Ф. 334. – П. 3386. – Л. 2.
Arhiv Vojvodine. – F. 334. – P. 3386. – L. 2.
27. Djilas M. Rise and fall / M. Djilas. – San Diego – N.-Y. – L., 1986. – 424 p.
28. Kuljić T. Tito: sociološkoistorijska studija / T. Kuljić. – Beograd, 1998. – 394 s.

Shakhin Y. V. Cominformists of Vojvodina according to documents of the communist party of Yugoslavia

In the year of 1948 the Soviet-Yugoslavian conflict had broken out. One part of Yugoslavian Stalinists supported Soviet accusations to the policy of the Communist party of Yugoslavia. They were named Cominformists, due to the Cominform who officially published these Soviet accusations. Some of them believed Stalin could not be mistaken, some of them were dissatisfied with bureaucratic degeneration of people's power. Ruling bureaucracy put them for fierce repression.

For a long time state security archives were closed in former Yugoslavia and the main sources for study of Cominformists were documents from the ruling party. The situation begins to change only last years. But the sources of party's origin are still actual. The author used them for research of Cominformists in Vojvodina autonomous region (Republic of Serbia).

The first part of the article gives general picture of Cominformist groups as they were mentioned in the sources. Several dozens of groups occupied several hundreds of men. But there are doubts if all these groups were real. We found three reasons for negative answer. First of all we know from other sources that author of analytics used the term “group” arbitrary in order to enlarge the scale of danger and guilt of arrested.

When we found the second reason by examine the character of repression. They were carried out in a witch-hunt style. Party’s officials called “to look deeper” and insisted that any current problem in society could be connected to Cominformists. The party believed if where were no arrests of Cominformists it does not mean they don’t exist in reality, it means only party has not looked for them carefully. As result the sources give up bright examples of arrests on completely absurd pretext in Vojvodina.

The third reason not to take seriously every description of the Cominformist group is a character of their activity. The sources give us picture of very moderate struggle. Some Cominformists tried to escape from Yugoslavia and crossed the state border illegally. Many of them agitated against ruling regime in oral form or by leaflets. As well they formed illegal groups. And that is all. The repressive laws of Yugoslavia extended the list of their crimes in comparison to contemporary views, but this obstacle is not enough to explain the scale of repression if we suppose the guilt of repressed majority as real.

On this ground the author concluded that largest part of small groups mentioned in the sources had nothing to do with real Cominformism. In the majority of cases only one or two man in every group of such kind could have something common with Cominformist views. And these groups were artificially constructed by Yugoslavian security services. Anyway there were six large groups in Vojvodina whose reality can’t be put under question.

Keywords: Yugoslavia, Vojvodina, Cominformists, Soviet-Yugoslavian conflict, political repression.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Агатова Мария А.** аспирант кафедры истории России Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
- Богомазова Анастасия Александровна** аспирант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, ведущий специалист Российского государственного архива древних актов (Москва, Российская Федерация).
- Володихин Дмитрий Михайлович** доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, советник директора Российского института стратегических исследований (Москва, Российская Федерация).
- Гатин Марат Салаватович** кандидат исторических наук, доцент кафедры татароведения и тюркологии Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Российская Федерация).
- Кравчук Александр Сергеевич** преподаватель кафедры истории ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», аспирант кафедры исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
- Лаптева Татьяна Александровна** доктор исторических наук, заместитель начальника отдела научной информации и публикации Российского государственного архива древних актов (Москва, Российская Федерация).
- Непомнящий Андрей Анатольевич** доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
- Павленко Алексей Павлович** кандидат исторических наук, преподаватель Колледжа электроэнергетики и машиностроения Российского государственного профессионально-педагогического университета (Екатеринбург, Российская Федерация).

Петерс Татьяна Павловна	научный сотрудник издательства «Русский мир» (Москва, Российская Федерация).
Платонова Надежда Игоревна	доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела славяно-финской археологии Института истории материальной культуры РАН, (Санкт-Петербург, Российская Федерация).
Раздорский Алексей Игоревич	кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий группой исторической библиографии Отдела библиографии и краеведения Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург, Российская Федерация).
Сеитова Эльвина Изетовна	кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет» (Симферополь, Российская Федерация).
Твердохлебов Николай Иванович	кандидат исторических наук, доцент кафедры менеджмента устойчивого развития Института экономики и управления КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
Шахин Юрий Владимирович	Гуманитарно-педагогическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Ялта, Российская Федерация).

СОДЕРЖАНИЕ

Володихин Д. М., Богомазова А. А.	
Российский морской военачальник Е. К. Крафт в зеркале делопроизводства Черноморского флота Врангеля и белой эмиграции	3
Гатин М. С.	
Политика крымских ханов XVI века по отношению к странам Восточной Европы в трудах немецких историков	20
Кравчук А. С.	
Письменные источники по истории российского государственного строительства в Таврической губернии первой половины XIX века.....	24
Лаптева Т. А.	
Документы по истории Крыма второй половины XIX – начала XX в. в фонде Юсуповых в Российском государственном архиве древних актов	33
Непомнящий А. А.	
«Надо спешить с этим, иначе многое может погибнуть...»: из истории подготовки советско-германской археологической экспедиции 1929 года по переписке Ф. А. Брауна и С. Ф. Платонова	45
Павленко А. П.	
Офицеры и классные чины в составе Севастопольского совета (1917–1918)	65
Петерс Т. П.	
«Записки о путешествии неизвестного лица по Крыму, Новороссии и Кавказу. 1818–1820» как исторический источник сведений о Крыме (опыт источниковедческого исследования).....	79
Платонова Н. И.	
Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский: Семья. Личность. Архив	95
Раздорский А. И.	
«Краткий отчет по управлению Черновецкой губернией» в 1914–1915 гг. губернатора С. Д. Евреинова как исторический источник	124
Агатова М. А.	
Из истории женского духовного образования в Тавриде: к 150-летию создания Таврического епархиального женского училища	138
Сейтова Э. И.	
Переселение в Крым: начало новой страницы в послевоенной истории региона	146
Твердохлебов Н. И.	
Неожиданный визит: американский гость М. С. Воронцова	153

Шахин Ю. В.

Информбюровцы Воеводины по данным документов компартии
Югославии..... 163

Сведения об авторах 172